

Лариса Бортникова

ОХОТНИКИ

Книга первая
ПОГОНЯ ЗА ЖУЖЕЛИЦЕЙ

Автор идеи
Константин Рыков

ЭТНОГЕНЕЗ

Издательско-торговый дом
«Этногенез»
Москва, 2011

ПОПУЛЯРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

Издательство
«Популярная литература»
Москва, 2011

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б31

Книга издана при поддержке Newmedia Stars

Бортникова, Л.

Б31 Охотники. Книга первая: Погоня за жужелицей / Лариса Бортникова — М.: Издательско-торговый дом «Этногенез», 2011. — 256 с.

1919 год. Майор Норфолкского полка армии Его Величества Артур Уинсли отправляется в Турцию расследовать загадочное исчезновение английского батальона. Назначение его не случайно — «Орден Рубиновой Розы и Золотого Креста» дает майору возможность исправить давнюю ошибку и вернуться в Британскую ложу Хранителей.

С другого конца света в Константинополь едет чикагский гангстер Красавчик, нанятый американскими Охотниками. Ему предстоит пуститься в погоню за странными предметами.

Случай сводит бандита и солдата в «Восточном экспрессе», и отныне охотиться за загадочными фигурками животных они будут вместе. Их ждут бурлящий Стамбул, полыхающий в огне Гражданской войны Крым, охваченная разрухой и голодом Москва. Их подстерегают пули турецких националистов, плен у крымских атаманов, козни московских чекистов и, конечно же, любовь.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б31

ISBN 978-5-904454-47-0

© Рыков К., 2011
© Бортникова Л., 2011
© Издательско-торговый дом «Этногенез», 2011

ПРОЛОГ

Константинополь, сентябрь 1908 года

Камушек в ботинке больно натирал палец. Гумилев кое-как доковылял до мраморной скамьи, оперся ладонью о край и чертыхнулся, обжегшись о раскаленный камень. Но притерпелся, вытряхнул наконец осколок щебня и сел. Достал трубку, кисет, откинулся на спинку и вдохнул в себя горячий константинопольский воздух. Хорошо-о-о...

Это было так... странно. Галата — суматошная, пыльная, увешанная флагами и иллюминацией — словно осталась где-то совсем в другом мире, в позабытом сне или в недочитанной дурной книге. Там, за Золотым Рогом, рушились империи, плелись интриги, происходили скандалы, политические убийства и финансовые коллапсы, а здесь, на площади Султанахмет, время будто утомилось и присело, зевая, рядом с ним. Вон, даже секундная стрелка замедлилась.

Гумилев вернул часы в карман, достал платок и вытер вспотевшие лоб и щеки.

— Николай Степанович, водички холодненькой? Лимонаду? Сбегаю принесу. — Коленька Сверчков, добровольно принявший на себя обязанности адъютанта, кивнул в сторону зевающего водоноши. — Холодненькой...

— Погоди, — остановил юношу Гумилев. — Черт их знает, что за вода. На окраинах холера лютует.

— Так что холера? Разве ж и пить теперь нельзя? В Петербурге тоже холера, в Воронеже... В Берлине — и то она. А попить охота. — Коленька отчего-то улыбался, словно разговор шел о чем-то пустяшном, легком.

— Все же потерпи, дружок. На «Тамбов» вернемся, откупорим голицынского трехлетнего. Вон, лучше мороженого съешь. Вкусное тут мороженое... А я нет... не буду. Не любитель сладкого.

— Ага! Съем! Вот прям слопаю! Ванильного с фундучком-с! — обрадовался Коленька и почти вприпрыжку бросился к тележке мороженщика.

Гумилева мучила жажда. Он попробовал сглотнуть, но горло пересохло. Язык, казалось, занимал весь рот, и трогать им небо было мучительно и противно. Еще с час назад казавшаяся отличной идея идти посмотреть на крутящихся дервишей сейчас выглядела абсолютно невозможной. Добраться бы до каюты. Лечь.

Площадь Султанахмет оказалась удивительно немногочудной. Водоноши сгрудились вокруг сидящего на корточках вихрастого заводилы и азартно резались в какую-то карточную игру. Их бочонки с охлажденной льдом водой и узкогорлые кувшины лимонада были заботливо упрятаны в тень. Лоточники то равнодушно глазели на игру, то озирались, высматривая доверчивых иностранцев. Прямо возле умывален мечети чистильщики обуви устроили импровизированную уличную мастерскую. Но зазывали прохожих лениво, скорее по привычке, нежели действительно рассчитывая на клиента. Прислонившись спинами к прохладному камню высокого фонтана, дремали двое дервишей. Глаза их были закрыты, лица расслаблены, но понять — спят ли они, в трансе или просто пережидают жару — было невозможно.

Гумилев искал глазами Коленку — ну где же он! Пора бы поторопиться, чтоб поспеть на борт к обеду! Коленка на укоризненные взгляды старшего друга не отвечал — влюбленно таращился на мороженщика. Как деревенский пастушок, впервые попавший на цирковое представление.

Разряженный в малиновый, шитый золотом коротенький жилет, в широкие шелковые шальвары, в алую с пышной кисточкой феску, мороженщик был необыкновенно хорош. Лихие усы и кудрявый чуб, черные с синеватыми белками глаза, отличные зубы, такие в сказках называют «жемчужными», и статная широкоплечая фигура... Гумилеву подумалось, что вот с кого надо рисовать рекламу папирос «ШикЪ» по шесть копеек за десять штук. Отлично будут продаваться.

Мороженщик творил при помощи медного гнutoго черпачка невероятнейшие трюки. Он подкидывал его в воздух, ловил у самой земли, ловко перебрасывал за спиной из руки в руку и вдруг извлекал черпачок из чана уже вместе с ванильным снежком внутри. Хватал неуловимым жестом из подставки вафельный рожок, производил ладонями какие-то пассы, будто он сам волшебник Гудини... Алле-оп! И вот уже рожок, заполненный сладкой ванильной прохладой, оказывался прямо перед лицом у пораженного зрителя.

Гумилев попробовал облизать губы. Огляделся, намереваясь так окликнуть водоношу. И черт с ней, с холерой.

— Я — Осман сын Ибрахима. Меняла. Почему это ты здесь, а не на условленном месте? Почему появился раньше? — Маленький — от горшка два вершка — чернявый и неряшливый мальчонка возник прямо перед Гумилевым словно из воздуха. Английский его был безупречен. Невозможно, невероятно безупречен для взъерошенного и босоногого турчонка лет восьми-девяти. Но поразило Гумилева не это, а то, каким спокойным и по-взрослому уставшим тоном разговаривал этот ребенок. Как будто внутри него прятался столетний гном.

— Не понимаю. Что? Что менять? Деньги? Мне не нужно...

— Вещь... Я же слышу, ты здесь не с пустыми руками. Значит, будешь менять. Могу предложить вот... это.

Гумилев вздрогнул непроизвольно, хотел было встать и пойти прочь, но отчего-то не сумел сразу подняться, а когда мальчишка начал один за другим тянуть за обмотанные вокруг цыплячьей шеи цветные шнурки и вытягивать амулеты — замер в неприятном оцепенении. Один, два, три, четыре...

— У меня вот это. Что у тебя?

Пацаненок бесстыже цапнул грязной своей в цыпках (бог знает, что он ими делал) ручищей за карман гумилевских штанов. Тот, где лежит Скорпион. Нащупав, вытаращил белки и звонко хлопнул себя ладонью по лбу. Изменился лицом, превратившись вдруг в обычного уличного нахаленка, каких в любом городе пруд пруди. Затараторил на ломаном английском:

— Миль пардон, бей эфенди. Осман путал человек. Другой человек ждал. Совсем другой. Но ты хороший бей. Мубарак-дядя дал тебе хороший вещь — Акреп. Не нада тебе менять. Акреп будет помогать тебе, да. Недолго еще...

И замолчал, сделал назад полшага. Застыл отстраненно. Будто прочертил между собой и Гумилевым невидимую границу. А потом рванул прочь — только пятки засверкали.

— Какой смешной турчаненок! Что-нибудь продает? — Коленька наконец-то вернулся. Шлепнулся на скамью рядом, с наслаждением потянулся. От Коленьки сладко пахло карамелью и молоком.

— Нет... Так... Меняла, — невнятно пробурчал Гумилев. Отчего-то беспокойно стало ему. Жара казалась такой тяжелой и жирной, как топлёные сливки. И тишина. Только клекот глупых чаек в небе. И камни вокруг. Одни только раскаленные камни. Хоть бы ветерок подул. Зачем-то Гумилев стиснул в кармане Скорпиона. Загадал, что, если подует ветер, все будет хорошо.

Ветер не заставил себя ждать. Взъерошил темные чубы мальчишек-водонош, заиграл с кисточкой на феске мороженщика, погладил Николая по усталому лицу.

— Лодоз, — зашумели одобрительно водоноши.

— Лодоз, — согласился мороженщик. Зачерпнул круглой медной ложкой уже подтаявшую ванильную массу, поднес черпачок ко рту, прикрыл сладко черные свои глаза и впился в прохладный шарик поцелуем. То есть именно так это выглядело со стороны. — Лодоз.

— Лодоз... — зачем-то повторил Гумилев. — Николя, братец, а давай не пойдем дервишей смотреть? Ну их...

— Ну их, Николай Степанович, — согласно кивнул Коленька. Нос его был вымазан шоколадом.

Воздух колыхнулся, застыл на секунду и вдруг загудел многоголосьем азана.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

О выборе. И о той самой минуте, которая, как это ни банально, определяет всю твою жизнь

Константинополь, сентябрь 1908 года, четверть часа спустя

Закончился полуденный азан. Константинопольское эхо выбрало самого сладкоголосого муэдзина и целую минуту трудилось, неспешно раскатывая по гулким кривым улочкам пять, четыре, три, две... и наконец, самую последнюю ноту. Потревоженные эхом горлицы кружили над крышами домов и куполами мечетей, переругивались с чайками, которые возомнили о себе невесть что и в поисках вкусненького забрались на территории, им не принадлежащие.

Кыш! Кыш, чайки... Прочь летите, к своей синей воде, к своим усатым рыбакам, к своим челнокам и лодчонкам, к своей хамсе и мидиям. Прочь! Здесь не ваше место! Здесь вы чужие! А чужих у нас в Константинополе не жалуют...

Юноша лет шестнадцати-семнадцати, очень высокий, немного чопорный, по виду и повадке англичанин хорошего воспитания и происхождения, вышел из Голубой Мечети

и зажмурился от непривычно яркого солнца. В руках у юноши была карта, под мышкой — сложенный зонтик-трость. В сваленной на ступенях небольшой кучке обуви юноша отыскивал модные остроносые штиблеты, наклонился и принялся их надевать. Несмотря на то что штиблеты натягивались с трудом, а зонтик то и дело норовил выскользнуть, держался юноша высокомерно и с достоинством. Но все же выглядел как обычный праздничношатающийся европеец, коих в Константинополе всегда предостаточно и чей интерес к экзотическим путешествиям настолько силен, что их не страшат ни холера, ни жара, ни уличные беспорядки.

— Лимонад! Вода! Шербет! — встрепонулись водоноши, до этого лениво прохлаждающиеся в тени густых высоких вязов. Заголосили вразнобой: — Холодная вода! Ледяной шербет!

— Тянульки, карамель, пахлава! Финик, фындик, фыстык! Что желает господин-бей — все найдется любой штучка! — подоспели за водоношами расторопные лоточники.

— Гадать! Глядеть судьба! Хороши судьба, господин-бей-мсье-сэр! — тут же невесть откуда взялись и окружили юношу цыганки, зазвенели монистами, залопотали, замельтешили пестрыми юбками, похожие на стаю встревоженных индюшек.

Молодой человек вежливо, но настойчиво протиснулся сквозь толпу и поспешил к фаэтону, поджидающему клиентов возле полуразрушенной стены. Ленивая тощая кобыла печально разглядывала каменную кладку в поисках хоть какой-нибудь травки или кустика, а фаэтонщик — древний, но крепкий турок — сладко дремал на облучке. Феска то и дело съезжала ему на лоб, он вздрагивал, возвращал головной убор на место, зыркал по сторонам страшными черными глазами, высматривая пассажиров, но тут же принимался зевать и уже через секунду снова проваливался в полуденную липкую дрему.

— Гранд Базаар! — скомандовал юноша, запрыгивая в экипаж со сноровкой и изяществом спортсмена. — Побыстрее.

Возница поежился, отгоняя сон. Занес было над тощим пегим крупом хлыстик... Потом помедлил с полсекунды и, не оглядываясь, прошамкал на корявом французском:

— Ногой топ-топ ходить можно, господин-бей. Близко тут рядом базар. Лошадка не надо совсем, господин-бей, — и ткнул плетеной кожаной рукоятью куда-то влево. — Прямо ходить топ-топ можно. Ясно? Тамам мы?

— Тамам! — кивнул юноша. И зарделся вдруг. Не то от того, что сказал вслух слово, которое до этого заучивал по словарям, не подозревая, что, произнесенное, оно будет таким нелепым и смешным. Не то от того, что вышла неловкость, которой можно было избежать, если бы кто-то не поленился повнимательнее взглянуть на карту.

— Артур! Артур Уинсли! Неужели это вы? Вот так встреча!

Через площадь, распугивая назойливых цыганок тростью, шагал известный на весь Лондон бездельник и повеса Сидней Райли. Райли был не один, но в сопровождении странного типа неопределенного возраста, похожего не то на безумца, не то на вольного художника — различить их бывает непросто. Одет «художник» был в мятый льняной пиджачок поверх вышитой по вороту белой блузы, в широкие турецкие шальвары, в сандалеты на босу ногу. На вытянутой дынькой голове красовалась засаленная тюбетейка. Его безбровое монголоидное лицо, все испещренное мелкими оспинами, украшала или, скорее, уродовала жиденькая ржавая бородка, а вот глаза были хороши. Пронзительные, янтарного цвета, как у кошки, — ведьминские глаза. Когда Райли спешно бросился навстречу знакомому, «художник» вежливо отстал, сделав вид, что заинтересовался каким-то пустяшным товаром у одного из лоточников.

— Артур Уинсли! По делам... или? Какая разница! Рад! — Райли протянул узкую и мягкую, словно у девушки, ладонь для рукопожатия, расплылся в липкой улыбке и, не дожидаясь встречного приветствия, обрушил на юношу поток светской

пустой болтовни. — Боже, Артур! Ну и времечко вы выбрали! Тут, знаете, каждый день новости одна другой... Как вам местная кухня? Осторожнее с водой — холера. Не ленитесь кипятить. Когда прибыли? Морем? Сушей? Где остановились? Могу подсказать очаровательный апартамент с видом на Босфор... Заведение Кастанидис, весьма гигиенично. Увлекаетесь древностями? Не вздумайте ничего покупать в Гранд Базааре — жулье. Обмишурят. Подсунут подделку. Варвары! Турки! Вон, видите того чудака?

Молодой человек кивнул. Он давно уже краем глаза следил за человеком в тюбетейке и находил это куда более интересным, чем треп с Райли.

— Русский... Зовут, кажется, Бизонофф. Или Бисонофф. Генний! Самородок! Хотя выглядит совершеннейшим идиотом и по-английски не понимает даже «хаудуюду». Но реплику от древности отличает с закрытыми глазами! Не преувеличиваю! Мне его одолжили хорошие знакомые. Могу передать вам, если желаете. Нищий совершенно. За две лиры подыщет вам все что хотите. Любой настоящий antique. Говорят, он анархист и так копит на бомбу, чтобы взорвать русского царя. Ну, как вам?

— Не интересуюсь. Благодарю.

— Зря. Осколки Византии... Можно такие вещички найти. А турки! Варвары! Все разрушили и продолжают доламывать. Подумать только! Теперь они у нас — республиканцы! Нонсенс! Вы слышали, Артур, их бедняжка султан признал конституцию! Что творится! Крушение Оттоманского колосса на наших глазах! Была империя — нет империи! Видали, что сегодня на Галате — Содом и Гоморра! Младотурки — республиканцы празднуют победу... А их Мустафа Кемаль — ох и хитрый жук! Далеко пойдет! Помяните мое слово — недолго осталось «республиканскому» султанату. Но варвары! Нельзя доверять ни слову! Какие, к чертям, они нам союзники? Пока мы строим

им дредноуты и эсминцы, они за нашей спиной сговариваются с германцами и русскими. Уже обедали? Тут рядом чудесная котлетная — таких котлет вы в жизни не пробовали...

Молодой человек молчал, всем своим видом демонстрируя вежливую скуку: меньше всего его интересовали политика, котлеты, дредноуты и неведомый «хитрый жук» — Мустафа Кемаль, — но Райли, кажется, не замечал намеков и продолжать трещать:

— У атташе вечером покер. Непременно приезжайте, Артур. Он будет счастлив вас видеть. Ваш дед ведь с ним знаком по клубу? Если не любите покер — сестры из «Красного креста» устраивают благотворительный бал — м-м-м... попадают такие пумпончики! Или в кафешантанчик... Или... О! Точно! Давайте-ка махнем с вами в Пера — сегодня танцует сама. Всего лишь один вечер! Это редкая удача, поверьте!

— Кто сама? — счел нужным спросить молодой человек и слишком тщательно, чтобы этого можно было не заметить, подавил скушающий зев.

— Как? Вы не видали афиш? Хотя... тут теперь сам черт ногу сломит. Какие уж афиши! Сама Мата Хари! Вы же понимаете... она здесь не для того, чтобы танцевать: красotka вoвсю шпионит и на лягушатников, и на бошей — это давно уже секрет Полишинеля. Но стоит воспользоваться шансом, пока она еще не того-с... — Райли многозначительно округлил блеклые глаза, сложил пальцы «пистолетиком», поднял их к голове и ткнул указательным пальцем в висок. — Бэнг-бэнг! Прощай, дива! Все же женщинам, особенно столь обворожительным, не место в разведке. Готов, кстати, вас ей представить.

— Благодарю. Я подумаю, но пока слишком спешу. Простите, Райли. Увидимся... — не выдержал юноша и довольно бесцеремонно прервал собеседника.

— О! Неужто какая-нибудь маленькая одалиска вскружила вам голову? Аккуратнее, за флирт с турчаночкой запросто

можно стать евнухом. Все-все... Берегу ваше инкогнито и испаряюсь. До вечера, — сладко заулыбался Райли, отпихнул тростью неосторожно приблизившегося нищего и пошел прочь, насвистывая модную в этом сезоне песенку про влюбленного светлячка.

Мало кому было известно, что под маской светского бездельника Сиднея Райли скрывается амбициозный шпион Интеллидгент Сервис. Для Артура Уинсли (а именно так звали молодого человека) это не являлось тайной — список всех действующих в Константинополе британских агентов Артур вы зубрил наизусть. И хотя интересы Райли и Уинсли вряд ли пересекались, встреча эта была весьма некстати.

Артур Уинсли — с недавнего времени послушник герметического ордена «Рубиновой розы» — находился в Константинополе не ради праздного любопытства. Он предпочел бы сейчас торчать в дождливом Оксфорде и готовиться с друзьями к декабрьской регате. Или — черт с ней, с регатой — чудесно было бы просто завалить с близнецами Эгертонами в паб, тот, что возле книжной лавки с желтой вывеской на Хай-стрит, и весело провести там время. Но несколько месяцев назад Артур, завершив долгий и утомительный этап ученичества, перешел в степень послушника, завел «магический дневник» и получил от магистра свое первое задание. Кому-то, например близнецам Эгертонам, оно могло показаться совсем несложным, но это оттого, что кто-то не знал, что это не просто обмен, а испытание...

Артуру требовалось отправиться в Константинополь и произвести обмен магическими предметами — процедуру, в общем-то, рутинную, но не для обычного послушника. Да что послушник! Не всякий старший адепт был допущен к знанию

о существовании магических вещей, а тут мальчишка-профан. Впрочем, Артур не обольщался. Он прекрасно знал, чем обусловлен его «головокружительный успех». Обнаруженный еще в раннем детстве «слух» на магические предметы сразу и навсегда определил будущее маленького Артура. Дед его, один из магистров «Рубиновой розы», едва лишь понял, каким даром обладает внук, немедленно определил того к себе в ученичество, и уже годам к десяти мальчик знал о маленьких фигурках зверей, птиц и насекомых достаточно для того, чтобы считать себя будущим Хранителем. И более чем достаточно, чтобы понимать какой силой они обладают и какую опасность могут представлять для людей непосвященных. Получив допуск к архивам ордена, Артур много читал. И чем больше он узнавал про наследие Прозрачных, тем меньше ему хотелось связывать с ним свою судьбу.

«Из ордена можно выйти, но оставить его нельзя. — Сэр Артур Уинсли-старший (Артура называли в честь деда) чувствовал настроения внука, но их не одобрял. — Ты можешь хотеть или не хотеть этого, но ты — избранный. Предопределенность твоей судьбы очевидна». Важность, с которой дед произносил слова «избранный» и «предопределенность», сперва волновала Артура (все же чертовски приятно быть особенным, не таким, как прочие), но вскоре начала раздражать и даже смешить. Артур Уинсли предпочел бы быть обычным подростком и проводить время, не чихая от пыли над манускриптами, но на корте, на конюшне, а еще лучше — боксируя с Хью Эгертоном, сильнее которого в ближнем бою Артур не встречал. Однако Артур так ни разу и не отступил от подробно составленного ежедневного расписания, где с полудня до самого файв-о-клок дедовым колючим почерком было выведено «Артур — архив». Порой мальчику казалось, что он покрывается коростой из книжной пыли и становится похожим на бледную библиотечную мышь. Но послушаться деда не смел. Всегда предельно спокойный,

властный и немногословный, сэр Артур Уинсли умел одним взглядом расставить точки над «і». Всякое сопротивление было лишено смысла. Ни разу маленькому Артуру не удалось попросить поддержки у отца с матерью. Слабовольный и тихий отец — плохой юрист и настолько бездарный писатель, что даже дворецкий Питер Хоуп, человек предусмотрительный и вежливый, отказывался читать его опусы. И вечно страдающая мигренями мать, хрупкой никчемностью напоминающая свои китайские безделушки. Артур всегда был с ними подчеркнуто холоден и корректен, как с незнакомцами или слугами. Они же отвечали ему кукольными улыбками и словами безвкусными и мятыми, как вынутый из супа лук. Им даже в голову не пришло взять сына с собой в Сиам, куда они направились за «впечатлениями» и где остались, напрочь позабыв про то, что в далеком Альбионе у них растет наследник.

Артур давно уже не вспоминал о родителях. А вот про деда помнил постоянно. Фотографию — ту, где старый Уинсли выпрямился в кресле точно под портретом своего прапрадеда, с незажженной сигарой в левой руке... пальцы сложены джентатурой, но заметить это можно, лишь тщательно рассматривая фото, — Артур хранил в бумажнике. А еще Артур с удивлением для самого себя обнаружил, что всякий свой поступок рассматривает с точки зрения «а что бы сказал на это дед». Дед сказал бы: «Артур! Поторопись! Джентльмены не опаздывают».

Артур извлек из кармана серебряный брегет — подарок старикана на шестнадцатилетие. Прищурился, чтобы разглядеть стрелки, и ахнул. Через двадцать минут у него назначена была встреча со Стамбульским Менялой, а теперь, из-за впустую потраченного на болтовню с Райли времени, Артур безнадежно опаздывал.

— Гони! Гранд Базаар! Быстро! Никаких топ-топ ногами! — рывкнул Артур прямо в ухо дремлющему фаэтонщику. Тот

вскинулся так, что феска слетела прямо на колени Артуру, плюхнувшись в пассажирское кресло. — Пулей! Тамам?

— Тамам, бей эфенди! Тамам... — залопотал фаэтонщик. И вдруг неожиданно громко и страшно завопил: — Оха-а! Хайди, хайди... Чабук!

Лошадка от удара хлыстом дернулась, обиженно фыркнула и неожиданно резво зацокала по брусчатке подковами.

В Константинополе Артур был впервые. Поэтому теперь, спрятавшись от всего мира под козырьком экипажа, он позволил подростковому живому любопытству взять верх над напускной серьезностью и с удовольствием глазел по сторонам.

Город оказался тихим и немногочисленным. Все его жители не то прятались по домам, спасаясь от жары и беспорядков, не то, наоборот, торопились нырнуть в самую гущу событий — на Галату. Туда, где сегодня праздновали свой триумф республиканцы, где чествовали мятежных пашей и где султан скрывал за мудрыми речами свой позор и свою печаль. Артура же политика интересовала куда меньше, чем происходящее вокруг. Вон, просеменила из дома в дом стайка укутанных в разноцветные чаршафы турчанок. Одна, будто споткнувшись, задержалась, приподняла шелковый подол, показала крошечную ножку в ажурном чулке, одарила хорошенького европейца из-под чадры жарким взглядом. Догнав остальных, оглянулась, засмеялась задиристо. Вон, судя по поставленным в тень кувшинам, водоноши — вот кому жара нипочем. Да и покупатели, похоже, ничуть не интересны. Сидят водоноши на корточках и в карты режутся под вопли какого-то вихрастого горлана. Вон чистильщики обуви — тоже не могут похвастать обилием клиентов. А вон дервиши. Настоящие дервиши! Застыли, будто сытые змеи, неподвижно возле фонтана в высоких своих войлочных шапках.

А вон и мороженщик... Артур даже привстал, чтобы лучше его разглядеть. Похожий на факира нарядный турок

развлекал небольшую толпу, жонглируя ванильными, лимонными, клубничными и карамельными шариками и широко улыбаясь покупателям, покупательницам... Возле мороженщика стояли две монахини, одна из которых — та, что постарше и погрузнее, вдруг обернулась, поправляя сбившийся апостольник. Артур, еще секунду назад намеревающийся взять порцию крем-брюле (спешка спешкой, а мороженое в знойный полдень — необходимая вещь), немедленно передумал. Одно дело — неожиданная, неприятная, но все же безопасная встреча с Райли. Другое дело — Хранительница высшего ранга. Хранительница принципиальная, известная тяжелым нравом, подозрительностью и непростыми отношениями с «Рубиновой розой». С матушкой Февронией сам Артур, разумеется, знаком не был (нос не дорос), но слышал немало. Да и портрет ее — точнее, карандашный набросок, аккуратно наклеенный на картон и подшитый архивариусом в досье с грифом «секретно, не копировать», — разглядывал неоднократно. Лоб с тяжелой поперечной складкой над переносицей, глубоко посаженные темные глаза, широкие скулы, рот тонкий, надменный. «Надо непременно сказать деду, что видел ее на выходе с Гранд Базаара. Наверняка здесь неспроста, наверняка старуха тоже меняет предметы... Уже поменяла. Выяснить бы — что». Артур через широкий порез в кожаном козырьке фаэтона еще довольно долго следил, как Хранительница по-мужски размахивает руками и что-то жарко выговаривает своей спутнице.

— Эй! Тамам, бей-эфенди! Приехали! Капалы Чарши... Гранд Базаар!

Юноша очнулся. Кинул в протянутую ладонь фаэтонщика монетку. Добавил еще столько же, когда ладонь так никуда и не исчезла. Выбрался на мощенную цветной брусчаткой площадь — и очутился прямо перед низкой аркой, ведущей внутрь крытого рынка, растянувшегося на целый квартал, а то и все три.

Внутри было прохладно, довольнолюдно — и волшебнo. Волшебным был тусклый золотистый свет, сочащийся через узкие пыльные окна и путающийся в гранях драгоценных камней, выложенных в витринах многочисленных ювелирных лавок. Волшебным был многоголосный невнятный гул — чей-то вскрик, чей-то смех, чей-то шепот, — перекрываемый воплями неутomимых зазывал. Волшебным был запах. У Артура на мгновение закружилась голова, когда он втянул в себя аромат мокко и специй. Так, только так и не иначе и должны пахнуть сказки. «Тысяча и одна ночь», — выдохнул Артур и зажмурился, чтобы как можно дольше удержатъ в себе ощущение чуда. Юноша не без сожаления догадывался, что уже через минуту, когда обвыкнутся глаза и уши, когда обоняние притупится и перестанет различать необыкновенные ароматы, весь его восторг и растерянность исчезнут без следа. И Гранд Базаар, или, как его зовут турки, Капалы Чарши, станет всего лишь еще одной экзотической достопримечательностью в копилке впечатлений. Но пока...

«Ого!..» — Артур Уинсли не удержался от восхищенного возгласа. Капалы Чарши щедро открыл юноше свои тайны, стоило лишь зажмуриться и сделать несколько глубоких вдохов. Способность «слышать» предметы не доставляла Артуру особенного удовольствия. Больше раздражала. Как чересчур хорошее зрение, которое мешает его обладателю читать газеты или рассматривать картины: ведь видит он лишь волокна бумаги и мазки масла по холсту. К тому же след от сильных вещей вызывал у Артура головокружение и тошноту. Чтобы «услышать» магическое прошлое того или иного места, Артуру требовалось закрыть глаза и поменять ритм дыхания на более медленный... И тогда мир, обычный еще несколько секунд назад, мир, наполненный красками, звуками и запахами, — превращался в плоское полотно, заштрихованное следами от использованных здесь предметов. Неаккуратные и жирные выцветшие

кляксы от давней и недолгой активации. Длинные тусклые полосы... кто-то несколько лет назад довольно часто использовал здесь мощную вещь. Тонкие, словно сделанные остро отточенным карандашом черточки — или сама вещь никчемна, или владелец не знает, чем обладает, или же вещь не желает подчиниться владельцу... Если же след сияет и переливается, как будто изнутри его подсвечивают электрической лампочкой, — вещь находится рядом и именно сейчас работает вовсю.

Воздух Капалы Чарши был весь истерзан магией — вдоль, поперек, вниз, вверх, по диагонали, сплошными, пунктирными мазками и пятнами. И кое-какие из следов сверкали изо всех силенок. Артур открыл глаза, огляделся. При желании он мог бы узнать обладателей. Вон тот крючконосый старик, возле лавки которого толпятся шумные арабы, не просто так перебирает янтарные четки. Кто знает, что у него там вместо одной из бусин. Вот промелькнул вдали цыган — наверняка именно за ним тянется тонкая сияющая нить. А в тесном проходе, где Артур заметил небольшие серебристые вспышки, спешил смешной человечек, придерживая тубетейку. Артур с изумлением узнал того русского... Бизонова? Или Бессонова? Надо же, опередил.

Русский нырнул в приоткрытую дверцу, едва не задев головой притолоку. «Юзеир Шмуц. Антиквар» — прочитал Артур вычурную русскую надпись над входом. И тут же наткнулся взглядом на нацарапанную от руки еле заметную приписку «Остап меняла». Размышления, тот ли это меняла, с которым назначена встреча, стоит ли заглянуть внутрь и спросить или лучше подождать, пока русский уберется прочь, заняли с полминуты. А когда Артур почти принял решение все же войти, дверь распахнулась и из антикварного магазинчика вылетели дети: мальчик и девочка лет девяти.

— Остап! Остап! Оста-а-ап! По-русски — Остап! Русча — Остап! — хохотала девочка, подпрыгивала, чтобы ткнуть пальцем в вывеску, и что-то бойко кричала на турецком.

Артур невольно заулыбался. Некрасивая, чуть полная, конопатая, рыжая, с не прибранными в косу кудрями, девчонка была настолько звонкой, непоседливой и яркой, что не улыбнуться при ее виде было невозможно.

— Осман! — Мальчик топнул ногой и сильно, но не обидно стукнул девчушку по спине кулаком.

— Остап! — задразнилась еще пуще рыжая, заскакала на одной ноге, как огненный мячик. Потом поднырнула под занесенную для очередного тычка руку мальчика и метнулась в сторону, взмахнув рыжей гривой, помчалась вприпрыжку прочь, выкрикивая во весь голос: Остап! Остап!

— Оха-а! Кош, Алев! Кош! — заулюлюкал пацан ей вслед. Потом спокойно развернулся и направился прямо к нише, в которой прятался Артур.

— Эй, англичанин! Эй! Чего зеваешь по сторонам? Я Осман, сын Ибрахима. Меняла. Вывеску видел? Вот. Это про меня. Я тебя давно поджидаю. Ну? Будешь менять — меняй.

По-английски мальчишка говорил блестяще, и не знай Артур, что Попугай сейчас у полковника Диксона в Афганистане, решил бы, что маленький меняла нарушил правила и вовсе пользуется вещью. На всякий случай Артур присмотрелся. Нет. Глаза у мальчишки были обычными — веселые такие, хитрющие угольки.

— Так Осман или Остап? — не удержался от подтрунивания Артур.

— А! Это она писала. Алев. Бестолковая. Все путает. Буквы путает. Слова путает. Имена путает. Женщина потому что, а им нельзя ни в чем доверять. Сама же ошиблась, а теперь сама же дразнится, — махнул рукой мальчишка, поморщился, и сразу стало понятно, что речь идет о рыжей девочке. —

А я Осман — сын Ибрагима, стамбульский меняла. Ладно. Чего попусту болтать? Ну? Что меняем?

— Да... Конечно... — опомнился Артур и извлек из внутреннего кармана шелковый футляр.

Он вздрогнул непроизвольно, когда мальчишка начал один за другим тащить за обмотанные вокруг цыплячьей шеи цветные шнурки. Артур приучил себя обращаться с вещами бережно, без необходимости не трогать и не носить на себе, тем более несколько штук одновременно. Предметы, оказавшись рядом, могли повести себя непредсказуемо, и тогда их владельцу пришлось бы туго. Но этот чумазый меняла словно не подозревал об опасности. Чего, конечно, быть не могло.

Мальчишка перехватил встревоженный взгляд Артура, хмыкнул и убрал ладошку в сторону. Артур облегченно вздохнул. Каждая вещь была тщательно завернута в кусочек замши, перетянутый шелковой ниткой. Приглядевшись пристальнее, Артур заметил на ворсистой поверхности импровизированных мешочков арабские буквы.

— Прапрадед мой писал, — пояснил зачем-то меняла.

Место стамбульского менялы наследовалось сыном от отца вот уже на протяжении многих веков, и Артур не сомневался, что переминающийся с ноги на ногу и лениво ковыряющий в носу малыш знает о предметах не меньше, а то и больше его самого. Про менял в архивах Артур нашел немного, хотя выискивал тщательно. Но и это немногое звучало как-то сухо, даже брезгливо. Словно авторы древних манускриптов и современных исследований гнушались описывать такой малозначимый феномен.

— Лавочники... Профаны, — отмахнулся дед, когда Артур попытался выяснить хоть что-то кроме того, что ему уже было известно. — Берут у одних Хранителей, отдают другим. Много не болтают. Поэтому, когда необходимо получить или избавиться от вещи так, чтобы никто или почти никто об этом не узнал, проще обратиться к меняле. Тот получает свой

процент. Сами менялы вещами не пользуется. По крайней мере, заявляют, что не пользуются. Не отдают. Не продают. Только меняют. За деньги.

Слово «деньги» лорд Уинсли выплюнул с отвращением. Артур понял, что разговор завершен. Но на все свои вопросы ответа он не получил. Профаны ли? Как могут те, кто много веков связан с «дарами» Прозрачных, оставаться наивными глупцами? Неужели дело лишь в прибыли? Артуру нестерпимо хотелось расспросить этого кучерявого и наглого на вид мальчишку. Тот насмешливо снизу вверх глядел на Артура. Совершенно обычный ребенок. Нос картошкой, в болячках. На лбу длинная подсохшая царапина. Одна бровь выше другой. Один в один удивленный щен спаниеля — такой был у Артура лет десять назад. Как его звали? Пенни? Гульден? Соверен... Точно — Соверен. Только на шее вместо ошейника с бляхой — амулеты Прозрачных.

— Вот что у меня есть. Выбирай.

Крупная, тошнотворно похожая на оригинал, металлическая Сколопендра болталась туда-сюда перед самым подбородком Артура. Вслед за Сколопендрой на свет появилась Стрекоза. Затем Шмель. За Шмелем Паук, за Пауком Бабочка с ажурными крыльями. Мальчишка сунул ладошку за ворот, пошарил там, словно ощупывая что-то (Артур заметил еще один кожаный шнур, потертый сильнее прочих), но, так ничего больше ничего и не вытащив, пожал плечами.

— Давай твою!

Пацаненок цапнул грязной рукой футляр. Щелкнул замочком.

— Вах! — причмокнул, удивленно приподнял бровь. — Морж? Британия скидывает Моржа? Что? Закончился? Наигрались? Или больше не морозит?

— Я всего лишь курьер. — Артур действительно не знал, чем было продиктовано решение ордена избавиться от Моржа — вещи сильной и опасной, но это и не входило в его полномочия.

«Джентльмен не должен пытаться узнать больше того, чем ему знать полагается», — голос деда зазвучал в ушах так, словно тот находился рядом. Стоял за Артуровой спиной и дымил сладкой сигарой. — Меняю Моржа. Проверишь?

Турчонок двумя пальцами подцепил фигурку за ласту и, подкинув амулет высоко к потолку, так чтобы на него попал прямой луч света, удовлетворенно кивнул. Незаметным ловким движением схватил Моржа, как будто выдернул из воздуха, и выжидающе уставился на Артура.

— Мы рассчитывали на Гусеницу, — признался Артур. — Прошлый курьер доложил, что она здесь.

— Была, да только что сплыла, — хмыкнул турчонок. — Вы тут не одни ходите. Все ходят. Немцы ходят. Французы ходят. Американцы... Даже японцы ходят. Русские вон. Твои старшие будто не знают — у менялы ничего не задерживается.

— А куда сплыла?

— Ха, ха, ха. — Он не рассмеялся. Просто противно протянул «ха, ха, ха». — Англичане всегда думают, что если кто-то не англичанин, да еще и маленького роста, то он набитый дурак.

— Я должен был попробовать, — признался Артур. Впрочем, он, кажется, догадывался, куда сплыла Гусеница.

— Ну. На что меняешь? Или до вечернего намаза тут проторчишь?

— Бабочка... — Артур сделал вдох поглубже и повторил еще раз: — Если не Гусеница... Тогда Бабочка.

Выполнение приказа не требует раздумий. Счастлив раб, вассал, солдат, ученик — им не полагается выбирать, решать, сомневаться и отвечать за ошибки. Сказали убить — убить! Сказали помиловать — помиловать. Сказали «Гусеница... или Бабочка». Значит, Гусеница или Бабочка. И только в такой последовательности, и ничего кроме. Хороший ученик послушен и не допускает интерпретаций. И поскольку Гусеницы у менялы не оказалось, Артур выбрал Бабочку — предмет

вожделения героев, шпионов, убийц, актеров и параноиков... Артур на мгновение дал волю мечтам и вообразил, что бы делал он, обладай он Бабочкой лично. Сперва фантазия Артура забросила его в тело владельца паба на Хай-стрит. «Вот этого студента и его спутников отныне и навсегда обслуживать бесплатно», — объявил Артур подавальщицам Мэри толстой и Мэри тощей, и те закивали так часто, что стали похожи на китайских болванчиков. Затем Артур в образе капитана кембриджской команды гребцов перевернул лодку у самого старта, позволив Оксфорду победить с огромным отрывом... но тут же решил, что это неспортивно, и немедленно во всем сознался судьям. Мысленно побыв немного деканом, затем близнецами Эгертон по очереди, затем, для разнообразия, своим дворецким Питером Хоупом, Артур робко примерил на себя тощую Мэри (кстати, примерить Мэри — неплохой каламбур, хоть и слегка скабресный). И вот так, в теле тощей Мэри, он подошел к высокому зеркалу в гардеробной своей лондонской квартиры, дотронулся руками до тугих локонов, провел тыльной стороной ладони по лбу, потом ущипнул сам себя за наруганную щечку, потом погладил шею, потом коснулся груди... Артур сглотнул и покраснел, живо представив все открывающиеся владельцу Бабочки перспективы. Но вовремя вспомнил, где и зачем находится.

— Хорошая сделка, — похвалил выбор Артура Осман сын Ибрагима. — Хорошая вещь. Ты совсем чуть-чуть опоздал. Гусеница все же помощнее будет. Сейчас почти пустышка и вредная, но через десять лет за нее начнут убивать.

— Знаю. Но раз уж «сплыла»... Бабочка.

Турчонок развел руками. Протянул Артуру фигурку насекомого. Потом с плохо скрываемым равнодушием к уже бесполезному иностранцу зевнул и прищмыгнул носом.

— А что еще есть? Ведь есть же еще что-то... — Артур неожиданно для себя коснулся груди мальчишки. Но едва пальцы

Артура дотронулись до выпуклого контура, как мальчишка резко отпрыгнул в сторону.

— Эй! Не тронь! Это не на обмен. Это мое.

— Что... Что там? — Артур с удивлением разглядывал свои пальцы. Какую-то долю мгновения чудилось ему, что он обжегся. Но ни следов, ни боли... Лишь острое ощущение пламени. — Что там?

Мальчишка не отвечал. Он пристально рассматривал Артура. Не мигая и не шевелясь. Так, впервые увидев матерого лисовина, застывают в восторженном удивлении маленькие спаниели. Артур не удивился бы, если бы он сейчас высунул язык и громко, по-щенячьи засопел. При этом Остап сын Ибрагима ничего не говорил. Так же молча он приблизился к Артуру, стянул с кудрявой головы тот самый потертый шнурок, деловито перехватил его поудобнее и...

— Что вы... что ты вытворяешь? — Артур подскочил на месте, когда турчонок прижал к его запястью тот самый неизвестный и довольно жгучий предмет.

Турчонок приподнялся на цыпочках, и прямо под носом у Артура оказалась его ладонка, на которой, уютно устроившись, поблескивала семью выпуклыми крапинами металлическая Божья Коровка.

«Предмет Божья Коровка предлагает семь нестандартных выходов из любой тупиковой ситуации. Выбор решения остается за владельцем. Стоит помнить — лишь один из предложенных предметом сценариев оптимален. Остальные шесть приведут к негативному результату или вернут владельца на исходную точку. Путем тщательного перебора предлагаемых вероятностей и ведения скрупулезных записей возможно вычислить оптимум, однако это процесс долгий и вынуждает владельца использовать вещь чаще, чем допустимо. Последний известный владелец Божьей Коровки — султан Абдул-Меджид, носивший прозвище Самый Робкий из Султанов. Абдул-Меджид получил

предмет Божья Коровка по наследству от своего отца — реформатора Селима Третьего. В 1861 году со смертью султана Абдул-Меджида предмет утерян. Для британской логи интереса не представляет». — Артур Уинсли помнил даже номер страницы в рукописной энциклопедии, над которой архивариус ордена трясся много больше, нежели над собственной молодой супругой. Сорок шестая... Страница номер сорок шесть.

— Она тебя выбрала! — Лицо мальчишки, его поза, его взгляд — все это кричало, вопило и жестикулировало: «Невозможно!» По крайней мере, именно так могли выглядеть титры к кадру из немого кино. Чумазый турчонок, обхватив лохматую голову руками, в ужасе полуприсев, таращится снизу вверх на юношу в европейском костюме из дорогой ткани. Юноша явно недоумеваает, отчего немного нервно тербит рукоять зонта. И подпись готическим шрифтом: «Невозможно!»

Артур никак не мог понять, из-за чего так вдруг всполошился меняла. Ну, прижег его металлический жучок — что с того? Бывает. Предметы частенько сами выбирают владельца. Так бездомные собаки увязываются за случайным прохожим. Это не признак уникальности и не указание на избранность или великую миссию. Да ничего это не значит, всего лишь каприз предмета. Случайное совпадение. Единственное в таких случаях негласное правило — предложить вещь тому, кого она отметила вниманием. А там, дорогой избранник, хочешь — соглашайся, хочешь — нет. Понятно, если бы на месте Божьей Коровки оказались Морж, Гусеница или хотя бы та же Бабочка. Все же жаль безвозмездно расставаться с предметами, за которые всегда можно получить хорошую мзду. Но вещь, свойства которой имели весьма сомнительную ценность... Вещь бестолковая и в каком-то смысле вредная. В самом деле, ну кто захочет постоянно путаться в выборе? Кого привлекает бесконечное топтание на перепутье, даже если одна дорога из семи ведет напрямик в рай или в тот уютный паб, что возле

книжного магазинчика под желтой вывеской... Ведь кроме дорожки в рай существует еще целых шесть. А удобных указателей вроде «Пойдешь налево — зонтик потеряешь. Направо пойдешь — встретишь Сесилию Эгертон. Прямо пойдешь — получишь булыжником по темени», увы, не существует.

Нет. Артур определенно не понимал, чего это меняла так взмок и покраснел. Тем более будущий Хранитель присвоить предмет все равно права не имел, да и прямой приказ магистра гласил: «Гусеница или Бабочка... И ничего кроме!» Ничего! Поэтому Артур намеревался просто и без лишних экивоков отказать от «подарка судьбы». Однако стоило ему озвучить это свое намерение, как турчонок разозлился и заверещал громко, сглатывая от волнения окончания:

— Ты... ты... Ты не понима... Случайностей не бывает! Слышишь, не бывает! Вы, европейцы, считаете, что все знаете, что в ваших руках сила, а в ваших головах разум. Вы думаете, что ваши правила — правильные. Вы уверены, что умнее всех... — Осман отвернулся в сторону и уставился куда-то в пустоту. Ладонь его то сжималась в кулачок, то разжималась. Точно он хотел, но никак не мог решиться и произнести что-то важное.

Артур ждал молча. Хотя мог бы сказать, что малыш ошибается. И что Артур знаком по крайней мере с одним европейцем, считающим так же, как он. «Случайностей не бывает...»? Да-да! Как-то так, только чуть более витиевато и хладнокровно всегда повторял дед.

— Есть еще Жужелица... — наконец выпалил пацан и, худобно взяв себя в руки, продолжил: — Жаль, что ты гяур. Очень. Мне даже хочется убить себя и сохранить секрет, и будь я воином или монахом, я бы так и поступил, но я всего лишь меняла. Мой дед, мой отец, я... Мы так давно ждали. Мы надеялись — явится мужчина, правдивый, взрослый, сильный и мудрый. А пришел дерзкий англичанин, который еще и не бреется толком и наверняка еще не познал женщины.

Но она тебя выбрала, поэтому я должен сказать. Слушай! Да не зевай же ты! Слушай! Есть еще Жужелица. И если она тебя тоже признает, ты сможешь пользоваться ими обеими. Одновременно, сколько хочешь и без последствий. Слушай же! Не зевай! — Меняла набрал в себя побольше воздуха, прокашлялся (наверное, какая-нибудь ловкая перчинка попала ему нос) и уже совсем спокойно, монотонно, словно диктовал под запись страницу скучного учебника, продолжил: — Про Жужелицу мало кто слышал. Например, ты — нет. И твои старшие тоже. И не делай такое лицо, как будто я запихнул тебе в рот половинку лимона. Менялы — не Хранители. Врать нам, конечно, тоже не положено. Но утаить кое-что не возбраняется. В общем, лучше будет, если ты своим старшим про Жужелицу не разболтаешь, но тут я не советчик. Жужелица и Божья Коровка — султанская пара... Наша! Всегда принадлежала отоманам. Всегда! И хранилась бы в Сарае Топкапы до сих пор, если бы не султан Абдул-Меджид. Глупый султан! Вот как будто ему не твердили с самого детства, что женщинам доверять нельзя. Женщины лживы. Они обольщают и лишают мужчин разума. Сначала Абдул-Меджид был умный султан, пока не завел себе гарем. А потом ему подарили русскую одалиску. И он влюбился и кое-что ей разболтал... Вообще такое с султанами случается. Все же они мужчины. Но визирь за этим следит. Ночи у нас темные, а Босфор глубокий. Наложницей больше, наложницей меньше. Но эта русская успела! Сразу вытянула у Абдул-Меджида обещание, что, пока она рядом, он не станет использовать предметы. И в доказательство попросила Жужелицу. Не навсегда. До утра, может быть... Не знаю точно, как там у них происходит. — Меняла высморкался, скрывая смущение. — А она... Она нацепила ее на себя и той же ночью сбежала из султанского сераля с любовником. Вот так, англичанин! Самые лучшие из мужчин из-за женщин становятся глупыми и слабыми, как цыплята.

Артур кашлянул осторожным смешком в кулак. Комично было выслушивать от восьмилетнего мальчишки, хоть и не по годам смышленного, рассуждения о коварстве прекрасного пола. К счастью, Осман смешка не заметил — Артуру не хотелось обижать маленького менялу. Тем более что тот и так выглядел огорченным.

— Его прозвали Самым Робким... Посмеивались исподтишка. Все из-за той наложницы! А Оттоманская империя — великая Османлы начала разваливаться прямо на глазах. Султан перестал быть безупречным. Ошибка за ошибкой. Неточность за неточностью. А все отчего? Оттого что, потеряв «старшую султанку» — Жужелицу, великий правитель превратился в беспомощного младенца. Ему бы сразу отказаться и от Божьей Коровки, а он не смог. И она его все больше запутывала. Говорила: «Можно так, а можно вот так, а можно еще вот саяк, и так тоже неплохо». Семь дорог — семь путей. Один лучше другого, только шесть-то из них — обманка. Ну? И как тут решить? Нет, ну можно пробовать, ошибаться, снова пробовать... Рано или поздно попадешь в яблочко. Но это сколько глупостей до этого придется натворить! Если ты просто так человек, можно и ошибаться вдоволь — кому какое дело! А если султан? Во-о-от! Прежде у султана была Жужелица — лучший в мире визирь! Почему лучший? Да потому что с советами дурацкими не лезет. Лежит себе помалкивает. Ждет, когда хозяин сам ее спросит, куда дальше идти, как поступить. Жужелица не подсказывает, но не врет, Жужелица просто знает, как лучше.

— То есть... — переспросил Артур, хотя, кажется, сам уже догадывался, в чем дело.

— То есть если у ее хозяина есть хоть какие-нибудь свои мысли в голове, но он точно не уверен в том, как поступить, — можно спросить у Жужелицы. Она подскажет лучшее решение из имеющихся. Лучшее! Из имеющихся! Понимаешь?

— Да. А если они оба... — Артур замялся. — Оба... Так себе.

— Как будто не слыхал раньше... Из двух зол меньшее! Это как раз про нее. Про Жужелицу. Жужелица — «старшая султанка». Она и без Божьей Коровки, сама по себе — ценная штука. Если ты умеешь хоть чуть-чуть шевелить мозгами — с ней не пропадешь. Но очень... очень опасный жучок. Тому, кто слаб духом, совсем неподходящий. К ней ведь привыкаешь, как к гашишу. Раз, другой, третий. Если ты слабак, то однажды начинаешь каждый свой шаг сверять с ней. Утром не знаешь, с какой ноги лучше встать: с правой или с левой. Вдруг, если с левой, поскользнешься, ударишься головой о печку — и все, зовите муллу и плакальщиц. А если с правой? Вдруг пяткой наступишь на гадюку, пробравшуюся в спальню, и все... Плакальщицы опять у двери. Страшно, очень страшно решать самому. Поэтому хватаешь Жужелицу — и ох-ха! Все как на ладони — вставай с правой ноги. Потом ты топаешь на задний двор справить нужду и по пути раздумываешь: «А почему с правой-то? И куда подойти — к забору или к сухому платану? Ну а вдруг та самая гадюка успела переползти на плоский камень у ствола?» И снова хватаешься за Жужелицу...

— А если у тебя на руках султанская пара? — спросил Артур. Не для того чтобы услышать ответ — скорее, чтобы медленно проговорить что-нибудь вслух, позволяя себе еще недолго делать вид, что не догадывается, о чем идет речь и отчего маленький меняла, сперва возбужденный и напуганный, теперь так печален.

— Тогда что? Ты еще спрашиваешь, что тогда, англичанин? Да тогда судьба, как собака... лижет носки твоих сапог и таскает поноску по первому приказу! Потому как, даже если ты семи пядей во лбу, тебе все одно не дотумкать до всего того, до чего додумается Божья Коровка. Хитрая она, хоть и затейница. А Жужелица тебя носом ткнет туда, куда нужно. Вот такие дела! Теперь, англичанин, решай сам. Была бы у тебя в кармане Жужелица, все было бы просто, но ее тут нет. Она давным-давно

где-то в России. Но можешь не сомневаться, если одна «султанка» выбрала тебя, она приведет тебя к своей паре. Решай.

Осман сын Ибрагима присел на корточки и замолчал. Не то утомился, не то позволял Артуру немного поразмыслить. Артур же соображать не мог. На него вдруг нахлынул такой липкий страх, какой случается только в детстве, если в полной темноте неожиданно коснешься чего-то большого, шевелящегося, беззвучного и остывшего. И это беззвучное дыхнет тебе в лицо гнилью. Артуру захотелось выбежать скорее на солнце, подставить лицо ласковым шелковым лучам и забыть про услышанное навсегда. Брежет, лежа в нагрудном левом кармане, отсчитывал секунды, и Артуру казалось, что у него два сердца. Зачем человеку два? Зачем лишнее? Ненужное... Зачем? И зачем ему, Артуру Уинсли, такой «дар»? Жужелица и Божья Коровка. Артур представил, как два ловких жучка выгрызают из Книги судьбы, если таковая существует, одну за другой все страницы, аккуратно возят по обгрызенным краям липкими брюшками, склеивая листы в одно бесконечное полотно, а потом раскладывают перед ним — просим вас, мистер Уинсли, избранник Божьей Коровки и Жужелицы. Просим! Просим!

Ответить «да» и, оставив вещи себе, получить полную власть над реальностью. Ответить «да» и, обманув маленького менялу, передать их магистру, и пусть дальше тот решает сам. Ответить «да» и нарушить приказ.

Или же... Артура бросило в жар от простой догадки. Неужели именно так орден испытывает послушника на верность? «Что сказал бы дед? Что на это сказал бы дед? Что бы он сделал сам и что ждет он от внука... от ученика?» Артур чувствовал себя как загнанный под валун лисенок. Он отлично помнил того лисенка. И взгляд его. Не напуганный и не злой, но удивленный и беспомощный. Поблескивает глазищами из-под камня, метет хвостом туда-сюда. Тут же рядом веселый Соверен с любопытством рассматривает звереныша. И дед, легко для

своего возраста спрыгнув с гнедой кобылы, подходит и говорит: «Решай быстрее, Артур. Джентльмены не затягивают с выбором».

— Я отказываюсь. — Артур не узнал собственного голоса. Таким хриплым и неуверенным он был. — Я отказываюсь от предмета Божья Коровка. И мне уже пора. Меняла, возьмите ваши деньги за обмен.

— Эй, англичанин. — Осман поднялся с корточек, но в глаза Артуру не глядел. Уставился куда-то вбок. Словно обиделся смертельно. Или, наоборот, прятал от Артура ликование. — А ты молодец. Хороший будешь Хранитель. Но все равно. Когда передумаешь и за ней вернешься, помни: константинопольский меняла всегда на месте. И ждет тебя.

— Благодарю. Вряд ли нам еще раз доведется встретиться.

Отсалютовав мальчишке сложенным зонтиком, Артур поспешил, почти побежал к выходу. Поскорее на воздух. Скорее! Еще скорее...

Увидев знакомый фазтон и лошадку, грустно рассматривающую лоток зеленщика, до которого дотянуться ей не позволяла исключительно совесть, Артур вдруг по-настоящему обрадовался. А когда поймал себя за раздумьями — ехать в гостиницу или же воспользоваться одним из предложений Райли насчет сегодняшнего вечера, — даже засмеялся в голос. Возможность выбирать самому... и право самому ошибаться! Какое невероятное счастье! Вот так, смеясь, забрался в знакомое уже пассажирское кресло. Ткнул тихонько рукоятью зонта в плечо по обыкновению спящего старика.

— В Пера! Тамаммы?

— Тамам-тамам, бей-эфенди. Хо-о-о! Хайди! Хайди! Чабук!

ГЛАВА ВТОРАЯ

О чересчур тесных семейных связях. Или о том, к каким последствиям может привести умного человека излишняя сентиментальность

*«Восточный экспресс «Париж — Константинополь»,
середина октября 1919 года*

Вагон-ресторан «Восточного экспресса» встречал посетителей ароматом запеченных устриц и едва различимым позвякиванием хрусталя в буфетах. «Трам-пам-пам-пам... жизнь продолжается — красивая, легкая жизнь», — шуршал пластинкой начищенный до ослепительного блеска граммофон. Стюарды, способные поспорить ловкостью пируэтов с дягилевскими балеринками, проворно лавировали между столиков. Когда состав, притормаживая перед спуском, вдруг вздрагивал, стюарды все одновременно замирали, пережидали секунду-другую и, словно по приказу невидимого танцмейстера, продолжали движение в беспечном ритме диксиленда.

«Трам-пам-пам-пам... жизнь продолжается. Красивая, легкая жизнь...»

Всего лишь четыре месяца назад подписан был Версальский договор, а в ноябре экспресс пустили по обычному маршруту. Словно не случилось вызванного войной пятилетнего перерыва

в сообщении. Словно все шло как прежде — размеренно, предсказуемо и спокойно. Словно от голода, нищеты и революций не умирала старая Европа, время от времени утешаясь недолгими перемириями. Так смертельно больной благодарно встречает улыбки родных, хотя те уже заранее переговорили со священником, заказали гроб и поделили наследство.

Это был первый послевоенный состав, совсем небольшой — состоящий из трех пассажирских пульманов плюс ресторан. Гостиную с камином, библиотекой и ломберными столиками на этот раз решили не цеплять в целях экономии и с учетом того, что храбрецов, готовых отправиться в небезопасное путешествие, оказалось немного. Дорога от Парижа до Константинополя поздней осенью 1919 года мало подходила для развлекательных вояжей. Албанские и македонские повстанцы, румынские разбойники, турецкие бандиты и кемалисты в любой момент могли атаковать поезд, и до прибытия властей пассажирам пришлось бы заботиться о себе самим. Еще до того, как состав тронулся с Восточного вокзала, пассажиров предупредили о возможных неприятностях, рекомендовали мужчинам не расставаться с оружием, а дамам не переодеваться на ночь. Впрочем, дам в поезде было не так уж много — две эксцентричные американки преклонных годов, супруга католического миссионера, намеревающаяся из Константинополя немедленно плыть в Тунис к мужу, и ее подруга — немолодая английская леди с необыкновенно живым, пронизательным взглядом серых глаз, путешествующая ради удовлетворения любопытства. Была в поезде еще одна дама — сопровождающая арабского шейха. Несмотря на то что сама она представилась его «стенографисткой и переводчицей», внешний вид и манеры дамы не оставляли сомнения в истинном роде ее занятий. Слишком фривольные и дорогие наряды от Мадлен Вионне, избыток украшений, громкий смех и легкость, с которой она принимала сомнительные мужские комплименты,

позволяли однозначно отнести пассажирку к девицам определенного сорта.

Красавчик Баркер заметил ее, едва они с Малышом устроились за самым неудобным, но зато и самым незаметным столиком в углу. Заметил и ухмыльнулся. Он сразу оценил стоимость мехов, жемчугов и самой дамы. В заведении толстухи Бет таким красоткам полагалась отдельная комната с альковым и гардеробной, а на тумбу возле кровати для клиентов выставляли бутылку приличного пойла. Да, это была дорогая девочка. Из тех, что не засиживаются даже в лучших борделях, но быстро переходят в содержанки и, если повезет, подолгу собирают урожай с похотливых богатых стариканов. Этой кошечке здорово повезло: сидящий напротив нее араб выглядел минимум падишахом, а перстни на его смуглых нервных пальцах запросто можно было бы обменять на государственную казну какой-нибудь Болгарии или Албании... В географии Баркер соображал слабо.

Зато в драгоценностях слыл докой. Мог на глазок не просто отличить настоящий камень от поддельного, но и вычислить: сколько в нем каратов, где его добыли, как гранили, сколько раз распиливали, а также почему нынче этот камушек можно загнать чикагскому скупщику краденой ювелирки Соломону Шмуцу. С золотом и сплавами возиться тоже умел, но не любил: мороки много — толку на грош, — хотя и держал в подвале дома тигель с горелкой на всякий случай.

О том, что Красавчик Генри Баркер — лучший в северных штатах (а может, и не только в северных) эксперт по цацкам и что почти все крупные налеты на ювелирные лавки и магазины — работа Красавчика и его головорезов, знали в городе многие. Не только старая крыса Шмуц. Но никто кроме него не рискнул бы слить «нору» Баркера неизвестному заказчику, предварительно не заручившись согласием самого Генри. Красавчик до сих пор не решил — сказать ли Соломону спасибо

за то, что тот не стал терять время зря и выдал гостям адресок толстухи Бет, или прищучить старого жида по возвращении с дела. С чертовски, надо сказать, гнилого дела.

Что заказчики не из простых коллекционеров блестяшек, Баркер догадался сразу, едва толком разглядел старикана, бесцеремонно завалившегося в альков, где Баркер шумно грустил после сорвавшейся сделки. Седой, поджарый, с лицом, изрытым глубокими морщинами, с пронзительным, как у матерого гризли, взглядом старик равнодушно отодвинул ладонью наставленный на себя ствол. Будто знал наверняка, что Баркер не спустит курок. Дождавшись, пока Кудряшка и Родинка (Баркер с детства трудно запоминал имена, поэтому предпочитал давать всем знакомым прозвища, чем немудренее, тем лучше) накинут на себя сорочки и выскочат, повизгивая больше по привычке, чем от страха, старик плотно прикрыл дверь и без всяких «добрый день, мистер Красавчик; как ваши дела, мистер Красавчик» ошарашил Баркера офертой. Настолько на первый взгляд нелепой, что Баркер даже уронил обмотанное вокруг бедер полотенце, на что Печатка (на среднем пальце у незнакомца блестела черной эмалью печатка, иначе носить бы ему кличку Медведь) даже не шелохнул бровью.

— ...к тому же, по словам мэтра Шмуца, вы лучше многих разбираетесь в украшениях и, единожды увидев нужный сплав, вряд ли сочтете реплику за оригинал, — механически, будто внутри него вертелись, задевая друг о друга зубьями шестеренки, продолжал гость. Едва различимый, тягучий, как лакрица, акцент выдавал в нем уроженца южных штатов.

Баркер слушал, прищурившись. Поигрывал револьвером, а сам бойко шевелил мозгами, соображая, чем же этот конфедерат так показался Соломону. Чем, черт вашу прабабушку подери?

Странно. Очень странно. Некий белый джентльмен, подосланный, между прочим, самим Соломоном Шмуцем, который

ничего не делает просто так, предлагал ему, Генри Джи Баркеру, работу обыкновенной ищейки. Всего-то хлопот — по списку адресов разыскать кое-каких людишек и кое-что у них отобрать. Цацку отобрать. Десять штук разных цацек. Если же сам кое-кто благоразумно исчез или на месте, но цацку скинул, то требовалось этого кое-кого потрясти — и дальше за цацкой вслед топ-топ. Топай, пока не найдешь. Нудная копеечная работенка! С такой от нечего делать справится любой жиганок из уличных... Даже ффраер, если того хорошенько прижучить, справится. Ни мозгов, ни умения особого для ищейки не нужно — только бабки на подкуп и ствол для острастки. С этой туфтой — и к Генри Баркеру? Да Печатка или идиот, не соображающий, к кому сунулся, или фараон. Вот тогда это подстава, за которую Шмуцу придется рассчитаться по полной.

— Возможно, придется отозвать вас раньше, чем вы сумеете найти все нужные изделия. Возможно, что по иным причинам вы не выполните полностью наш заказ... Возможно... Поэтому мы решили установить минимальную премию... Ну, если вдруг вы вернетесь всего лишь с одним трофеем. Или, наоборот, привезете больше. За каждое следующее найденное и доставленное нам изделие вознаграждение увеличивается в полтора раза. И чтобы у вас имелось представление — размер минимальной премии... — Печатка озвучил сумму, и Генри впервые в жизни понял буквальный смысл фразы про вылезшие на лоб от удивления глаза. А ведь сперва хотел напомнить старикашке, что не случалось еще такого, чтобы Генри Баркер сорвал дело. Сказано десять — будет десять. Сказано сто — будет сто. Точка.

Но от изумления Баркер забыл напрочь все, что собирался сказать. О да! Предложенная плата выглядела впечатляюще. Генри быстро пришел в себя и не без веселой иронии подумал, что вот — жизнь, похоже, удалась. Грустишь себе в борделе, обложенный с двух сторон сговорчивыми девочками. Ты молод,

здоров, силен. Немного на мели, приятно навеселе... И тут раз — очень своевременно небольшое состояние врывается без стука в комнату и шепчет сладенько: «Бери меня, Красавчик». Любой другой парень в Чикаго и его окрестностях вцепился бы в такой шанс, не раздумывая. Но не он!

Генри Баркеру недавно стукнуло три десятка лет, пятнадцать из которых он занимался тем, что нарушал закон. Нюх на тухлый сыр в мышеловке был у него преотменный. Он чуял подставу, как матерый койот чует падаль, и даже при малейшем сомнении предпочитал отказываться от выгодного на первый взгляд заказа. В противном случае разве дожил бы Красавчик до этого томного вечера? До вечера, когда, абсолютно голый, слегка нетрезвый, почти разорившийся и от этого немного печальный, он лениво разглядывал странного незнакомца, ласкал указательным пальцем спусковой крючок и намеревался тотчас же оформить «щедрому» гостю билет в один конец.

Но тут Печатка озвучил вторую часть предложения, и Генри опешил снова. Он вытер ладонью пот со лба, осторожно положил «кольт» на тумбу, нагнулся, поднял с пола полотенце и снова обмотался им, став похожим на римлянина. Несмотря на то что пулевые шрамы на груди и мешали абсолютному сходству, любой модный скульптор, очутись он сейчас в заведении Бет, вполне мог бы на скорую руку сваять с Баркера статую удивленного легионера. Безупречно сложенного, очень мускулистого, очень загорелого, очень светловолосого, ослепительно синеглазого и чертовски привлекательного легионера, получившего прозвище Красавчик от самой Толстухи Бет, которая в чем, в чем, а в мужчинах знала толк.

— Не шутка? — спросил Красавчик, чтобы хоть что-нибудь спросить, потому что Печатка точно не шутил. — Каким это образом, интересно? А?

— Предположим, у нас имеются возможности влияния... Весьма серьезные возможности. — Голос у Печатки из

механического вдруг стал вкрадчивым и тихим, как у девушки. Людей с такими голосами следует сторониться и ни в коем случае не вступать с ними в серьезные сделки. Но именно это Красавчик и собирался сейчас предпринять.

Нет. Дело было не в деньгах — хотя в них Красавчик, привыкший жить на широкую ногу, именно сейчас здорово нуждался. Дело было в Малыше Стиви. В маленьком глупом братишке Стиви. В мистере Стивене Джи Баркере, которому уже через три недели грозил электрический стул.

Малыша Стиви с полгода назад повязали на ограблении захолустного почтового отделения в Миссури, за что судья прописал Малышу посиделки на «креслице господина Вестингауза». Судья был не прав: Малыш спалился впервые, и ему только-только исполнилось шестнадцать, поэтому по закону штата ему полагалось отмотать не больше пятерки, а при хорошем раскладе и вовсе выйти на поруки. И если бы Малыш не оказался таким безнадежным дурнем и не выдал бы себя, гордо заявив маршалам, кто он такой есть, — хлебал бы сейчас жиденькую баланду и поджидал, пока братишки сообразят, как его поспоровистее вытащить. Но Стиви раскрыл свой глупый рот и наварлся.

Попади на стул или виселицу любой другой из братьев: Дуглас, или Майк, или Ллойд, или Арни — или даже сама мама Баркер, Красавчик не шевельнул бы пальцем. Малыша же он по-настоящему любил, как и все в семье. Рассеянный, дурной... с самого детства близорукий, словно крот, и уморительно неуклюжий Стиви совсем не был приспособлен к гангстерской заковыристой карьере. Даже мамаша (уж на что она презирала любое другое занятие, кроме грабежа и убийств) соглашалась, что малышу лучше бы заняться фермерством, как его болвану-

деду, или — чем черт не шутит — сунуться в юриспруденцию, благо сбережений у семьи хватало и на Гарвард, и даже на Сорбонну, о существовании которой ма, пожалуй, даже не догадывалась.

Но мальчишка уперся и на все уговоры талдычил одно: «Хочу стать настоящим Баркером, и точка». Ма не спорила, но с собой на дело малыша ни разу так и не взяла, отбалтываясь всякой чепухой. Мальчишка дурил. И чтобы доказать, что он не прыщавый сопляк, но уже давно умеет управляться с пушкой, Стиви ни до чего лучше не дотумкал, как втайне от ма выйти на заведомый тухляк с шайкой латиносов. И тут же спалился. Даже не успел свалить из штата. До границы оставалось меньше полумили, когда Стиви и его амигос крепко повязали. А уж только фараоны прочухали, что арестованный самый что ни на есть младший Баркер, так и взвыли от счастья. Быкам выпал шанс наконец-то прижучить семейку Баркеров и оторваться за годы безуспешных поисков и погонь, за пять висящих на ма трупов (и это медноголовые еще не все раскопали), за дюжину раскрытых и столько же нераскрытых налетов, за бойню в Филадельфии, где ма срезала из пулемета целую роту копов, и еще за многие крупные грехи и мелкие грешки, коих за мамой Баркер и ее сыночками числилось изрядно.

Красавчик злился на ма, что она таки прозевала Малыша... Он даже сгонял на пару дней к ней в ее арканзасскую дыру. Впервые за десять лет встретился со старухой с глазу на глаз, чтобы высказать все-все, включая детскую обиду на раздолбанный о его голову самодельный мольберт, после чего (так он теперь думал) он и перестал толком запоминать имена. Старуха кряхтела, морщилась, но помалкивала. Соображала, что без Генри ей младшенького из-за решетки не сдернуть — слишком крепкой оказалась тюремная охрана. Генри Джи Баркер великодушно принял предложение ма объединить усилия и арсеналы, благо его ребятки околачивались рядом и наготове.

Но совместная попытка оформить Стиви побег закончились полным фиаско, Генри потерял пару дружков, а ма словила пулю в лодыжку и едва успела свинтить. Малыша же перевели в карцер до исполнения приговора и усилили охрану вдвое. Это означало одно — малыш Стиви обречен.

Генри утешил ма, собственноручно сменив ей повязку, выпив с ней на пару пинту десятилетнего виски и подарив коллекционный «смит и vesson», после чего вернулся в Чикаго, чтобы там стойчески ждать известия о торжестве закона над бедным Стиви. Но когда до заранее обведенной черным кружочком даты оставалось меньше трех недель, когда лучший портной города уже пошил для Генри отменный траурный костюм, а красные кожаные сиденья его нового доджа-туринга временно перетянули крепом, к Красавчику явился джентльмен с повадками раненого гризли и печаткой на среднем пальце.

— Ждем вас завтра в десять, мистер Баркер. Это угол Стейт-стрит. Сразу направо, если идти от бульвара Джейсона. Ровно в десять. Там и обсудим детали.

Мистер Печатка протянул Баркеру визитную карточку. Мистер Печатка приподнял над головой котелок. Мистер Печатка ухмыльнулся краешком тонких обветренных губ. Мистер Печатка был полностью уверен в том, что Баркер согласен. Баркер же беззвучно бесился от того, что теперь и в самом деле не мог... не имел права соскочить. Мелькнула на доли секунды позорная мыслишка взять да и позабыть об этой беседе, не лезть с головой в кучу дерьма ради простофили, с которым Красавчик, если подумать, и знаком-то толком не был. Сам Красавчик убрался из Арканзаса, где тогда заправляла мамаша, едва ему стукнуло двадцать... а Стиви, выходит, пешком

под стол ходил. Но тут отчего-то Красавчик вспомнил, как отлеживался после ранения в тесном, но уютном домишке, как целыми днями, пока ма с ребятами обстряпывали в соседнем штате кое-какие дела, качался в гамаке на некрашенной деревянной веранде, и как от тоски и безделья принялся обучать братишку рисованию. Как старательно, хоть и бестолково, тот возил угольком по отодранной от крыльца серой доске, пытаюсь подражать старшему. «Смотри мне. Про это — молчок! А то влетит и мне, и тебе», — с притворной суровостью предупредил старший младшего. Малыш часто-часто кивал, с обожанием наблюдая за тем, как Генри тремя ловкими штрихами превращает неумелые закорючки то в улыбающегося котенка, то в идущий на всех парах к пристани пароход, то в лошадиную физиономию продавщицы бакалейной лавки — мисс Лизы Холидэй. «Еще! Еще!» — шептал Стиви, смешно прижимая ладошки к груди...

— Да. Я это... я, конечно, приду, сэр. Приду... раз такой вышел расклад. С утра... — Голос у Баркера осип. Вдруг пересохло и запершило в горле. Нет. Это не от сентиментальных глупостей. Просто Красавчику смертельно захотелось холодного пива. Баркер сморгнул, сглотнул и повторил уже громко и отчетливо: — Завтра в десять ждите.

В десять утра следующего дня (кажется, это была среда) Печатка проводил Красавчика до двери в небольшой кабинет, расположенный на верхнем этаже неприметного двухэтажного здания. Перед входом обыскал Баркера, отобрал у того кольт и нож, затем пропустил вперед себя, сам же прислонился спиной к косяку, словно закрывая собой все возможные отходы, и замер, пристально наблюдая за происходящим. Баркер шагнул в центр комнаты.

Десять пожилых респектабельных джентльменов, сидящих за круглым дубовым столом, одеждой и повадкой походили на банкиров или даже на судейских, что Баркера слегка встревожило — слишком часто именно такие господа становились причинами его неприятностей. Но куда больше Баркера встревожил тот факт, что лица этих господ целиком скрывались под масками. Под черными шелковыми масками, совсем не похожими на высокие белые колпаки с крестами. Однако Баркеру от этого не стало спокойнее. Он многое видел, неплохо знал страну и слишком долго крутился среди цветного сброда и всяких непростых людей, чтоб без труда сообразить, кто его нынешний заказчик. Чистильщики! И никто иной.

С «чистильщиками», а именно так предпочитали величать себя члены Ку-Клукс-Клана, Баркер еще ни разу не связывался. Родившийся и выросший в Пенсильвании, а десять лет назад перебравшийся в Иллинойс, Баркер полагал себя настоящим янки, не любил и не понимал южан, считая их ленивыми снобами, способными разве что метко пулять из ружья по белкам и ловко управляться с лошадьми. А уж неприязнь южан ко всяким цветным и иммигрантам Баркер полагал диким абсурдом. Хотя если поразмыслить, то по Джимми-Гуталину, мотающему пожизненное где-то в Оклахоме, Баркер скучал куда меньше, чем по рыжему О'Харе, поймавшему пулю в глаз еще в двенадцатом году.

Существовала ничтожная вероятность того, что Баркер ошибался и господа за столом не имели никакого отношения ни к «Рыцарям золотого круга», ни к «Сынам Юга», но на всякий случай Баркер решил не задавать ненужных вопросов. С чистильщиками шутить он не намеревался.

Ему не предложили присесть, и он, как нашкодивший юнга перед офицерами, мялся с ноги на ногу под сверлящими взглядами «масок». Он то засовывал ладони в карманы пиджака, то вытягивал их наружу вместе с не очень свежим носовым

платком, заталкивал платок обратно, неуютно кашлял и выглядел кем угодно, но только не одним из самых разыскиваемых преступников Нового Света. Игра в «безопасного увальня» обыкновенно срабатывала с толстосумами из сити. Однако здесь, с этими людьми она была отчетливо лишней и велась Баркером скорее по привычке. Красавчик шкурой ощущал исходящую от каждого из присутствующих здесь стариков угрозу и силу. Настоящую силу, а не ту, которая приходит вместе с папиным наследством или судейским игрушечным молотком.

Мельком Баркер оглядел помещение. Контора, обустроенная на втором этаже мануфактурного магазина, была съёмной. Пахла нежилым, совсем недавно и на скорую руку отмытым помещением. Слишком чистыми выглядели стекла за выцветшими портьерами. Слишком свеж был запах сигар и бренди — не застарело-конторский, густой, кислый, пропитавший насквозь шпалеры, но терпкий и какой-то нарочитый. На потускневших коврах отчетливо виднелись вмятины от ножек тяжелых кресел — видимо, ими не пользовались в течение многих лет. Желтела стопка старых газет за стеклом коренастого шкафа, корзина для бумаг была пуста, а на столе, кроме тощих картонных папок, лежащих перед каждой «маской», не было ничего больше. Ни чернильницы, ни графина, ни забытого грессбуха. Ничего такого, чтобы могло хоть как-то указать на род занятий владельцев конторы.

Еще с полсекунды ушло у Баркера, чтобы раз и навсегда запомнить присутствующих. Для этого ему не требовалось никаких усилий. Отвратительная память на даты и имена с лихвой компенсировалась феноменальной способностью фиксировать лица, картинки и любые мельчайшие подробности, доступные человеческому глазу. Порой Баркеру казалось, что в его голове встроен новейший фотографический аппарат, благодаря которому ни одна мелочь не может от него ускользнуть. А его дар художника — тот самый, из-за которого он всегда цапался с ма,

считающей всякую работу позорной и уж тем более не признающей за достойное мужчины дело малеванье краской по холсту, — давал возможность Баркеру при необходимости воспроизвести любую ранее увиденную картинку. Баркер предпочитал о своих умениях не распространяться, позволяя друзьям и врагам списывать кое-какие его сделки, а также непреходящее везение в карточных играх на улыбки мисс Фортуны. Баркер был профессиональным игроком и, как всякий игрок, предпочитал держать свой главный козырь втайне от всех.

Лица присутствующих скрывались под черным непрозрачным шелком, поэтому Баркер сфокусировался на руках. Мало кто обращает внимания на руки, полагая их безликими и не имеющими индивидуальных черт. А ведь руки — куда большие предатели, чем лицо. Форма запястий, пальцев, ногтей... родинки, спайки, мелкие шрамы и следы от сигарных ожогов, пигментация возрастная или по роду увлечений или занятий, а также неконтролируемые, но очень характерные жесты... Никто не следит за своими руками. Ох, зря.

Короткопалый хмырь. Живчик. Скелет. Лохмач-бородавка. Грузный. Боксер. Заусенец. Дядюшка Тик. Чечеточник... Баркер не сомневался, что, встретить он любую «маску» завтра где-нибудь в закрытом клубе за бокалом бренди, немедленно узнает ее по линиям ладоней и пальцев и по манере жестикулировать. Короткопалый хмырь, Живчик, Скелет... Доброе утро, уважаемые гости из южных штатов! Велкам ту Чикаго! Позвольте, да мы с вами где-то встречались? Уж не вы ли вчера, нацепив на рожу черную тряпку, обломали об меня все зенки? Что? Ба! Неужели! Какая встреча... Грузный, Боксер, Заусенец, Дядюшка Тик...

Застопорился Баркер лишь на одном из чертовых масонов. Лежащая поверх стопки бумаг кисть мало того что была в замшевой серой перчатке, но к тому же выглядела совершенно неживой. Как будто восковой слепок. Или протез. Баркер

даже специально закашлялся — неожиданно и очень громко. Но ни один палец на «протезе» не шелохнулся. Игрок... Пусть будет Игроком — определился Баркер с кличкой.

— Вы принимаете наши условия, мистер Баркер? — произнес кто-то из сидящих за столом приглушенным шершавым голосом.

Красавчик оторвал взгляд от восковой руки и перевел его на лица... точнее, маски. Говорил Скелет. Голос у Скелета шелестел, как пачка мятых стодолларовых купюр. Акцент был непривычным и наверняка поддельным. Шелк маски трепетал от дыхания, влажнел, лип к губам говорящего, и создавалось впечатление, что с Баркером беседует гигантская медуза.

— Готовы ли вы направиться туда, куда мы вам скажем, отыскать и привезти сюда нужные нам вещи? Понимаете ли вы, что могут возникнуть нестыковки и вам, возможно, понадобится долго выслеживать нужную вещь и ее владельца? Осознаете ли вы, что мы хотели бы обойтись без... ненужного насилия, но если это необходимо, то насилие придется применить? Вплоть до... устранения владельца.

— Так... да... это... Понимаю и принимаю... Чего ж не принять? Надо устранить — устраним. Не впервой. Но хотелось бы, раз уж мы тут с вами так тесно подружились, разузнать побольше и о деле... и о цацках.

— Не спешите, мистер Баркер. Мы хотим убедиться в том, что вы осознаете важность доверяемой вам информации. Вы первый и единственный, кто получит доступ ко всем имеющимся у нас на руках сведениям целиком. Раскрывать эти сведения вы не должны никому! Никому... Это в ваших же интересах, поверьте. Если вам все понятно и вы согласны, то сейчас каждый из нас передаст вам иллюстрацию и описание одного ювелирного изделия, — продолжал шуршать словами Скелет. — Отдать оригиналы, по понятным причинам, мы не можем. Копий не существует. Однако вам позволено делать

необходимые шифрованные пометки... Сколько потребуется времени, чтобы запомнить все необходимые детали?

— По полчаса на каждую штуковину, а то и подольше, если фитюлька с выдумкой... — Баркер сознательно врал. Ему хватило бы и минуты.

Он все продолжал изображать «увальня», но внутри весь давно уже был как натянутая струна. Красавчик Баркер, Проныра Баркер, Неуловимый Генри Джи Баркер, о «подвигах» которого не умолкала криминальная пресса и имя которого давно уже не сходило с плакатов «WANTED», старший и блудный сын великой Ма Баркер по прозвищу Мамаша-пулемет, единственный сумевший выбраться из-под ее душной опеки и организовать собственную банду, Генри впервые за многие годы чувствовал себя в по-настоящему крутом переплете. Это его одновременно его и пугало, и бесило... и будоражило.

То, что единого списка не существовало, то, что перечень был раздроблен на десять частей, каждая из которых хранилась отдельно от другой, отсутствие копий и, похоже, прямой запрет на них... И куда в большей степени тщательно скрываемое вождение, с которым следили за бумагами старческие глаза сквозь узкие прорези «вуалей», поведали Баркеру много интересного. Вовсе не следовало быть мистером Семь-Пятей-Во-Лбу, чтобы сообразить — за цацками гоняются не только «рыцари юга». Теперь Баркеру стало предельно понятно, зачем масонам профессионал со стороны... Нет. Оно ясно, что масонам нужен был ухватистый человек, умеющий не только выйти на след трофея, но и выбраться из потасовки с «подарком». А еще яснее ясного, что никто тут друг другу до конца не доверяет, что наверняка кое-кто, а то и каждый из десяти жаждет заполучить все — и бумаги, и сами цацки. Вот! Вот оно! За этим и выбрали чужого! Пусть бандюк, пусть тугодум-янки, который читает по слогам, да и то только бутылочные этикетки, — Баркер для них в своем роде страховка. С Баркером они все рискуют

одинаково и все одинаково имеют шанс на получение трофея. Красавчик взмок.

Простой вывод, что за ним, едва он выйдет из этой конторы, начнется погоня, маячил перед ним, как кусок лимонного пирога на фарфоровом блюде с синей каймой. «Молчать в ваших же интересах», — хохотнул про себя Баркер, вспомнив предупреждение. Спасибо, господа конфедераты! Но он парнишка тертый, сам с усами, и не впервой ему вляпываться в гнилье.

— Хорошо... Джентльмены! Пожалуй, приступим, — командовал Скелет. На секунду застыл, словно еще раздумывая. И резким жестом отодвинул от себя папку к самой середине стола.

Живчик — крошечные жирные ладошки; слишком длинный правый мизинец; ноготь на мизинце смещен; привычка неожиданно потирать большими пальцами о средний; указательный характерно натерт — часто стреляет из охотничьего «ремингтона» — подтолкнул вперед лежащую перед ним стопку. Сразу же за ним расстался со своей драгоценной тетрадью Дядюшка Тик — крупчатая стариковская кожа; суставы огромные, словно грецкие орехи; лучистый шрам от сигарного ожога на тыльной стороне ладони ближе к запястью... и едва заметный тик. Затем выступил Чечетка — швырнул подшивку из нескольких альбомных страниц на середину, машинально выбив по столу указательным и средним пальцами левой руки «тра-та-тата». Заядлый курильщик и охотник тоже заядлый — с потрохами выдали Чечетку пальцы, рябые от пороха и табака.

Баркер поджидал Игрока — последнего из десяти. Вдруг тот изобразит хоть что-нибудь неповторимое, свое... Сойдет любая мелочь. Дождлся. Полная рука в перчатке плавно пододвинула свернутый в трубочку холст и несколько листов мелованной бумаги к уже довольно приличной горке документов. Баркер замер. Напрягся. И в эту секунду его пробило невозможной

догадкой — Игрок двигался как женщина. Маска скрывала широкое мужское лицо, грузное плечистое тело Игрока однозначно принадлежало немолодому господину, скорее всего бывшему военному, и Игрок, пока не шевелился, выглядел сосредоточенным, но довольно обыкновенным. За покерным столом Красавчик встречал и не таких. Но то, как сейчас двигались кисти Игрока, как сжались и разжались его пальцы и как он потом откинулся в кресле, произвольно поведя плечами... Баба! Точно баба! Что за черт! Баркер несколько раз сморгнул, чтобы отделаться от наваждения. Вот ведь. Стоило лишь связаться с масонами, и уже всякое мерещится. Тьфу-тьфу-тьфу.

Красавчик побаивался всего сверхъестественного и непонятного. Ничего удивительного — по роду своих занятий ему хочешь не хочешь, но приходилось быть суеверным. Немалое влияние возымела на него мамаша, у которой для всякой неудачи находилось толкование, мало относящееся к причинам материальным. Иногда ма в своих домыслах доходила до того, что могла запросто свернуть тщательно подготовленный и тысячу раз отрепетированный налет, если ей вдруг чудилось, что кто-то из соседей наслал на Баркеров сглаз. А уж если на пути к месту встречалась ей лестница или черная кошка — считай, все. Ма зажмуривалась, покрывалась гусиной кожей, верещала и требовала немедленно литься обратно в нору и не высовывать оттуда носа, пока она не почует — неудачи прошли стороной.

Баркер хоть и посмеивался вслух над ма, перед делом всегда гонял кое-куда к знакомому индейцу из делаваров. «Мы — ленни-ленапе. Истинные люди. Люди, что дали имена всем животным длинное время назад», — индеец стучал себя в грудь костистым кулаком, лез в грязный кисет за вонючей смесью, долго раскуривал трубку, пыхая в лицо Генри желтым мутным дымом... а потом начинал молоть чушь, вслушиваясь в которую Генри пытался выловить важный для него смысл. Иногда

не получалось... Иногда старик не желал ни курить, ни говорить. Вот как в последний раз, когда индеец просто опустил перед носом Баркера полог своей конуры. Потоптавшись с полминуты возле хижины, Баркер развернулся и побрел прочь. Смысл ждать? Индеец — не белый. Если сказал «нет» — значит, «нет» и ничего кроме. Точка.

С этим ленапе Баркер знаком был уже много лет — он достался ему в наследство от покойного О'Хары, вместе с долгами на четыре с половиной сотни, которые Баркер, как напарник и приятель ирландца, вынужден был заплатить, и Кудряшкой (или Родинкой, Баркер такие мелочи обычно пропускал). До сих пор Баркер так и не удосужился спросить у индейца его имя. Вовсе не потому, что боялся не запомнить, а из невнятного опасения. Словно узнай Красавчик, как этого краснокожего зовут, что-то между ними особенное пропадет. Что-то порвется. Какая-то необъяснимая связь, которая позволяла Баркеру чувствовать себя под надежной, хоть и дырявой, крышей.

— Можете приступать... Эй! Мистер Баркер! Эй... Вы слышите? — Печатка дергал Баркера за рукав и указывал на небольшое бюро возле зашторенного окна.

Баркер очнулся, сгреб с сукна все бумаги и переместился к бюро, чтобы следующие несколько часов под алчными взглядами «масок» перебирать полученные документы и притворяться, будто он старается изо всех сил.

Баркер прикрывал глаза, шевелил тщательно губами, тербил усы и корчил уморительные рожи так, чтобы убедить слишком пристально следящих за ним заказчиков — в голове его сейчас происходит сложный и мучительный процесс. А на деле он уже через четверть часа запросто мог изобразить все увиденное, не упустив ни штришка, ни точки. Небольшие трудности возникли у него с запоминанием описаний, имен и адресов, но он позволил себе не думать, а просто «сфотографировать» картинку, не раздумывая о подробностях. В самих

рисунках никакой сложности не оказалось — обыкновенная, ничем не примечательная ювелирка. Так мастерают свои украшения крепкие ремесленники, тщательно соблюдая форму, линии и пропорции и страшась даже на сотую долю дюйма отойти от оригинала, не веря ни в свой талант, ни в чутье.

Десять небольших, размером с три четверти дюйма, может, чуть больше, цельнометаллических фигурок. Разобрать, что это за металл, Баркер не смог. Но пусть даже платина — все равно ценность кулонов явно не соответствовала даже сотой доле обещанной премии. Баркер запоминал фигурки точно в той последовательности, в которой они располагались в стопке, и подозревал, что последовательность эта образовалась неспроста. Первой в очереди лежало изображение бабочки — масло на холсте и несколько страниц мелкого текста. Баркер прекрасно помнил, что «бабочку» на стол выкинул Игрок... За бабочкой шел морж — картинка на древнем, но отлично сохранившемся пергаменте, полученном от Лохмача-бородавки, дальше дельфин, орел, лягушка, лев, верблюд, гусеница, стрекоза... и жужелица. Потертый и, очевидно, очень старый набросок, сделанный выцветшей рыжей краской (Баркер вполне допускал, что это кровь) на куске ветоши, аккуратно крепился к плотному картонному основанию и был покрыт прозрачным, странного состава лаком. «Жужелица» была в самом низу, и, значит, именно эти бумаги принадлежали Скелету. Это могло ничего не значить, но на всякий случай Генри сделал себе в голове важную пометку. Он все всегда держал в голове.

Зато на четвертинке выданной бумажки Красавчик Баркер малевал бессмысленные закорючки, то слюнявя грифель, то лихорадочно что-то набрасывая, то многозначительно замирая и уставившись в потолок, будто прикидывая очень важное. Всякий раз, когда Баркер хватался за карандаш, он буквально ощущал волнение стариков. Это его развлекало. К тому же Красавчику хотелось слегка помуржить масонов. Потравить

их неизвестностью и ожиданием. Крошечная месть за будущие опасности и передраги, единственная, которую Баркер мог себе позволить. Поэтому Баркер вместо пяти-шести часов провалялся аж целых восемь, всего лишь раз в сопровождении Печатки выбравшись на минуточку в клозет. В конце концов Красавчик решил, что уже достаточно намучил господ конфедератов, что пора бы уже перетереть об условиях, и поднялся из-за конторки, вкусно хрустнув позвоночником. В три шага освоив расстояние от конторки до круглого стола и швырнув на его середину кипу бумаг, Баркер избавился от образа «безопасного увальня» и превратился в «разъяренного уличного громилу».

— Какого хрена... Да там половина адресов пятидесятилетней давности! А вторая половина — столетней... И это еще ладно! Но какого хрена никто не предупредил, что это все граница? — рявкнул он, довольно искусно делая вид, что вычитал про точку назначения три минуты назад и ни секундой раньше. — Какая, к чертям, Турция? Какая Россия? Кто там был? Что там вообще есть? Грязь, тошнотворная жратва, вода с холерной палочкой, кривоногие потные женщины и ни одной приличной гостиницы с мягкой койкой на всю округу? Я, конечно же, еду! Я — человек слова. И даже не прошу аванса, но, раз такие дела, я настаиваю, чтобы Малыш Стиви поехал со мной.

— Прекрасно... Как раз собирался предложить. — Скелет кивнул. Маска взметнулась вверх так высоко, что Баркер успел заметить изрытый оспинами выбритый подбородок, бледный впалый рот и кончики седых усов. — Так у вас не останется сомнений в том, что мы всегда, — Скелет сделал многозначительную паузу, — всегда выполняем наши обязательства. Что касается аванса, думаю, десяти тысяч вам для начала должно хватить? Через год ждите курьера со второй частью. И столько же еще через год. А через три года, считая от этого момента... скажем, первого ноября 1921 года в десять часов утра давайте

встретимся с вами здесь же для окончательного расчета. Мы, господин Баркер, даже не допускаем тени сомнения в том, что вы человек слова... Потому что мы всегда очень тщательно выбираем друзей и ни разу, ни разу не разочаровались в выборе. Не беспокойтесь за брата, с ним все уже в порядке — он прибудет в воскресенье, прямо к трапу.

Баркер напрягся. Он даже рассчитал, что Малыша масоны захотят придержать в Чикаго гарантом его, Баркера, возвращения и что придется долго торговаться, возможно, впустую... Дело становилось все более тухлым.

— Имеются нюансы, о которых вам следует знать, — продолжал Скелет. — Утомительные мелочи. К тому же вы должны увидеть образец материала. Но это все вопросы второстепенные. Капрал...

Скелет склонил голову и посмотрел сквозь прорези маски на Печатку. Тот машинально распрямил плечи и щелкнул каблуками, словно отдавая честь, и Баркер отчетливо представил, как Печатка, одетый в серый новенький мундир, еще совсем юный, со щеками, поцарапанными ненужной бритвой, вытянулся во фрунт перед командиром и безоговорочно готов выполнить любой приказ. Даже если он прозвучит как «убей» или «умри». Нет. Баркер не понимал этих южан.

Маски поспешно разбирали документы, вытягивая из кипы каждый свою стопку листов, подчеркнуто не допуская случайностей. Спрятав документы, кто в портфель, а кто просто во внутренний карман пиджака, маски покинули кабинет, не прощаясь ни с Баркером, ни друг с другом. Красавчик вытянул было шею, чтобы еще раз отследить и, возможно, все-таки просчитать Игрока, но Печатка заслонил обзор. И лишь тогда, когда кабинет опустел, Печатка обернулся к Баркеру, кивком предложил ему сесть, устроился напротив и, тяжело вздохнув, сказал:

— Ты ведь уже просек, что здесь шутники не водятся, сынок? Ты ведь умный человек, да? Это хорошо. Это правильно. Кури,

если хочешь. У нас с тобой дел еще невпроворот. Я тебе сейчас еще кое-что покажу и поясню. И чтобы ты понял... Я и есть твой курьер. Так что держи адресок, по которому сможешь меня в Стамбуле через год найти... Там же пароль — это если что-то со мной не так и пошлют другого. Запомни... и все сожги. Не держи при себе. И вот еще что хочу тебе сказать, сынок. Просто отлично будет, если ты провернешь все быстро и как следует... и не начнешь вдруг бузить. Ты мне нравишься, хоть ты и янки, и мне неохота с тобой ссориться... Понял?

— Не начну! Но если что, то валяй, Капрал! Ссорься! Не стесняйся, — подмигнул Баркер, решив переименовать Печатку в Капрала. — Только пушку с пером верни. Сидишь тут, понимаешь, как будто голышом...

Утром Красавчик Баркер вышел на Стейт-стрит хмурый, невыспавшийся, с деревянной коробкой под мышкой. Задрал голову, хмыкнул, разглядев в окне второго этажа силуэт Капрала. Едва удержался, чтобы не помахать ему рукой. За эту долгую прокуренную насквозь ночь Красавчик даже свыкся со стариканом, который зачем-то пытался запутать Красавчика глупым «колдовским» трепом. Зато Капрал дал наконец пощупать металл, выудив из деревянной лакированной шкатулки, исчерченной странными загогулинами, фигурку Ежа и осторожно положив ее на раскрытую ладонь Красавчика.

— Что за черт! Ежик-то кусается! Да что это за хрень такая? — дернулся Красавчик от неожиданной тяжести крошечного металлического осколка, внезапной дрожи в коленках и пробежавшего по загривку неприятного холодка.

— То-то... Ну? Запомнишь, что искать?

— Уже. — Красавчик поспешил вернуть Капралу фигурку Ежика. К чутью своему Баркер всегда прислушивался, а тут

оно вопило во всю глотку, что чем меньше Красавчик станет трогать эту железяку, тем лучше.

— Я дам тебе ящик, — продолжал Капрал, осторожно убирая образец в шкатулку. — Такой же, как у меня. С охранными символами и рунами... В общем, этого тебе понимать не надо, но только ты все, что найдешь, сразу пихай в него. И не вздумай... слышишь, не вздумай прятать на себе! Ясно? Это непростые штуки, поэтому, если не ищешь серьезных... очень серьезных неприятностей, постарайся не лажать. И еще, сынок. Если что-то тебе покажется странным, необычным... необычные видения, или сны, или хворь... Может, например, бросить в озноб, в жар... или, к примеру, ты захочешь вдруг сделать что-то, тебе не свойственное... Не бойся. Так работает предмет. Но помни: это означает, что тебя раскусили и что тот, кого ты ищешь, на тебя сейчас этим самым предметом воздействует. Гляди в оба, если увидишь кого разноглазого — один глаз синий, другой зеленый, — он и есть нужный человек! Ясно?

— Яснее ясного. Амулеты масонские. Штучки-дрючки. Абракадабра! Фокус-покус гоп-алле! — подмигнул Красавчик с притворной веселостью. Хотя было ему уже совсем не весело. А дьявольские фитюльки он не просто носить, даже лишний раз трогать не намеревался. Не то чтобы Баркер верил в колдовство, но, во-первых, ма с ее суевериями, во-вторых, профессия обязывает... В-третьих, индеец, который (вот ведь краснороящая высокомерная скотина) в последний раз ничего так и не сказал.

Баркер поудобнее перехватил ящик, свернул на бульвар Джексона и быстрым шагом направился к «Доджу», припаркованному через три улицы на Мичиган-авеню. В его нагрудном кармане лежало два новых паспорта, солидная пачка

банкнот по сто долларов каждая и билеты на трансатлантический лайнер «Аквитания», отправляющийся в рейс через неделю. Арчибальд Томпсон — так его теперь звали, должен будет встретиться со своим секретарем мистером Джоном Хукером в Нью-Йорке, откуда они уже вместе направятся первым классом в Европу. До порта Шербур, что на севере Франции.

Дошагав до Мичиган-авеню и убедившись в отсутствии хвоста, Баркер собрался покурить, сунул руку в карман пиджака и обнаружил там бумажку с паролем и заодно испещренный бессмысленными козявками вчерашний листок. Баркер сперва прикурил, затем от той же спички поджег обе бумажки и швырнул горящие лоскутья в канаву.

До Шербура Красавчик с Малышом добрались первым классом «Аквитании». Красавчик побаловал себя парочкой сытных ужинов на верхней палубе и небольшим, но эффектным выигрышем в холде. Больше он картами не злоупотреблял — привлекать к себе внимание было бы неразумным. Малышу же Красавчик строго-настрого запретил покидать каюту, вычислив среди пассажиров двоих детективов. Несмотря на то что документы Малыша выглядели безупречно, а наклеенные баки с усиками делали его неузнаваемым, Красавчик решил не шутить с судьбой.

Прогулявшись туда-сюда по кораблю, вволю покрасовавшись перед дамами, при виде приближающегося Баркера краснеющими, хихикающими и поправляющими шляпки, Красавчик не обнаружил ничего настораживающего. Детективы не в счет. С этими всегда можно было договориться, даже если бы в богатом бездельнике, прохаживающемся туда-сюда вдоль борта, они вдруг сумели бы угадать растиражированный тысячи раз портрет Генри Джи Баркера. Нет. Не детективов высматривал Красавчик. Он поджидал, когда же... когда обнаружат себя те, кого до колик беспокоит нынешняя его работенка. Но публика на «Аквитании» выглядела болтливой и простодушной,

в ресторанах и барных гремел джаз, шелестели достатком шелка и купюры, с глухим стуком падали фишки на сукно, ленивые утра сменялись шумными вечерами, и никого, кроме скучающих без флирта дамочек, не интересовал некий мистер А. Томсон, плывущий через Атлантику в сопровождении секретаря. Увы, к галантным беседам и нежным взглядам Красавчик приспособлен не был. Да и где, когда было ему обучиться этому непростому искусству — не у мамы же спрашивать, не у индейца-ленапе и уж тем более не у толстой Бет. Как-то так вышло, что за всю тридцатилетнюю жизнь у Красавчика не случилось ни одной стоящей девушки. Бакалейщица Лиззи совратила его в двадцать, а через неделю после этого важного события ма спешно свернула «нору». Как раз тогда Красавчик решил от нее подальше свалить, что и сделал довольно успешно. В Чикаго же он сразу влился в уличную банду Рыжего О'Хары, где расторопностью и цепкостью заслужил уважение и получил под контроль целых четыре квартала. Там-то, собирая оброк с лавочников, Баркер познакомился с мэтром Шмуцем, который сразу выделил юношу из остальных и взял его под свое крыло, обговорив условия с ирландцем. А уже через четыре года, сразу после того как рыжего подстрелили в разборках, шайка головорезов Баркера наводила благоговейный ужас на всех ювелиров города. Ну и когда Красавчику было флиртовать? Тем более что девочки в заведении Бет всегда радостно его привечали, одаривая легкой и веселой любовью, ни о чем не спрашивая и не тревожа ни ум, ни сердце. Он знал, что нравится женщинам... всяким... и развратным, и непорочным, но от вторых предпочитал держаться подальше. «Никогда не лезь не в свой бизнес», — поучал Красавчика Шмуц. Красавчик не спорил. Если кто разбирается в золоте и камушках, он работает золото и камушки. И не суется, например, к бутлегерам или на ипподром... Так и с женщинами. Если ты привык к Кудряшке и Родинке, если тебе с ними хорошо, уютно и приятно, так зачем что-то менять?

Поэтому на «Аквитании» он при встрече с дамами приподнимал франтовской стетсон и быстро-быстро сбегал или в каюту, или в казино. За день до прибытия в Шербур Баркер прятался от назойливых девиц именно там. Сам не играл, но не без удовольствия наблюдал за пассажирами. За рулеточным столом нелепо разряженная старуха скучно просаживала небольшое состояние. Баркер остановился посмотреть — ему не нравилась рулетка, но что-то привлекло его внимание. И когда старуха отодвинула от себя гору фишек, он догадался, что именно. Движения ее в точности совпадали с движениями Игрока. Баркер даже зажмурился, помотал головой, потом присмотрелся еще раз. Да. За рулеткой скалился вставной челюстью Игрок, только в этот раз он был не грузным полковником-конфедератом в маске и перчатках, но стареющей кокоткой.

Красавчик помаячил возле старухи еще с четверть часа, а потом развернулся и поспешил в каюту спать, вполголоса ругая себя за излишек бренди за обедом. Еще раз Красавчик видел старуху, когда та спускалась с трапа в Шербуре. Встречал ее мрачный худощавый тип с огромным черным зонтом, который он раскрыл над старухой, едва та ступила на пристань и двинулась бодрым шагом к поджидающему поодаль авто. Дождь скатывался с зонта прямо на голову худощавому, но тот, казалось, не замечал этого и что-то жарко говорил. Старуха обрывисто и резко отвечала. «Как любовники...» — подумал Баркер и сам застыдился этой своей мысли. Но додумывать ее не стал, нужно было торопиться из Шербура в Париж, чтобы успеть на отбывающий через день «Восточный экспресс» и попасть в Константинополь не позже чем через полторы недели.

Теперь же Красавчик сидел за самым укромным столиком вагона-ресторана и разглядывал винную карту. Пить много он не собирался, экспресс прибывал в Константинополь уже следующим вечером, и Баркеру нужна была свежая голова.

К тому же вся эта европейская утонченная суета, все эти на тонких ножках хрустальные бокалы, большие фарфоровые тарелки с вонючим сыром, вся эта гнилая европейская публика вызывали у него насмешливое раздражение. Баркер был другой. Он был простым парнем из Пенсильвании. Он был — фасоль и кукуруза, солодовый виски из железной кружки, босые пятки по сухой колючей траве... Он был — гул чикагских дымных улиц, испачканные мазутом краги, теплая рукоять «кольта» сорок пятого калибра... Он был — степ, кейкуок, горький джин и клубничный привкус губ Родинки (или Кудряшки... или сразу обеих). Иного себя Баркер не представлял и другой жизни не желал.

А вот Малышу Стиви все здесь нравилось. Похожий на молодого лисенка, впервые забравшегося в курятник, тот дрожал от восторга и возбуждения. Разглядывал исподтишка пассажиров, любовался шикарной обстановкой, косился на разряженную в пух и прах дешевку и не сумел сдержать глупой улыбки, когда та, поймав его взгляд, отсалютовала наполненным бокалом. Баркер исподтишка и чуть снисходительно любовался братишкой, не забывая краем глаза следить за происходящим вокруг. Баркеры выбрались из купе впервые за эти утомительные пять дней пути, и лишь из-за того, что Малыш исхныкался, умоляя брата «хоть глазком поглядеть на настоящих иностранцев». «И чего ты там не видел», — ворчал Баркер, однако отказать Малышу не смог. Да и сам он, если честно, уже устал глазеть в окно и в сотый раз разбирать и собирать «кольты».

— Генри... Как думаешь, если, к примеру, угостить молодую леди рюмочкой шерри, ее отец рассердится? Здесь так принято или нет, как думаешь? А если шоколад? Здесь же есть шоколад...

— Что? Какой отец... Какой шоколад? — не разобрался сперва Красавчик, но, сообразив, о чем спрашивает брат, загоготал

так, что сидящая за ближайшим к Баркерам столиком пожилая леди обернулась. — Стиви... Малыш. Пора тебе уже взростеть. И в кое-чем разбираться. Мадмуазель эта — обыкновенная потаскушка... девчонка на содержании. Вернемся в Чикаго, клянусь — свожу тебя к таким куколкам, что эта покажется тебе страшной, как дылда Лиззи из бакалеи напротив нашей прежней норы. Помнишь дылду Лиззи? Такая угрястая... с вздернутой верхней губой... Добрая Лиззи, всегда готовая упасть на спину за кружку пива. Твоя краля, конечно, подороже, но, поверь мне, разница невелика.

— Нет! Да нет же! Не может быть! Да ты надо мной издеваешься, да? Да? Издеваешься! Смеешься! — вспыхнул досадой Стиви.

Жгучая обида за то, что старший брат скорее всего прав, и мальчишеский жаркий стыд за то, что сам он оказался таким по-деревенски наивным, заставили щеки Малыша краснеть, а голос — запинаться. От этого Красавчика вдруг затопила странная, незнакомая нежность к брату.

— Малыш... — Баркер покачал головой немного укоризненно и ласково потрепал Стива по плечу. — Я тут пошарил мозгами. Ты ведь, пожалуй, угадал. А я просто хреново разбираюсь в европейцах. Но даже если эта, хм... леди — турецкая герцогиня, нам с тобой стоит держаться поскромнее. Давай-ка лучше попробуем местный харч. Что тут у них? Жерлянки? Жабы? Так тебе сколько тех и сколько других?

Красавчик уткнулся в меню, притворившись заинтересованным. Ему не хотелось смущать братишку, который и без того чувствовал себя неуютно. «Молодо-зелено», — улыбался про себя Красавчик и немного завидовал Малышу. Завидовал его свежести, чистоте его и неуемности. Завидовал тому, что у Малыша вся жизнь впереди и что, в отличие от него — Красавчика, добившегося всего в одиночку, о Малыше есть теперь кому позаботиться. В Париже Красавчик прикупил Малышу новый

костюм, белья, пижаму, шелковых рубашек и две пары обуви, и теперь мальчишка выглядел настоящим франтом. Красавчик даже выдал мальчишке «браунинг», предусмотрительно опустошив магазин от патронов, чтобы Стиви не дай бог не натворил глупостей.

«Вернемся домой — заберу его к себе в Чикаго, и чтобы больше никакого дерьма. Никакой улицы. С полученных бабок куплю пацанчику контору, оплачу школу, приставлю к затылку пушку и заставлю зубрить. Очки закажу... Давно пора заказать ему очки — вон как щурится. Эх. Чем не шутит черт — вдруг станет наш Малыш, а он парень смысленный, сенатором, банкиром или судьей... Судья Стивен Баркер. Недурно звучит».

— Она все же леди! Может, даже француженка! Или итальянка... Генри! Смотри же! А вот французы сидят. А вон там... вон там, рядом с британцами, настоящие турки! — продолжал возбужденно шипеть под ухом Малыш. — Посмотри... Ну посмотри же сам! Здесь, знаешь... Знаешь, Генри! Здесь так здорово!

Баркер непроизвольно проследил за взглядом брата. Сморщился. Вот чертовы европейцы! Все же публика на «Аквитании», в большинстве своем американская, была ему куда приятнее. А здесь все выглядело чужим. И запахи были тоже чужими, и звуки. И вся эта твякающая болтовня на непонятных языках. Слава богу, в ресторане есть хотя бы англичане — по крайней мере, их речь можно разобрать, если вслушаться и не обращать внимания на сюсюкающее квакание. Старушка с корзиной для вязания наверняка англичанка. Из хорошей семьи. Вот эта — истинная леди. А девица, конечно же, шлюха. Никаких сомнений. Точка.

Девица вальяжно откинулась в кресле, потянулась — кружево низкого ворота чуть сползло вниз, обнажая темную ложбинку между грудей. Баркеру на доли секунды показалось, что он встречал ее где-то, может, даже в заведении у Бет,

но этого хищного, с мелкими чертами личика он абсолютно точно не припоминал. «Старею. Пора завязывать со спиртным», — окончательно постановил Баркер и отложил винную карту в сторону.

Красотка капризно ковырялась вилкой в утином пашете, то и дело бросая быстрые цепкие взгляды на Малыша. Араб жадно поглощал сырые устрицы, не обращая внимания на поведение содержанки. За соседним с ними столиком расположилась компания молодых турецких офицеров, скорее всего сыновей османских аристократов — бывших военнопленных, поспешно возвращающихся с Мальты через Европу домой. Турки шумели, спорили, то и дело вскакивали и начинали широко жестикулировать, но быстро остывали, возвращались за столик и требовали у официанта мидий, мяса и вина.

Двое пожилых французских дипломатов быстро жевали, уткнувшись одинаково уставшими, какими-то мятыми лицами в тарелки. Расположившиеся ближе к бару англичане — штатские по виду, но не по выправке, — наоборот, выглядели свежими, подтянутыми и, несмотря на изрядное количество выпитого бурбона, вели себя достойно. Даже когда один из турков не удержался на ногах из-за резкого и неожиданного рывка состава и под одобрителный хохот товарищей уселся прямо на колени одному из англичан, тот остался невозмутимым. И на сбивчивые, больше похожие на оскорбления пардоны покрасневшего, как феска, офицерики великодушно улыбнулся и предложил тост за союзничество и долгую дружбу.

Вот тут и быть бы потасовке — горячие турки вряд ли простили бы такое утонченное издевательство, но в эту же секунду произошла внезапная и некрасивая сцена за столиком, где сидели араб со «стенографисткой». Дама неожиданно резко

вскочила и плеснула вином в невозмутимое лицо спутника. Никто еще не успел понять, что произошло, или даже возмутиться про себя, как араб, все так же равнодушно пережевывая устрицу, отвесил даме пощечину. Пощечина была грубой, хлесткой, и звук ее, похожий на выстрел, заставил всех присутствующих вздрогнуть и замереть. Так хлещут лошадей или собак — без злобы, но и без жалости. И от того, что обидчик, кажется, даже не изменился в лице, не счел нужным встать и уйти, уведя за собой покрасневшую не то от удара, не то от стыда спутницу, но откинулся в кресле и достал сигару, инцидент стал выглядеть еще более гротескно и пошло. Словно дело происходило не в известном своими утонченными нравами «Восточном экспрессе», а в дешевом кабаре где-нибудь на Елисейских Полях. Странная для прежнего «Восточного экспресса» случилась сцена, а наступившая затем пауза показалась всем невыносимо тяжелой. Еще пять лет назад все это было бы невероятным. Невозможным. Невозможной была бы даже эта кокетка в ее лисьей накидке и то, что никто... ни один из присутствующих в зале мужчин не вскочил и не вступился за честь женщины. Французы как ни в чем не бывало продолжили обедать, опровергая все национальные мифы, включая миф о «французской галантности». Один из турецких юзбаши вспыхнул и дернулся было встать, но под многозначительным взглядом старшего по званию снова опустился в кресло. Англичане же с любопытством следили за происходящим.

— Разумеется, вокруг ни одного джентльмена... — Дама картинно приложила бокал к щеке и уставилась прямо в лицо опешившему от происходящего Стиви.

— О! Мэм... Я к вашим услугам, мэм... В наших краях за такое принято бить лицо, не спрашивая имени... — Малыш вылетел из-за столика так быстро, что Баркер даже не успел среагировать. А когда сообразил, то было уже поздно. Стиви скинул пиджак и заворачивал рукава рубашки, одновременно

выкрикивая в бесстрастное лицо шейха слова, которые тот вряд ли толком понимал. Да этого было и не нужно. Выражение лица и поза Малыша недвусмысленно говорили о намерении сейчас же и насмерть драться. Араб так же равнодушно, как он до этого перемалывал челюстями устрицы, начал выбираться из-за стола. Выглядел араб довольно субтильным, тощим и... опасным.

— Ставлю три к одному, что падишах надерет задницу молодому ковбою, — довольно громко обронил кто-то из англичан.

Баркер резко встал, собираясь сперва разобраться с арабом, потом с дурачком Стиви, а потом и с этой британской вальяжной скотиной, что вздумала вдруг делать на одного из Баркеров ставки, как на беговую лошадь. Но тут другой, очень высокий и до этого в основном помалкивающий англичанин неувловимым движением, казалось бы, совершенно не подходящим для его комплекции, стремительно вскочил и очутился между разъяренным, словно молодой бычок, Малышом и арабом. Англичанин опередил Баркера на целую четверть минуты — Красавчику пришлось огибать перевернутый Малышом буфет и пробираться через узкий проход между креслами.

— Хладнокровнее, господа... Хладнокровнее. Мы с вами не на ринге. Вам бы следовало принести даме извинения... а вам, — полупоклон англичанина в сторону нагло глазающей на происходящее девицы выглядел издевательским, — я бы посоветовал покинуть ресторан и завершить ужин в своем купе. Ну а вам, молодой человек, я советую успокоиться. Вы юны, порывисты и во многом пока не разбираетесь.

— Да я... я сейчас ему... — горячился Стиви, подпрыгивая и сопя, как молодой бульдог.

— Не нужно, сэр. Просто уведите меня отсюда, — вмешалась девица. Подбежала к Стиви, прижалась к нему обнаженным плечом. — Избавьте меня от этой гнусности...

— Все улажено, господа? — Англичанин тщательно улыбался, продолжая оттирать пытящего Стиви подальше от соперника.

— А вот сейчас совсем уладим. Больше помощи не требуется, — прорычал Баркер, направив всю пылкую ярость своего взгляда на араба.

Если бы взглядом можно было бы испепелить, Баркер бы превратил в тлеющий прах все вокруг, включая стюардов, туалетные комнаты и паровоз. Возможно, именно ярость помешала Красавчику распознать в стоящем напротив него противнике, разодетом в чудной белый балахон и высокую чалму, того самого худощавого мсье с зонтом, что встречал в Шербуре пышную старуху. Только когда араб стушевался, начал бормотать что-то похожее на извинения на французском или даже своем арабском — Баркер в этом мало что соображал, и, обойдя Баркера по странной кривой траектории, засеменял прочь под недоумевающее молчание присутствующих, Баркер его вспомнил. Вспомнил манеру втягивать голову в плечи, и мелкую неровную походку, и едва заметное приволакивание левой ноги...

Заодно понял Баркер, отчего эта кокотка показалась ему знакомой. Не лицо, нет, а то, как она откидывалась на спинку кресла, точно так, как старуха с «Аквитании»... и еще как Игрок. Баркер выругался. Обернулся, чтобы убедиться — Малыш, эта заноза в заднице, все еще здесь, никуда не делся и не накуролесил еще чего-нибудь. Посмотрел налево, направо, уставился на пустующий столик в углу. Но нигде в ресторане Баркер не обнаружил ни брата, ни девицы, которую, кажется, имело смысл малость придушить, чтобы вежливо порасспрашивать о разных не слишком внятных, но явно имеющих между собой связь событиях.

— Где? Где он? — обратился Баркер к длинному англичанину. Тот уже вернулся к своей компании и словно забыл об инциденте. — Мой брат? Малыш где?

— Сопровождает юную леди... — Англичанин запнулся, но на этот раз обошелся без сарказма в адрес дамы, — до купе по ее просьбе. Вы разве не заметили? Черт...

— Черт! — Баркер отшвырнул в сторону неудачно подвернувшегося под руку стюарда, едва не сбил с ног старушку с вязальной корзиной и бросился вслед за арабом, встревоженный настолько, что даже не обратил внимания на англичанина, который рванул за ним.

В следующем вагоне араба не оказалось. Баркер ускорился и влетел во второй от головы состава пульман на всех парах... И едва не врезался в Малыша, спешащего навстречу.

— Чтобы ниггеры пять раз женились на твой прабабушке! Ты соображаешь, что творишь?! Мало того что из-за тебя мы сейчас торчим в этой долбаной Албании, где все болтают на этом долбаном албанском, даже копы... и где, если нас повяжут, мы не сможем даже произнести «задница» и «адвокат»... Какого ты встрял за эту шлюху! Сколько раз можно повторять... Была бы на моем месте наша ма, она бы... Малыш, я так рад, что ты цел и невредим. — Баркер выдохнул и отпустил наконец брата, которого он, оказывается, все это время крепко держал за грудки и тряс изо всех сил. — Все в порядке?

— Да. В порядке... — как-то вяло ответил Малыш, но Баркер не обратил на это внимания, довольный тем, что все обошлось.

— В купе! Живо! — Баркер не удержался и дал Малышу легкий подзатыльник. — Больше никаких закидонов, ясно? Или запру тебя в этой конуре до самого прибытия без жратвы... — еще раз пригрозил Баркер притворно суровым голосом.

«Надо будет завтра сказать этому длинному англичашке спасибо», — решил Красавчик, проваливаясь в сон. Рука его лежала под подушкой, пальцы привычно обхватывали рукоять «кольта», а на двери купе висела трещотка, связанная на скорую руку из пяти серебряных ложек, позаимствованных

из опрокинутого буфета не наживы ради, но безопасности для. На буковой полке прямо над головой Баркера громко тикал позолоченный брегет — подарок Родинки (или Кудряшки — Баркер не был уверен точно), отсчитывая часы и минуты «по Чикаго». Шесть тридцать вечера — самое время выпить бокальчик виски. Но это если только вы все еще дома, а не посреди чистого поля, затерявшегося где-то между Парижем и Константинополем, но ближе к Бухаресту. Красавчик Баркер почмокал губами, как младенчик, повернулся на бок и захрапел.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Немного об индивидуальных способностях, немного о долге, совсем чуть-чуть о любви. В основном же о том, к чему приводят любопытство, шампанское и бессонница

Все тот же «Восточный экспресс», все тот же октябрь 1919 года

В отличие от Генри Баркера, майору Артуру Уинсли не спалось. Для этого у него имелось множество причин. Во-первых, его и прежде мучила «дорожная» бессонница, а теперь, привыкнув засыпать под артиллерийскую канонаду и звуки перестрелки, он никак не мог справиться с неожиданной тишиной. Во-вторых, сегодняшняя история с молоденьким янки неожиданно выбила его из колеи. А в-третьих, в экспрессе находилась Вещь. Более того, она работала вот уже вторые сутки.

Артуру Уинсли не должно было быть до этого никакого дела — десять лет назад он перестал быть одним из послушников ордена «Рубиновой розы». Десять лет назад он провалил свое первое испытание — вместо того чтобы, совершив обмен одного магического предмета на другой, доказать свою преданность и готовность перейти на следующую ступень, вернулся с пустыми руками. Артур Уинсли принял неизбежное наказание со стоическим спокойствием. Несмотря на то что тогда ему исполнилось всего семнадцать, Артур Уинсли

прекрасно осознавал, что, покинув орден, он ставит крест на своем будущем. И что вряд ли ему теперь когда-нибудь засесть в Палате лордов, и максимум, на который он может рассчитывать, — военная карьера, незначительная пенсия и тихая старость где-нибудь в Брайтоне, среди белых коз и зеленых лужаек. Также Артур вынужденно разрывал помолвку с леди Сесилией Эгертон, для которой брак с Артуром значил много больше, нежели обычный политический союз. Сесилия любила Артура и могла вполне рассчитывать на взаимность: дружные с самого детства, они подходили друг другу «как меч и ножны». Артура всегда забавляло и немного корбило это сравнение, придуманное самой Сесилией, — девушка вряд ли догадывалась об ассоциациях, которые неизбежно возникали в голове у молодого человека.

Теперь не имело смысла об этом вспоминать или сожалеть. Хотя Сесилия все еще оставалась свободна и, кажется, лелеяла надежду на то, что Артура простят и вернут в «орденское лоно». Фраза про орденское лоно тоже принадлежала мисс Эгертон, ей вообще была свойственна излишняя помпезность в выражениях.

Артур приподнял штору и выглянул в окно. Экспресс на полной скорости шел мимо измученных ранними морозами виноградников и нищих румынских мазанок. Впрочем, после Александрии, где Уинсли провел последние три с половиной года, его эстетические предпочтения претерпели значительный метаморфоз, и уже мало что могло его разочаровать.

Майор Норфолкского полка Артур Уинсли (молодой человек предпочитал теперь это обращение) направлялся в Константинополь в качестве одного из адъютантов командующего английским оккупационным корпусом генерала Милна. На деле же майору предстояло завершить расследование по поводу исчезнувшего в Галлипольском сражении батальона один дробь пять. Таинственная пропажа целого батальона во главе

с полковником Бошамом, которого Уинсли знал лично, был ему должен несколько фунтов, а также немного недолюбливал за вспыльчивость и излишнюю щепетильность, вне всякого сомнения, имела «мистические корни». К «мистическим корням» из словаря все той же Сесилии Артур относился терпимо, хотя, как ни крути, звучало это не лучшим образом. Артур понимал: война закончена, и теперь, когда нужно так или иначе определиться с «мирным» будущим, старик Уинсли дает ему шанс. Если Артур сумеет самостоятельно справиться с «Делом об исчезнувшем батальоне», ему наверняка предложат вернуться в орден.

Возвращаться Артур не хотел. Еще меньше хотел он ехать в Константинополь — город, о котором у него не осталось ни одного приятного воспоминания. Хотя в пятнадцатом, когда они с ребятами стояли под Галлиполи, когда на тонкие подошвы ботинок липла траншейная глина, когда делили один противогаз на двоих, а одну папиросу на пятерых... Тогда он мечтал о том, чтобы в отчаянной атаке смять турецкие редуты и поскорее уже оказаться в такой близкой и такой недостижимой византийской столице. Мечтал он об этом по простой причине: он и еще с дюжину ребят из-за мокрых сапог и грязных обмоток подхватили окопную болезнь. Ступни ныли, пальцы гнили и теряли чувствительность, и кое-кто из солдат начал уже прихрамывать. А в Константинополе были лекарства, кровати с чистым бельем и горячая вода. Тогда до Константинополя они так и не дошли, а сразу же после сражения всех оставшихся в живых переправили на Суэц.

Норфолкский... Артур любил свой полк, был ему всецело предан и считал его единственной своей семьей. Особенно после того, как дед почти прекратил со внуком всякие отношения и даже к Рождеству присылал иногда почтой, иногда с оказией, и пару раз, когда почта ходила плохо, с дворецким всего лишь чек, не сопровождая его ни запиской, ни устными

пожеланиями. Бессменный (кажется, ему исполнилось уже лет пятьсот) дворецкий деда Питер Хоуп пожимал плечами так обреченно, его лицо полнилось такой мудростью и всепрощением, что хотелось немедленно дать ему денег, еще денег, титул... и снова денег. Но Артур обходился лишь устной благодарностью и просил передавать сэру Уинсли приветы и пожелания здоровья и благоденствия. Будто бы старикан в этом нуждался. Старый Уинсли был здоров как бык, богат как Крез и уперт как дьявол. Всю жизнь таков! Но все же хитрец и игрок, каких еще свет не видывал. Подсунь он внуку любое другое задание — еще неизвестно, согласился бы тот. Все же порода Уинсли давала о себе знать, и Артур умел взбрыкнуть и заупрямиться не хуже обожаемого родственничка. Но не тогда, когда это Норфолк... Однополчан Артур предать не мог. Не за этим они целых семь, но как будто уже семь тысяч, лет вместе убивали и погибали, вместе побеждали и проигрывали и вместе вжимались в землю под злой шрапнелью, пропитываясь друг дружкой насквозь: мертвые живыми — живые мертвыми.

Еще в Египте Артур «случайно» получил на руки кое-какие бумаги, касающиеся «таинственного исчезновения батальона один дробь пять», и целых полдня удивлялся, как это ему дали доступ к сверхсекретным материалам. Но, обнаружив на полях протокола допроса пометки знакомым колючим почерком, ухмыльнулся и продолжил читать. «Галлиполи. Спонтанный хроноспазм» — дедовы «о» походили на пирамидки — на их острые верхушки можно было насаживать скальпы. «Конечно же, хроноспазм, дедуля», — мысленно отсалютовал старикану Артур. Что же еще? Была бы линза — за эти пять лет ребята уж где-нибудь да объявились бы. Очевидно, что в пятнадцатом сработала давно известная временная аномалия в Дарданеллах. Двести лет никто о ней не вспоминал — и вот вам парад-алле! Четвертому батальону, в котором служил

тогда еще лейтенант А. Уинсли, повезло. А вот Бошаму и его ребятам нет — один дробь пять навсегда застрял в том августе... в том чертовом туманном августе. «Выход не предусмотрен — дело закрыть» — дедова треугольная «о» в слове «выход» была поделена вертикальной линией пополам и украшена сверху едва заметной карандашной галочкой-«усиками». Артур усмехнулся, не раздумывая, пририсовал слева и справа лапки и полюбовался получившимся жучком, не слишком похожим на Жужелицу, но догадаться можно. Нашел еще одну «пирамидку» в слове «предусмотрен» и тщательно утыкал ее жирными точками. Вот вам и Божья Коровка — второй волшебный жучок. «Выход не предусмотрен»... Разумеется, сэр. Так точно, сэр. Все знают, что выход из хроноспазма «не предусмотрен», если у тебя в руках винтовка с красивым, почти женским именем «Лиэнфилд», за спиной вещмешок, в накладном кармане кителя прощальное письмо любимой Мэри, или Лиз, или Мэрилиз, а на шее асбестовый круглый жетон. Но где-то в Константинополе у менялы (интересно, он все еще похож на щенка спаниеля?) ждет своего хозяина металлическая Божья Коровка, а где-то в России хранится Жужелица. И если повесить их на шею вместо жетона, то можно спокойно лезть даже в ад. Не заблудишься.

А ведь десять лет назад дед не пожелал выслушать Артура. «Выдумки... Менялы — не хранители. Любят приврать и прихвастнуть, чтобы их не держали за вульгарных лавочников. Сказки... В ордене бы знали о такой сильной паре... Однако я уточню по своим каналам. Как-нибудь позже... Ну?» — дед выжидающе протянул руку за Бабочкой. Артур отдал футляр. Почему-то он не сумел сразу все пояснить, а молча наблюдал, как старик узловатыми своими пальцами теревит замочек, как смотрит недоумевающе на пустой чехол, потом на внука. А потом никому уже дела не было ни до сказок, рассказанных стамбульским менялой, ни до уникальных способностей Артура

Уинсли-младшего. «Ты разочаровал меня. Чрезвычайно», — это было последнее, что Артур услышал от деда, прежде чем тот указал ему на дверь.

Выходит, дед все же подтвердил существование султанской пары. И, выходит, ему не наплевать на внука, раз через десять лет он предложил тому пусть опасную, но все же реальную возможность вернуться. Ну что ж... Много лет назад Артур счел бы дедово решение блестящим, подсказку унижительной, но необходимой, а задачу почти невыполнимой, отчего особенно привлекательной. Теперь же Артуру было всего лишь страшно. Его простая, понятная черно-белая война по чужой воле превращалась в шахматную партию, в которой ему отводили роль послушной пешки. Нет. Орден с его карьерными чудесами Артура больше не привлекал, но отказаться от возможности, пусть даже призрачной, вытащить ребят из хронозадницы майор Норфолкского полка Артур Уинсли не имел ни малейшего права.

— Думается, я смогу быть в этом деле полезен, сэр, — сообщил Артур командиру, возвращая досье. И не успел даже заикнуться о переводе в Турцию, как получил соответствующий приказ. К тому же ему причитался целый месяц отпуска.

Вернувшись в Лондон из Дамаска ранней весной, Артур быстро утомился от полезных для здоровья прогулок по Гайд-парку, разговоров о войне и традиционных клубных посиделок. Поэтому, получив в генштабе кое-какие документы для передачи генералу Милну — командующему британской ставкой в Константинополе, майор Артур Уинсли, ни секунды не медля, отбыл в Париж, откуда ему предстояло выехать по месту назначения вместе с группой британских дипломатов, особо не скрывающих своей принадлежности к военной разведке.

Путешествием Артур наслаждался — он давно уже отвык от беспечной французской роскоши. В Лондоне в моде была аскеза: джентльмены отказывались от сигар и бурбона, а дамы хвастали друг перед другом нижним бельем, шитым из шелка сбитых дирижаблей. Но, смакуя арманьяк под шершавый звук патефонной пластинки и аромат хорошей еды, Артур ничуть не сожалел, что однажды всего этого лишился, отдав предпочтение войне. Единственное, по чему он действительно тосковал, — это по женскому обществу. Не по липкому вниманию легких женщин — такого добра даже в Александрии или в Дамаске можно было при желании найти с избытком, не по наивной влюбленности офицерских жен и дочерей и не по выхолощенной болезненной привязанности аристократок вроде Сесилии Эгертон. Артур тосковал по изысканному опасному флирту, по тонкой игре взглядов и жестов, по изящной беседе, на первый взгляд светской и пустой, но по сути своей сплетенной из полунамеков и обещаний. Актрисы, дамы полусвета, писательницы и поэтессы — женщины умные, свободные и порочные — их Уинсли не хватало. Сэр Артур Эдвард Уинсли был безупречен во всем, кроме одного. Он был неутомимым ловеласом, если выражаться языком леди Сесилии. Жутким, неисправимым бабником, если говорить просто и откровенно.

Когда Артур заметил в ресторане араба с его спутницей, он настроился на приятный вечер. Откровенный наряд и поведение дамы его коробили, но и волновали одновременно. Он чувствовал, что демонстративность этот нарочита и продумана. Что все это спектакль, рассчитанный вовсе не на эпатаж зрителей. Уинсли страстно захотелось раскусить игру, включиться в нее будто бы случайно, стать сперва статистом, а потом как карта ляжет... Поэтому он выбрал место напротив красотки и стал пристально, почти нагло ее изучать. К его удивлению, на его прямой и недвусмысленный посыл никто не реагировал. Дама словно не замечала ни его пристальных взглядов, ни того,

как он тщательно демонстрировал свою готовность ответить на любой ее одобряющий намек. Вместо этого мадемуазель старательно кокетничала с янки, совсем еще мальчиком. Уинсли бы понял, если бы девица пыталась очаровать сидящего рядом с юнцом крепыша с бульдожьим лицом и повадками бандита. Но мальчик...

Артур еще больше завелся — и оттого что все его усилия пропадали впустую, и оттого что он никак не мог вычислить, что же этой кошечке нужно. Он прекратил таращиться на нее в открытую, но продолжал следить исподтишка. Поэтому заметил, что, прежде чем плеснуть в лицо арабу вино и подставиться под удар, она что-то быстро и серьезно сказала своему попутчику. Словно отдала приказ. Ну а когда вслед за пощечиной последовал умоляющий беззащитный взгляд опять же в сторону маленького янки, у Уинсли не осталось сомнений — сцена разыграна. С единственной целью — спровоцировать мальчишку. Уинсли позволил себе выждать, прежде чем вскочить и оттащить в сторону ничего не подозревающего глупца. Когда же мальчик вдруг исчез, отправившись провожать «бедняжку» до купе, Артур отругал себя за непредусмотрительность и бросился вслед, готовый, если будет необходимость, прийти на помощь.

Он уже было вбежал во второй вагон, но тут обнаружилось, что мальчишка благополучно вернулся и теперь получает взбучку от старшего брата. В чужие семейные драмы Уинсли лезть не намеревался, поэтому потихоньку, пока никто его не заметил, вернулся к друзьям. Кто-то разыскал в ресторане доску и теперь подыскивал партнера для трик-трака. Артур махнул рукой, соглашаясь на партию, — и неудачно задел рукой официанта, который как раз нес густо посыпанный сахарной пудрой пирог. Пудра сладким ванильным облачком взметнулась вверх и попала Артуру в нос и глаза. Артур зажмурился, задержал дыхание, чтобы не чихнуть... и тут же десятки следов,

совсем стертых и еще почти свежих, заполнили пространство. Яркий, толщиной в запястье шлейф начинался от столика, за которым сидел араб с красоткой, и тянулся к выходу из вагона. Шлейф сиял так отчаянно, что не оставалось никаких сомнений: Вещь чрезвычайно сильна, активна и работает без перерыва уже много часов...

— Простите, джентльмены, кажется, мне нехорошо.

— Лихорадка. Служили в Африке? В Индии? — сочувственно пододвинул кресло кто-то из лейтенантов, а турок-юзбаши тут же подскочил с бокалом холодной воды, несмотря на тяжелый неодобрительный взгляд старшего.

— Вульгарное несварение... Желудок стремится к привычным консервам и сухарям. А устрицы и сабли стремятся дезертировать из желудка, — отшутился кое-как Уинсли, скомканно попрощался и быстро вернулся к себе.

Вот уже пять часов кряду майор Уинсли не мог заснуть. Последний раз ему выпало так близко почувствовать присутствие работающей Вещи в Дамаске пару лет назад на рождественском приеме у британского атташе. Тогда он тоже отговорился недомоганием и ушел. Не оттого что ему действительно было плохо — обычно после первого приступа, сопровождающегося моментальным жаром и легкими судорогами, наступала легкая эйфория. Но Артуру неприятно было знать, что рядом есть кто-то «ненастоящий», ведущий неведомую какую игру с тайными целями, пусть даже самыми благородными. Пусть даже его зовут сэр Томас Эдвард Лоуренс Аравийский и каждая собака от Оксфорда до Месопотамии узнает его бронированный роллс-ройс по звуку мотора за целую милю.

«Хоть с поезда прыгай, хоть ножками дрыгай. Спасенья от вас не найти», — пропел Артур первую пришедшую в голову чушь на популярный джазовый мотивчик и решил, раз уж до утра ему не справиться с бессонницей, прогуляться по спящему поезду.

Предпочтительнее крепкого сна в уютном купе лишь ночная прогулка по «Восточному экспрессу». Когда можно беспрепятственно любоваться развешанными по стенам оригиналами картин пера Матисса и Мане, едва удерживаясь от искушения добавить усы, бороду или еще что-нибудь несложной формы и содержания к нарисованным лицам и фигуркам. Когда можно, не опасаясь укоризненного взгляда стюарда, отколупнуть ногтем кусочек отошедшей ореховой обивки и вытолкнуть ее щелчком наружу через приоткрытую форточку. Когда можно заглянуть в пустой ресторан, растормошить сонного бармена и потребовать у него бокал холодного шампанского. А потом забрать всю бутылку и направиться в одинокий ночной дозор. Когда можно бродить по состоящему всего из трех пульманов и одного ресторана составу туда-сюда, размахивая отчего-то быстро опустевшей бутылкой, представлять, что происходит за дверьми каждого купе, прислушиваясь к шорохам и шепоту, и лгать себе, что твоя прогулка всего лишь средство от бессонницы, а не попытка отыскать ее источник.

Артур знал, что это глупо, лишено смысла и совсем не его дело. Но ему все равно нечем было заняться, тем более в отсутствие библиотеки, которую из экономии средств на этот раз к составу решили не цеплять. Право, не писать же путевые заметки или роман... Уинсли прошатался так до самого рассвета, изрядно накачался выдержанным брютом и вознамерился уже вернуться в купе, чтобы умыться и пойти завтракать, как услышал странные звуки, раздающиеся из двухместного купе возле туалетной комнаты.

Уинсли ускорил шаг. Но тут дверь словно от удара ногой распахнулась и пять серебряных ложечек, кокетливо звякнув, вывалились прямо к носам еще довоенных штатских туфель майора Уинсли.

— Прошу прощения... — произнес майор со всем возможным почтением и застыл на месте.

Происходящее внутри выглядело на первый взгляд странно, на второй взгляд — очень странно. Вчерашние братья-янки устали друг на друга как заклятые враги, стоя на кроватях один против другого. Причем в руке у старшего недвусмысленно поблескивал «кольт» сорок пятого калибра, наставленный точно в голову младшему. Младший же был вооружен «браунингом» и лихорадочно, но без толку давил на спусковой крючок. Был бы «браунинг» заряжен, старший лежал бы сейчас начиненный свинцом, как фирменный кекс Сесилии Эгертон цукатами, редко и бессистемно. Но магазин оказался пустым, что для мальчишки было полной неожиданностью, судя по его разъяренному и разочарованному одновременно лицу. «Каждая несчастная семья несчастна по-своему», — подумалось не к месту Артуру.

Еще он подумал, что старший мог бы одним выстрелом избавиться от всех семейных неурядиц, но почему-то этого не делает. Едва он решил обмозговать этот вопрос чуть тщательнее, старший, по-звериному зарывчав, отбросил «кольт» в угол, швырнул свое тяжелое тело вперед, придавил собой малыша и принялся выкручивать тому руки... стараясь, как ни странно, причинить брату как можно меньше увечий и боли. Малыш извивался, лягал брата в живот и вообще дрался без всяких правил и очень по-женски. При этом оба старались не издавать ни звука.

— Дверь... — рявкнул старший, продолжая скручивать брата.

— Непременно, — согласился Уинсли и закрыл дверь, сам, однако, оставшись в купе. Он сделал это больше машинально, чем из желания влезть в потасовку. Шампанское никак не хотело выветриваться и не позволяло Артуру принять чью-либо сторону. Однако оставить господ американцев одних Артур тоже не мог. Очевидно, кто-то из двоих нуждался в помощи. Но вот кто?

— Вережку! — старший, не глядя, протянул ладонь.

— Будьте любезны. — Уинсли сдернул с кровати простыню, ловко и быстро скрутил ее жгутом и протянул американцу.

— Какого черта... вы здесь? — по мнению Артура, чересчур поздно заинтересовался американец.

— Утренний променад. У мальчика падучая? Сочувствую...

Американец наконец-то обездвижил сорванца и теперь, тяжело дыша, притулился на краешке кровати. Артуру показалось, что американец — человек по всему бывалый — выглядит полностью растерянным и даже отчаявшимся, зубы его клацают, зрачки расширены, а руки дрожат. Когда же американец заговорил, Уинсли стало даже как-то не по себе. В голосе у крепыша слышался не просто страх — смертельный ужас.

— Эй... англичанин... Как тебя там?

— Майор батальона один дробь четыре Норфолского полка армии его величества Артур Уинсли, — представился Артур.

— Что... Черт! Ни хрена не запомню! Ладно. Ты рослый из себя. Буду звать тебя Ходулей. Точка.

— Польщен. — Артур наклонил голову. — С кем имею честь?

— Какая разница... — Крепыш-янки замотал головой, став вдруг похожим на покусанного пчелами бульдога. — По бумагам буду Томпсон.

— Рад знакомству, мистер Томпсон-по-бумагам... — Артур еще раз поклонился и краем глаза посмотрел на пленника, размышляя, стоит ли ему дальше находиться здесь и не лучше ли оставить господ американцев наедине.

Мальчишка хлипко, с присвистом, дышал и переводил озлобленный кусачий взгляд то на Артура, то на брата. Несмотря на то что рот мальчика оставался свободен, он не кричал и не делал никаких попыток привлечь внимание стюарда, который уже проснулся и осторожно, чтобы не разбудить спящих еще пассажиров, позвякивал титаном.

— Вот ты ведь вчера видал моего братишку, Ходуля. Малыша Стиви... То есть он, конечно, не Стиви будет по бумагам, а Джон... — Американец мотнул головой, так бульдог пытается стряхнуть пчелиный рой. — Малец совсем. Голосище басовитый уже, но малец.

— Да. Я имел удовольствие видеть вчера вашего младшего брата... Джона. И, если память мне не изменяет, вижу и сейчас. Он жив и... хм... относительно в порядке.

— Нет! Понимаешь, Ходуля... Это не он! Это не малыш Стиви. Это кто-то другой! — Американец стал бледнее простыни, той самой, что только что была на кровати, а теперь, скрученная жгутом, туго стягивала руки Малыша Стиви. Сплюнул через плечо, поднял руку, словно собрался перекреститься, но передумал, опустил ладонь обратно на колени. — И я ему сейчас кишки выпущу... Потому что это не Малыш Стиви, но это же Малыш Стиви... Скажи мне, вот ты его вчера видел, так это, по-твоему, кто? Стиви? Или нет?

Американец застонал, стиснул голову и зажмурился. Артуру тяжело, неприятно и жалко было смотреть на этого крепкого и наверняка смелого человека, который выглядел сейчас совершенно потерянным. Происходящее здесь Артуру не нравилось, к тому же в памяти со странной отчетливостью всплыл образ Сесилии и ее немного визгливый голос, вещающий про «оккультные предопределенности». «Если ты оставил орден, то это еще не значит, что орден оставил тебя...»

— Значит, ваш брат ведет себя не так, как прежде... — задумчиво, не рассчитывая на ответ, протянул Артур.

— Не так? — Американца вдруг прорвало, он вцепился в Артура пальцами и быстро-быстро принялся шептать, порой с ужасом вглядываясь в лицо того, кто называл себя его братом.

Из невнятного обрывочного шепота «мистера Томпсона по бумагам» перед майором начала вырисовываться более-менее четкая картина. Выяснилось, что буквально полчаса назад

разбуженный легким шорохом американец с удивлением обнаружил, что его братишка шарит по вещам, не брезгуя карманами пиджака и нижним бельем. Предположить, что пацану нужны деньги, американец не мог: мальчишке и так ни в чем не отказывали. Решив понаблюдать за наглецом, американец продолжил прикидываться спящим, сам же тщательно следил за тем, что вытворяет разбойник. Каков же был ужас американца, когда он понял, что его брат не просто себя странно и необъяснимо ведет, но что он стал другим...

— Понимаешь, Ходуля! Я как бы такие штуки точно знаю... Это как хреновина в башке — хочу я или не хочу, но вижу враз. Вот, к примеру, ты, может, не в курсе, но щиплешь переносицу. И костяшки у тебя набиты — боксер, поди... На глазе левом у тебя крапина маленькая, как мушка, — сбивчиво тараторил «Томпсон».

— Редкий дар. Фотографическая память, — кивнул Артур ободряюще. — Продолжайте.

— А тут братишка. Я смотрю... Вижу — а ведь это не он барахло шмонает! Лицом он, а нутром не Стиви. Чужой. И не просто чужой, но как бы баба... — Тут Баркер запнулся и побелел уже совсем неприлично. — Слышь, Ходуля. Это ведь дух мертвяка в нем? Мне один индеец про такое рассказывал... И что? Что теперь? И где Стиви? Где Стиви, где мой Малыш, я тебя спрашиваю, падаль?

Американец, предприняв над собой и своим суеверным страхом невероятное усилие, занес было над скорчившимся в углу телом железный свой кулак.

— Не стоит. Так вы ничего не добьетесь, — остановил американца Уинсли. Он окончательно протрезвел, сложил два плюс два, вспомнил об активированном ночью предмете, о девице, спровоцировавшей пацана ... — Позвольте поинтересоваться, мистер э-э-э... Томпсон, а нет ли у вас чего-нибудь, имеющего отношения к предметам?

— К ч-чему? — «Томпсон», кажется, совсем перестал соображать.

— К предметам... Да перестаньте же заикаться, как шлюха перед исповедью. К фигуркам животных, птиц или насекомых... Вроде кулонов. Из необычного металла. Может, у вас есть такая фигурка... или информация, где такую фигурку найти.

— Вот оно что! Так ты тоже из них? — «Томпсон» замахнулся на Артура... и скрючился от резкого хука.

— Тихо... как вас там... Тихо... Не орите и не гарцуйте укушенным бизоном, или кто у вас там скачет по прериям. Хотите, чтобы я вам помог вернуть вашего брата? Настоящего, а не то, что у вас тут валяется, спеленутое, как мумия? Или лучше, чтобы я сейчас ушел, а вы бы сперва измучили себя, в конце концов выпустили бы пол-обоймы в него, а оставшуюся половину себе в лоб... Есть или нет?

— Да, — кивнул, не разгибаясь, «Томпсон». — Есть! Могло бы быть...

Артур вдохнул так глубоко, как мог, на секунду прикрыл веки, а затем нагнулся и беспардонно сунул ладонь извивающемуся мальчишке за ворот. Ощутив кончиками пальцев знакомый металлический холод, Артур даже не стал ощупывать кулон. Лишь Бабочка давала владельцу способность идеально менять внешность. Пока недоумевающий «мистер Томпсон по бумагам» пытался сообразить, что там вытворяет англичанин с его братишкой... то есть с тем, что еще вчера было его братишкой, Артур крепко ухватил пленника за подбородок, задрал тому голову и внимательно вгляделся в его глаза, рассчитывая обнаружить разницу в цвете радужки — неизбежную при долгом использовании Вещи. Но оба глаза были одинаково мутными, зрачки — огромными... Артур задохнулся от неожиданной, невероятной догадки: только один... одна из его очень старых знакомых капала в глаза белладонной...

— Это невозможно... Марго... Это вы? Я слышал, что вы... Вас же...

— Казнили? Увы-увы. Как видите, я в относительном порядке. — Пленник подал голос, в котором прозвенела откровенная насмешка. — Я надеялась, что вы узнаете меня гораздо раньше. Но вы позабыли свою Марго. Ну-ну. Не волнуйтесь так — я не в обиде, прошло столько лет! И не ешьте меня взглядом, я вам еще пригожусь... Я ведь ваша давняя должница. Кстати! Артур! Прекратите уже меня лапать, как изголодавшийся ландскнехт. Прежде вы были куда галантнее.

Артур отпрянул, словно его опалило пламенем. Он узнал эти интонации и эту манеру насмешливо щуриться. Вне сомнения, в теле рослого белокурого юноши была сама Маргарита Зелле... Мадам Маргарита, великолепная Марго, несравненная Мата Хари, самая опасная и самая желанная из женщин... Помимо прочего, два года назад расстрелянная французами за шпионаж в пользу германской разведки. Марго — его первая... Артур вспомнил и неожиданно для себя покраснел как рак.

— Полноте. Нам ли с вами стесняться друг друга... Скорее развяжите меня, пусть принесут завтрак... и втолкните этому... фермеру, что со мной лучше дружить. Если, конечно, ему дорог тот розовощекий херувим, о нынешнем местонахождении которого знают только мои слуги, которые, как вы помните, без моего приказа шагу не ступят. А если ковбой совсем туго соображает, напомните ему, что ночью экспресс делал остановку в Бухаресте.

Надежда на то, что малыша-янки удастся скоро вернуть, стремительно развеивалась. Артур взглянул на беднягу-американца. Тот опасливо прислушивался к разговору, и, кажется, его разрывало между желанием бежать прочь, потребностью разобраться в происходящем и инстинктивным стремлением придушить и Артура, и то, что говорило и вело себя как женщина, но все еще выглядело как Малыш Стиви.

— Не тяните же, майор! Еще секунда — и наш бычок опомнится, тогда вам тоже придется несладко.

— Послушайте... мистер-по-бумагам-Томпсон. — Предложение Артура на доли секунды опередило окончательный выбор янки. — Раз уж вы и так вляпались в неприятности, а я по воле случая оказался рядом, то давайте проведем вместе еще с полчаса, за которые я, возможно, сумею вам кое-что пояснить. Или я сейчас уйду спать... и дальше сами.

— Куда? Нет уж, давай поясняй. Шпарь, Ходуля, но помни... — Американец рывком нагнулся, выхватил из-под стола «кольт» и, почувствовав в ладони привычную тяжесть, успокоился. Даже задышал ровнее. — Шпарь! У тебя ровно тридцать минут.

Через тридцать минут стюард просунул в приоткрывшуюся дверь двуспального купе завтрак на три персоны, старательно подавляя в себе презрение к «этим янки», которые даже представления не имеют об этикете и требуют черт знает что.

Красавчику Баркеру впервые в жизни было настолько хреново, что он не стал даже настаивать на виски, а сделал глоток вонючего французского пойла прямо из горла. На запах и вкус коньяк был отвратительным, но Баркера чуток отпустило. По крайней мере, он перестал дрожать, а предательская слабость в желудке сменилась относительно здоровой потребностью немедленно заглянуть в клозет. Однако он не решался отойти, опасаясь по возвращении не обнаружить в купе ни Ходулю, ни того, что выглядело как Малыш, но Малышом не являлось.

— Не мнись, братик. Ступай. Куда я от тебя денусь? Да и майор вряд ли так быстро покинет наш тесный дружеский кружок, — подмигнул мнущемуся Красавчику «Малыш Стиви», который теперь (от этого Баркера снова замутило) оказался мадемуазелью Марго. — Иди уже, иди — как там тебя?..

— Томпсон, — выдавил Баркер в ответ на ее кивок (хоть двигалась при этом голова Малыша, Баркеру было куда легче считать, что это она... так у него внутри немного меньше пу-талось).

— Разве? Мы ведь уже встречались. В Чикаго. Помнишь? Ты — Генри Баркер. Тот самый, за кого в Штатах обещают джек-пот. Как жаль, что мне сейчас недосуг радовать дядюшку Сэма добрыми новостями.

— Зови хоть эрцгерцогом Фердинандом, только ответь: жив ли Малыш? Или...

— Что — или? — продолжала издеваться мамзель, скалясь в лицо Красавчику баркеровской широкой улыбкой. — Или-или-или... Или жив, или мертв. Или тут, или там. Или вист, или пас... Или пан, или пропал. Или в ловушку попал? Ладно, братик. Я скажу тебе, какой может случиться у нас с тобой «или»... Или ты сам уже догадался? Или нет? Ах милый, милый мой Генри — охотник за бабочками... На! Лови! Она же тебе тоже нужна? Лови! Или кишка тонка?

Сидящий перед Красавчиком «Малыш» дернул за тонкий шнур, распустил узел и сорвал с тощей кадыкастой шеи амулет. Бабочка закачалась туда-сюда прямо перед вспотевшим от напряжения носом Баркера. Красавчик невольно сравнил кулон с изображением — тем, что он видел в Чикаго. Абсолютная точность... Он перевел взгляд на то, что выглядело как Стиви, чтобы сказать ему что-нибудь смачное, обидное, но с ужасом обнаружил, что Стиви скривился лицом, будто гуттаперчевый, потом сморщился, расплавился... Начали проступать чужие, грубые и резкие, словно волчьи, черты. Но тут он... она... оно снова намотало на себя шнурок, и через секунду перед Генри Джи Баркером сидел Генри Джи Баркер и очаровательно облизывал языком верхнюю губу.

— Давно пора подровнять усы, Генри, — пробасила Марго и деловито начала крючок за крючком расстегивать гульфик

пижамных штанов. — Прости. Но все это время меня терзало любопытство, как ты можешь такими толстыми пальцами справляться с такими крошечными крючками...

— Черт... черт... — Баркер сделал приличный глоток, поставил бутылку на стол и зажмурился, чтобы не видеть того, что произойдет дальше. Почему он не вслушался в то, что пытался вдолбить ему Капрал? Почему он не переспросил про «видения» и «иллюзии»? Догадывайся он тогда хотя бы на четверть, на что похожи эти «иллюзии», он бы драпал от масонов до самой мексиканской границы, прихватив с собой Малыша и наплевав на премиальные. Теперь же ему...

— ...Теперь тебе выбирать не приходится, мы словно ниточка с иголкой. Куда ты, туда и я... — пропела, словно прочитав его мысли, мамзель.

Красавчик приоткрыл один глаз. Обнаружил себя, сидящего нога на ногу строго напротив. Еле подавил стон. Потом незаметно перевел глаза на свой живот, не на свой, который находился сразу внизу, если опустить подбородок, а на тот... другой. К огромному облегчению Баркера, все крючки были на месте. «Да. Побриться не мешало бы», — мелькнула вдруг мысль. А за ней вторая: «Толстуха, пожалуй, права... Я неплохо смотрюсь со стороны». Ну а третьей поразительной мыслью было то, что, возможно, он сумеет со всем этим свыкнуться, раз уж его перестало трясти и он в состоянии разглядывать собственную трехдневную щетину на лице у расстрелянной два года назад немецкой шпионки.

— Что хочешь за Малыша? — спросил Баркер сам себя. Точнее, со стороны это смотрелось именно таким образом. И если бы в купе случайно заглянул кто-нибудь посторонний (например, та самая английская пожилая леди, что именно в этот момент прогуливалась по коридору с корзиной для вязания), он бы несказанно удивился.

— Хочу? — Марго сверкнула баркеровским жемчужным оскалом. Покосилась на внешне равнодушного Артура и пожала томно плечами. Странно было наблюдать этот нарочито-женский жест у крупного, заросшего щетиной мужчины. — Я хочу получить ма-а-аленькую Гусеничку. Только ее. И очень быстро. Пока никто другой не дотянулся до нее своими жадными ручками. Ты все же глуп, братик... Подставился. Я бы вполне удовольствовалась твоими записями, раздобыла бы милую безделушку сама, но ты утратил мое доверие. Хочу Гусеницу. Чем скорее, тем лучше. Иначе наш с тобой маленький Стиви будет страдать! Так страдать, что электрический стул покажется ему «Мулен Ружем»!

— Ах ты... — Баркер запнулся. Он был парнем тертым и понимал, когда лучше не спорить, но соглашаться. — Лады. Сколько у меня есть времени?

— Скажи спасибо, что я не истеричная морфинистка, а женщина, способная мыслить логично. Поэтому даю срок до марта. В марте остановишься в Пера-паласе. Я сама тебя разыщу.

— Будет тебе Гусеница... Подавись. Но если хоть волос упадет с головы Малыша, я тебе руки в задницу...

— Тс-с-с, милый. Не забывай, что это твоя же задница! И не пугай меня. Когда я боюсь, становлюсь непредсказуемой. Майор подтвердит. — Она послала Баркеру воздушный поцелуй образца «Красавчик Баркер целует Красавчика Баркера». — Ну, джентльмены, вам найдется о чем посплетничать. Я же иду переодеваться в женское. Милый Генри, твой м-м-м... организм очарователен, однако я привыкла некоторые вещи делать сидя. Милый Артур, я тепло вспоминала о тебе все эти годы. До встречи. О'ревуар.

Звук «баркеровских» тяжелых шагов приглушали коврики дорожки, но все равно было еще долго слышно, как она неловко переставляет большие мускулистые ноги и с трудом держит равновесие.

— Мне жаль... — обронил Артур. — Следовало пристрелить ее еще десять лет назад. За то, что она обвела меня вокруг пальца, сломала мне всю жизнь и к тому же выставила совершеннейшим идиотом. Но я солдат, а не убийца. А она все же... женщина. Мне жаль. Баркер, вам придется отдать ей то, что она просит.

Уинсли взял со стола бутылку и сделал глоток. Самым верным, самым разумным, правильным и честным сейчас было бы встать и уйти. Может быть, домучить наконец-то модный романчик мистера Моэма или написать Сесилии. Когда экспресс наконец-то прибудет в Константинополь, спокойно добраться до гостиницы, выспаться, помыться, переодеться и наутро отправиться в генштаб. Потом найти менялу, забрать у него Божью Коровку... и дальше в Россию, а потом обратно, и дальше в Галлиполи за ребятами... И дальше. И дальше... Слишком много у него дел, чтобы помнить о нелепой сегодняшней истории. Вместе с этим взъерошенным янки, его братом и Марго... Марго... Артуру не хотелось вспоминать о бурном, скоротечном и стыдном романе, который случился у них здесь же в Константинополе, страшно подумать, одиннадцать лет тому назад. Марго тогда бесцеремонно им воспользовалась... настолько бесцеремонно и грубо, что Артур на какое-то время даже решил, что стал женоненавистником. Если бы не он, разве удалось бы ей заполучить злополучную Бабочку?

Лживая, подлая... бесстыжая Маргарита Зелле, называющая себя Мата Хари... Он влюбился в нее, едва увидел ее лицо — нестерпимо прекрасное, нервное, с капризным тонким изгибом пухлого рта.

«Для вас я Марго, мой мальчик». Когда кто-то, кажется Стивен Райли, их представил друг другу, она курила пахитоску, жадно глотая сладкий дым. Марго была одета в шелковые

бирюзовые шальвары и прозрачное болеро, расшитое золотыми монетками. Монетки звенели при каждом ее жесте. Артур смотрел, как лениво она танцует, разглядывал капельки пота на ее шее, слышал запах ее духов и боялся, что, когда музыка закончится и она исчезнет, ему нечем станет дышать.

«Проводите меня, милый Артур», — она отыскиала его в толпе поклонников. Коснулась рукава его взятого напрокат фрака пальцами с длинными, покрытыми золотом ногтями. «Будто жар-птица», — зажмурился Артур от невероятной, невозможной надежды. И потом еще целую неделю с благоговейным изумлением трогал на груди ранки, оставленные позолоченными коготками. Еще через неделю, она, спускаясь со сцены, безразлично приняла от него букет и отвернулась, чтобы продолжить кокетливую беседу с французским послом — низкорослым щуплым бородачом, от которого за версту несло табаком и пачулями.

А ведь Артур просто обязан был заподозрить, что интерес к нему не случаен. С детства воспитанный в осторожности и недоверии ко всем, кроме членов ордена, он в каждом новом знакомом в первую очередь должен был предполагать разведчика, охотника за вещами и информацией и лгуна... и лишь потом, после многолетних проверок, возможно позволить себе немного дружеского доверия. Очень немного. Но она вскружила ему голову. Свела его с ума. Она заставила его поверить ей и... открыть каждую свою тайну, рассказать о всяком сомнении, поделиться неуверенностью и страхами... Она худыми пальцами с золотыми коготками выцарапала его из его чопорной скрытности, как улитку из домика. И ам... съела.

А как виртуозно она лгала! Как безутешно рыдала, как робко отдавалась, как потом засыпала в его объятьях, уткнувшись острым маленьким носиком в его подмышку... Искренняя, нежная, слабая... Как великолепно она разыграла спектакль с французом. И когда Артур почти умирал от ревности

и отчаяния, она подослала к нему своего слугу с письмом, в котором каждая буква, каждый пробел между слов сочились ложью. Тогда она была уже настолько уверена в победе, что даже не сочла нужным выглядеть убедительно. Тщательно разыгранный первый акт завершили фарсом. Вспоминая короткую беседу с Мустафой и ту злополучную записку, Артур до сих пор злился. Как? Ну как он не разглядел подделки, если даже запятые в письме дразнили его задорно загнутыми хвостиками?

«Поверьте, сэр. Мадам Маргарит любит вас и только вас... Лишь страх за вашу жизнь заставляет ее держаться холодно. Она умоляет вас уехать...» — Мустафа передал Артуру маленький конверт, от которого пахло ее духами. Корица, лаванда и немного лимонной цедры.

Всю ночь Артур читал и перечитывал написанные рваным почерком и не менее рваными фразами строки. Что ж. Ей вполне было под силу сочинять пошлые авантюрные романы. Тем более что благодарный читатель всегда рад обманываться. «Милый Артур... Не могу сказать вам всего... Но до встречи с вами я совершила столько ошибок. Теперь жизнь, моя судьба... они не принадлежат мне. Всякий, кого я люблю, — мишень. Знаю, что рву ваше сердце, но поверьте... мое кровоточит не меньше. Милый Артур, как жить мне вдали от вас? Стоит ли жить? Французская разведка, о которой я слишком много... За мной постоянная слежка... Нет! Не читайте! Я и так сказала больше, чем могла. Любовь моя, если бы можно было все изменить, стать другой, чтобы никто... никогда не смог меня отыскать. О! Мы бы уехали в маленькую теплую страну, купили бы домик возле океана, я родила бы вам дочь... Прощайте навсегда!»

Он ворвался к ней ранним утром. Она лежала на огромной кровати, накрывшись с головой пледом. Такая пошло-беспомощная, что Сара Бернар зашла бы гомерическим хохотом при виде этой сцены.

— Марго!

— Артур! Зачем? Зачем вы... Зачем ты пришел? Не мучай меня... — прошептала она. Маленькая босая нога высунулась из-под пледа наружу. Марго пошевелила пальчиками. И это показалось Артуру совершенно уже нестерпимым. Хотя ровно после этого эпизода всякий уважающий себя режиссер гнал бы актрису вон из театра с криком «Не верю!!!».

— Мы уезжаем отсюда. Никто никогда тебя... нас не найдет! — Артур лихорадочно шарил в кармане, нащупывая шелковый футляр с металлической Бабочкой.

— Я так хотела умереть. Что? Что это...

— Это — спасение! — Артур надел на ее тонкую шею амулет.

Она так робко, так изящно подставляла голову. И так страстно отвечала потом на его поцелуи. И так очаровательно теряла чувства, увидев в зеркале свое «новое» отражение. «Для начала будет проще, если ты скопируешь меня», — посоветовал Артур. Хотя видеть, как любимая женщина на глазах превращается в твою точную копию, не доставило Артуру удовольствия.

— Жди на площади Султанахмет, возле стены... Буду где-то через час. Вот адрес и ключ. Пусть Мустафа немедленно привезет мне мои вещи... Надо было захватить их сразу, но я боялся. Так страшно было не успеть. А теперь езжай, езжай же! — Он все же не смог поцеловать ее на прощанье, хотя она смешно подставила ему его же губы.

Кстати, отсутствие прощального поцелуя хотя бы не превратило фарс в водевиль, что позже хоть как-то утешало Артура. Разумеется, когда он через три часа, правдами и неправдами уговорив беллбоя дать ему какие-нибудь лохмотья, добрался до Султанахмета, там никто не ждал. Артур еще долго искал бы объяснения случившемуся, но, к счастью, Марго оказалась достаточно великодушной. В его гостинице она оставила ему немного его же денег, смену белья, пару сорочек

и записку: «Спасибо, дружочек! Обещаю ничего руками не трогать и бриться безопасной бритвой не реже чем раз в двое суток».

Артур печально усмехнулся. Прошло уже столько лет, а он все еще не забыл, какой предательски неустойчивой стала вдруг земля и как она стремительно выскальзывала из-под ног. И кислый вкус подушки, уголок которой он грыз, чтобы не кричать от отчаяния. И пьяную, дымную, крикливую ночь, что он провел в каком-то борделе, куда его затащил кстати под-вернувшийся Райли. И как он, совсем, как выяснилось, маленький и глупый, потом еще долго хранил ее портрет, содранный с афишной тумбы в Пера. И надеялся, что она вернется.

Марго... Вряд ли через неделю она вспомнит, что встретила его сегодня в поезде. Она всегда жила слишком жадно, торопливо и широко, чтобы захламлять свою память мелочами вроде недолгого любовника. А оброненная ею фраза — всего лишь реплика перед уходом со сцены в очередном акте старой постановки. «Примадонна поворачивается к статисту, внезапно замечает его и произносит: «Не гасите свечи. Я вернусь». Статист кланяется».

— Эй, Ходуля, а теперь назови мне хотя бы одну причину, по которой я не должен сейчас тебя прихлопнуть? И почему я вдруг должен взять и поверить в то, что ты не сдашь меня местным копам или английским друзьям, целующим козлов в волосатые задницы? Или в то, что вы с этой, — Баркер грязно выругался, — не заодно?

Артур пожал плечами.

— На все ваша воля. — Артур протянул Красавчику бутылку. — Но мне кажется, вы меня не убьете, Генри. Вы неплохой человек, к тому же я вам все-таки помог. И готов помочь еще

немного. У вас ведь остались вопросы? Спрашивайте. Однако не обессудьте, если что-то я не захочу или не смогу вам рассказать.

Услышав, как Баркер обиженно крякнул, Артур сделал грустную мину, мол, увы, «чем богаты», и ободряюще улыбнулся. Артур сам точно не понимал, чем ему нравился этот неотесанный грубый янки, и уж вовсе не находил объяснения тому, что до сих пор еще здесь и предлагает обыкновенному чикагскому гангстеру то, за что многие секретные службы готовы платить неплохие деньги. Подозрения в том, что его самого мучает жгучий интерес — что же, кроме Бабочки и Гусеницы, разыскивают американские Охотники, Артур с негодованием отверг. Пожалуй... Артур повертел это предположение в голове и так, и сяк... Мысленно представил себе его (предположение) в виде печально улыбающегося кота, взглянул на него сперва саркастично, потом с обреченностью человека чести, потом не без самолюбования...

Да. Пожалуй, Артур просто решил помочь попавшему в крепкий переплет бедолаге, которого обвели вокруг пальца, выставили посреди поля гигантской мишенью, вынудили выполнять задание невероятной, на грани человеческих возможностей, сложности и, по сути, обрекли на... Здесь Артур на секунду задумался, заставил кота пройти на задних лапах и перекувыркнуться в воздухе, но нет, никаких сомнений быть не могло — и обрекли на смерть.

— Ты ведь во всех этих фокусах шарить, да? — Красавчик сглотнул. — Скажи, что они делают? Про Бабочку я уже сообразил. А остальные? Скажи, Ходуля, чего мне еще ждать... Гусеница, к примеру? На кой ей сдалась эта Гусеница? А?

— Гусеница... — Артур поморщился, вспомнив, где и когда он последний раз слышал про этот предмет. — Как бы поточнее? Это копилка времени... Предлагает владельцу молодость взамен на жизнь. Хочешь стать моложе на год — пожалуйста. И ровно год спишут с твоего личного счета в депозитарии госпожи

Смерти... Эти уже безымянные годы будут Гусеницей тщательно заморожены. А теперь туш! Раз в полсотни лет Гусеница возвращает все накопленное одним махом. Тот, кому повезет, срывает банк. Понимаете, Баркер? Если пользоваться этой Вещью осторожно и с умом, то получаешь бессмертие. Или долгую... очень долгую жизнь.

Баркер икнул и с огорчением потряс пустой бутылкой. Ему сейчас не помешало бы подкрепиться.

— Боже! Генри! — расхохотался Артур, поймав жадный, какой-то даже затравленно-жадный взгляд Красавчика. — Не вздумайте! Понятия не имею, кто сейчас владелец Гусеницы, но с такими вещами добровольно не расстаются. А насильно отобранную — ее можно разве что как заколку для галстука использовать. Вам нужна заковка для галстука стоимостью в жизнь вашего брата Стивена?

— Да я бы и так не стал бы! Еще связываться! Тьфу! Бес попутал! Тьфу! — пришел в себя Баркер и разозлился не на шутку. — Бессмертие! Вот чертовы финтифлюшки...

— Что еще? Спрашивайте. И давайте возьмем еще выпивки.

— Верно мыслишь, Ходуля! Хоть и англичанин.

Генри с Артуром пили коньяк. Много коньяка. Чертовски много. Так много, что стюард уже начал беспокоиться, хватит ли запасов до Константинополя. Баркер спрашивал — Уинсли отвечал. Чем дольше длился диалог, тем обрывочнее и непонятнее он становился.

— Орел?

— Убеждая, побеждать! Все тебя слушают, раскрыв рты, и слушаются! Генри, а ведь много раскрытых ртов — это же рай для дантиста.

— Дельфин?

— У вас есть друг-капитан? А лоцман? А боцман? Плыви себе плыви... Дельфин — моряцкая побрякушка, нам, сухопутным, ни к чему. Генри, вы слышали этот блюз Беше? Он про дельфинов. Трам... пара-ра-рам... Там-там... Синкопа! Тара-ра-ам. Пам... Прелестно! Плыви себе плыви, крошка. Так, что там дальше у вас?

— Морж?

— О! Это интересная штука! Однажды я даже держал ее в руках. Вы любите мороженое, Генри? Я обожаю! Обожаю мороженое. Моя бывшая невеста леди Сесилия предпочитает шербет! Морж полезен при изготовлении мороженого и шербета! Все вокруг становится ледяным. Очень! Очень полезная вещь! Давайте я познакомлю вас с Сесилией... Никому не отдавайте Моржа, Генри, кроме нее. Хотя ей он, наверное, ни к чему, она ведь сама как Морж... Холодная и с такими страшными зубами, фы-ы-ыр-фы-ы-ыр... Хорошо, что я на ней не женился... Еще коньяку?

Пожилая леди, совершающая променады по вагонам — в ее возрасте полезно совершать променады, это разминает суставы и предотвращает застой крови в конечностях, — проходя мимо купе Баркера, выронила из своей корзины для вязания что-то настолько мелкое, что ей пришлось минуты три шарить по ковру в поисках потери.

— К вашим услугам, мадам! — Стюард искренне расстроился, что отлучился по своим делам и не смог немедленно броситься леди на подмогу. — Что точно вы уронили?

— Ах, пустяки, дружок. Не так уж я и беспомощна. Вот. — Леди продемонстрировала стюарду крошечную бельевую пуговицу, горделиво вернула ее на место в корзину и прошествовала дальше. В глазах у нее играли хитрые чертики. Играли, между прочим, во что-то очень азартное.

— Ж-ж-жу-жужелица? Что это за тварь? Зачем? Куда? — Баркер вцепился зубами в круассан, с утра уже изрядно зачерствевший,

зарычал и начал трясти головой, изображая хищника, терзающего добычу.

— Кто? — переспросил Уинсли откуда-то снизу. На пол он спустился минуту назад потому, что ему там показалось просторнее и свежее.

— Ж-жулица. Жуже... Жуже-ли-ца. Не знаешь, Ходуля, зачем нужны жу-же-ли-цы?

— Жужелица? — Уинсли вскочил с пола так быстро, что Красавчика даже слегка замутило. — Вы уверены, Генри?

— Ну да... Усатая... Черненькие такие усики, как у Родинки... Или Кудряшки. Я их плохо различаю.

— Вот оно как... Генри! Значит, уже далеко не тайна... — моментально и даже как-то опасно протрезвевший Уинсли взял Красавчика за плечи и внимательно посмотрел в лицо, отыскивая там хоть какие-нибудь признаки здравомыслия. — Генри! Не смейте же засыпать!

— Да-да... — Баркер вдруг повалился набок, словно слово «засыпать» сработало спусковым крючком, и моментально захрапел. Любопытно, что «кольт» он так и не выпустил из рук.

Тормозить Красавчика было бессмысленно и небезопасно. Поэтому майор Артур Уинсли нацарапал на этикетке бутылки, на дне которой оставалось еще два-три спасительных глотка, свой временный константинопольский адрес. Если Баркер захочет — он его найдет. Затем Артур тихо выбрался из купе, в котором провел весь этот насыщенный событиями день, и направился к себе, держась за стены. Не забыв материально поощрить стюарда, который с недовольной миной проводил взглядом не слишком трезвого и не слишком щедрого господина. Увы, Артур Уинсли был немного прижимист.

— Через час прибываем, сэр, — процедил стюард, тщательно улыбаясь. Так тщательно, что Артуру захотелось немедленно отобрать и те небольшие чаевые, которыми он только что пожертвовал.

«Константинополь, господа! Константинополь! Наш экспресс через час прибывает в Константинополь!»

Артур поспешил к себе, чтобы успеть освежиться и переодеться в новый мундир с нашивками Норфолка на рукаве. На ярко освещенном перроне вокзала Сиркеджи, уже передавая юркоглазому носильщику чемодан и озираясь в поисках экипажа, Артур увидел Маргариту. Маргариту настоящую... На ней была шляпа с густой вуалью, которую она не приподняла даже тогда, когда встречающий ее щеголь рассыпался в комплиментах, явно рассчитывая хотя бы на ободряющую улыбку.

Артур кивнул Маргарите, поймав ее быстрый взгляд. Но она не отреагировала. Резко, как-то некрасиво отвернулась, сгорбилась по-старушечьи и пошла прочь. Артур внезапно понял, что она, должно быть, ужасно измучена. Что частое, почти постоянное использование Бабочки наверняка разрушило ее и изнурило, а то, что Марго, не гнушаясь средствами, пытается вернуть молодость, продиктовано не женским глупым тщеславием, но необходимостью. «Она скоро умрет», — совершенно отчетливо понял вдруг Артур.

— Молодой человек. Майор Уинсли! Вы меня слышите? Вот. Выполняю вашу же просьбу... — пожилая леди из поезда протягивала Артуру незапечатанный конверт.

— Какую просьбу, миледи? Простите... не имел чести быть представленным.

— Ах. Ну как же? Я мисс Марпл! Джейн Марпл из Сент-Мери-Мид. Вы час назад просили меня вернуть вам ваше же письмо, когда мы будем уже на месте. Знаете, майор, военная форма вам куда больше к лицу, чем тот шелковый пеньюар с перьями. Озорник!

— О нет! Марго... — застонал Артур едва слышно. Принял от хихикающей старушки конверт и вежливо поблагодарил посланницу.

Конверт он распечатал немедленно. Внутри был свернутый вчетверо тетрадный листок. «Вероятно, мы никогда с Вами

больше не увидимся. Так все же простите меня, Артур. Ваша Марго».

Артур почувствовал, как его охватывает острая жалость, похожая на жалость, что испытываешь к старому больному животному, которое хоть и доставило немало огорчений и хлопот, все же — часть твоей жизни... тебя самого. И если сперва он намеревался швырнуть записку прочь, то теперь передумал. Опустил в карман.

— Мсье... Тот господин из Америки... Ваш друг. Вы проследите за ним сами или он вам не друг и нам стоит вызвать патруль? — Кто-то вежливо кашлянул сзади. — Мсье?

Артур обернулся. Ну. Что еще? Обиженный небольшими чаевыми и от этого мстительный стюард сладко щерился, придерживая за плечи Баркера. Тот на удивление ровно стоял, опираясь коленом о свой огромный клетчатый саквояж, и выглядел вполне пристойно, если не обращать внимания на босые ноги и на «кольт», которым Баркер устрашающе размахивал. Модные лаковые ботинки, связанные шнурками, были перекинuty через плечо Красавчика, добавляя в образ бесцеремонного янки толику изысканной трагикомичности. Здравомыслие подсказало майору Уинсли, что патруль для Генри Баркера сейчас не лучшее из решений. Поэтому он, скрипнув зубами, положил в протянутую ладонь стюарда шиллинг, кивнул носильщику на клетчатый саквояж и потащил Баркера за собой.

— Ортакей. Пансион мадам Кастанидис «Мечта одалиски» попрошу, пожалуйста.

Артур не был уверен в том, что его турецкий достаточно хорош, но возчик все замечательно понял. Покосился на храпящего громилу, которого длинный британец в офицерской форме с трудом заволок на сиденье. Подумал про себя, что эти иностранцы все чокнутые, да и Аллах с ними. И пошевелил поводьями.

Цок-цок-цок — застучала лошадь копытами.

«Хайди! Хайди-и!»

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

**О дружбе, о странных стечениях странных обстоятельств,
о непростых решениях, идущих вразрез с принципами
и долгом, а также о том, что женщинам доверять следует
с оговорками**

Константинополь, конец октября — начало ноября 1919 года

— *Хайди-и! Хайди! Вре! Вре! Cauchemar! Cauchemar!* Эй ты, беги сюда! Живо! — Голос у хозяйки пансиона мадам Кастанидис (за привычку напяливать на себя тысячу одежек одну поверх другой прозываемую в Ортакее мадам Капустой) был зычным и красивым, как у командира кавалерийского эскадрона. С кавалерией у мадам Кастанидис отношений не сложилось, но она не чувствовала себя обиженной, ловко управляя своим небольшим гарнизоном из поварихи, кучера и единственной горничной, имя которой для постояльцев оставалось тайной и которую все по привычке и вслед за мадам Кастанидис называли Эйты.

— Эйты, подай.

— Эйты, принеси.

— Эйты, убери.

Низкорослая, невзрачная, очень тихая (кое-кто из жильцов даже полагал, что она немая), Эйты прибиралась в комнатах,

гостиной и столовых, стирала, гладила, поливала цветы, кормила многочисленных кошек, и куда честнее было бы окрестить ее Золушкой. Однако тогда постояльцам пришлось бы признаться себе, что они ничем не лучше злой мачехи и сестриц, что, согласитесь, не то, что ты стремишься о себе узнать. Поэтому всем предпочтительнее было считать, что Эйты довольна своим положением, службой, и вообще по нынешним временам иметь собственный угол в приличном доме, стол и регулярное жалование — огромная удача. Особенно в Константинополе, особенно если девушка — сирота, особенно если она не так уж хороша собой, чтобы удачно выйти замуж бесприданницей. Особенно если прислуга из нее отвратительная и любая другая хозяйка давно бы уже выставила такую неумеху за дверь без рекомендаций и жалованья.

Кажется, девушка догадывалась, как несказанно ей повезло, была благодарна мадам Кастанидис за предоставленные возможности, отчего безропотно выносила тяжелый нрав хозяйки и ее регулярные вспышки ярости. Мадам Кастанидис в гневе была неудержима, но безобидна и довольно забавна. Может, именно поэтому, а также из-за отсутствия других развлечений постояльцы любили наблюдать из-за полуприкрытых штор за тем, как мадам Капуста устраивает бедняжке Эйты взбучку за испорченный пододеяльник, прожженный кружевной воротник или случайно прокипяченную вместе с белым бельем и оттого севшую в пять раз синюю хозяйкину кофту из верблюжьей шерсти.

Представьте сами. Маленький, футов на триста или чуть больше внутренний дворик, куда с трех сторон выходят двери номеров первого этажа и окна апартаментов этажа второго. Высокие французские окна с пузатыми балкончиками, на которые постояльцу можно выставить разве что полстопы. Дворик вымощен цветной мозаикой — такой старой, что от узора остались лишь воспоминания. Так с годами выцветают чернила

и надежды в девичьих дневниках. В центре дворика расположен фонтанчик, наверняка прекрасный в фантазиях проектировщика, но в реальности похожий на глубокую лохань с гипсовым амуром посередине. За многие годы амур облупился, заплесневел, утратил кое-какие свои фрагменты, и возможно, поэтому фонтан ехидно зовется постояльцами «Скорбь прачки».

— Беги, Эйты! Беги быстрее! — Хрисанфа Кастанидис страшно полыхает глазами, размахивает руками и мечется за горничной вокруг «Скорби прачки». Ноги ее (та часть, что виднеется из-под сорочки) громоздки и испещрены разбухшими венами, точно таинственными знаками. — Беги! Лучше беги быстрее! Если я тебя поймаю, задушу своими руками! Зарежу! Продам Ахметке-хамамщику за три куруша. Беги, Эйты! Лучше беги! *Palio puta'na!*

Развешенное вокруг фонтана постельное белье (веревки натянуты лучами, расходящимися от амурса во все стороны) превращает дворик в цирковую арену, а погоню — в акробатическую вольтижировку. Эйты ныряет между простынями и пододеяльниками, стараясь не задеть или не дай бог не уронить стираное: ей же и перестирывать. Но в конце концов налетает на простыни, смешно в них путается, пищит, а сзади в нее, не удержавшись, врзается мадам Кастанидис. Веревка обрывается... и хозяйка в ярости топчет белье, выкрикивая по-гречески и по-турецки страшные проклятия. Белье ей тоже жаль (щелоком не настираешься, мыло по нынешним временам дорого, а уж арабское мыло, которым, как известно, лучше всего оттирать исподнее и шелк, днем с огнем не найти), но ненависть к нерасторопной горничной сильнее.

— Вычту из жалования... — грозитс мадам Кастанидис, тяжело, как миноносец, разворачивается и уходит.

Эйты кивает, поднимает многострадальную простынь, надеясь, что можно будет обойтись «малой кровью» и всего лишь

застирать уголок. А потом присаживается на край фонтана и тихо, какмыш, плачет, не обращая внимания на то, что нос покраснел, а косынка сползла на самый затылок и рыжие кудрявые волосы стыдно растрепались.

— Капусту пристрелю! Вот разберусь с делами, выдерну Малыша Стиви, вернусь сюда и пристрелю! Ей-ей! Наши луизианки с ниггерами ведут себя обходительнее, хотя те еще стервы! А девчонку эту, которая Алев... жалко. Сирота. Слышь, Ходуля, ее там к тебе в комиссариат приткнуть никак? Ну, может, чай заваривать, бумажками шуршать... Или на машинке стучать? Или телефонной барышней? Она по-всякому шпарит. Умница такая... Пропадет тут.

— Кого? Куда пристроить? — Артур оторвался от свежего выпуска «Docheridei Hawadis» и посмотрел на Красавчика отсутствующим взглядом.

— Ну, горничная здешняя. Востроносенькая мисс. Алев ее зовут... Вчера мне штаны штопала, так мы поболтали чуток. Скромница. Пошутить с ней совсем никак. Что ни скажи — сразу краснеет и убегает. Пухленькая такая. Будто мячик.

— Какая горничная? Малышка Эйты? — Артур перестал терзать переносицу и уставился на Красавчика поверх пенсне. Зная о неспособности Баркера запоминать имена, тем более иностранные, Артур был почти изумлен. Надо же... Недели не прошло, как они устроились в пансионе мадам Кастанидис, а Баркер уже завел себе протеже. Забавные все же эти американцы. Как большие дети.

— Алев. Огонек по-турецки значит, ну, или вроде того. Я, сам знаешь, такое запоминаю туго. А девчонка сама — не турчанка. Русская, что ли... Или жидовочка, — почему-то хмуро пробасил Красавчик. — Сирота. Вот Капуста ее и гнобит вовсю.

Ходуля, пригляди ей там работенку почище, а? И чтоб солдаты никакой. Чтобы джентльмены. А лучше леди.

— Генри... — Артур тяжело вздохнул. — Ох, Генри... Ну что мне с вами делать? Где я вам посреди этой катавасии отыщу леди? Хорошо. Хорошо. Я спрошу. Но не обещаю. Скажите лучше, как ваши дела? Отыскали, кого собирались? Куда дальше?

— Да какой!!! Как в воду канул. — Красавчик выругался. — Облазил всю эту дыру, весь этот хренов их рынок, наверняка вшей или что похлеще подцепил — нет нигде нужного человека... Может, свинтил. А то и пришили. Теперь концов не найти. Вот посоветуй, Ходуля, как мне трясти этих турков, когда они по-нашему ни бум-бум, а я по-ихнему ни тум-тум? А? Или врут они и очень даже бум-бум? Может, и врут? Ну, ничего. Кое-что все же выжать удалось. Со сломанными пальцами кому жить охота? Никому. Даже туркам... Знаешь, Ходуля, люди споро так языкам обучаются и столько всего чудного припоминают, если хорошенько им пояснить на пальцах, что к чему. На пальцах... Хе-хе.

Красавчик хохотнул, порадовавшись собственному случайному каламбуру. Артур неприязненно поморщился. Ведь неплохой человек Генри Джи Баркер, но все же «можно вывезти янки из Чикаго, а вот Чикаго из янки — вряд ли».

— Все-все, Генри. Прошу вас, без подробностей. Достаточно.

— Ну-у, — обиделся Красавчик. — Сам и спросил, Ходуля. Я, между прочим, с тобой как с родным. Даже больше. Я с ма и с братишками не такой откровенный.

— Разумеется. Благодарю вас, Генри, за доверие и честь. Но все же, когда соберетесь меня усыновить, предупредите заранее. Мне потребуется время, чтобы привыкнуть к этой мысли.

Артур зевнул и вернулся к свежим новостям. В откровенность Красавчика верил он мало. «Большой ребенок» Баркер

был по-своему очень хитер. И то, что он до сих пор не съехал, и то, что он уже четвертый день всю изображает «добродушного увальня», и то, что вечерами за рюмкой портера задает осторожные вопросы... Все это Артур видел, понимал и терпел сознательно. Баркер был ему нужен не меньше, а то и больше, чем он Баркеру. Когда, отоспавшись и протрезвев, американец сразу же направился на Гранд Базаар, Артур не стал ни навязываться, ни следить. Догадаться о том, что в Константинополе Красавчик торчит не просто так, но ищет маленького менялу, чтобы расспросить того о Гусенице, было делом несложным. И по всем признакам выходило, что сведения у американцев не самые свежие. Десять... Даже одиннадцать лет назад Гусеница от константинопольского менялы ушла к русским — в этом Артур Уинсли был почти уверен. Но делиться этим знанием с новым своим «приятелем» Артур пока не намеревался. Если ты хотя бы немного умеешь играть в карты, то знаешь: главный козырь стоит приберечь.

На рынке Капалы Чарши Артур побывал за несколько часов до Красавчика. Он отправился туда сразу же, разумно рассчитав, что доложиться в ставку успеет всегда и лучше опередить охотника-янки, пока тот не наворотил по чикагской привычке глупостей. «Константинопольский меняла всегда здесь» — Артур вспомнил смешного чумазого мальчишку. Каким он стал? Все еще похож на задиристого спаниеля или уже отрастил усы, нацепил на голову феску и всю смолит вонючие турецкие самокрутки? А девочка эта — огненный мячик... как ее? Какое-то нелепое турецкое имя... Десять лет прошло, разве удержит такие мелочи память...

Антикварный магазинчик, тот самый, возле которого когда-то Артур встречался с менялой, пустовал. Витрины зияли черным, через пыльное растрескавшееся стекло виднелись покорюженные полки, а на уцелевшем круглом столе сидела крыса, тощая и плешивая. С застрявшим газетным обрывком

в передних зубах. Так, наверное, выглядит крысиная Смерть — лысая, грустная и начитанная. Крыса сидела спокойно и даже задумчиво, точно знала — никто сюда не зайдет, никто ей не помешает. Вывески антиквара с карандашной припиской не то латиницей, не то кириллицей «Остап-меняла» Артур не обнаружил. Он часа два побродил по рынку, разглядывая всякие пустяки и лениво отнекиваясь от предложений немедленно и почти за гроши приобрести «настоящую неподдельную старину». Купил зачем-то медную джеззу, от которой немедленно отвалилась ручка, и неспешно направился к выходу. Если меняла все еще был здесь, он явно не искал встречи. Стройный план, на который майор Уинсли возлагал надежды, лопнул. «Константинопольский меняла всегда здесь»... Майор скрипнул зубами, разрешил себе десять секунд отчаяния — и ни секундой больше. Уже проталкиваясь через завалы узлов и тюков к выходу, Артур все же зажмурился и задержал дыхание. Рынок был «пустым», каким-то выпотрошенным. Старые следы совсем потускнели, свежие выглядели невзрачными и слабыми. «Как спитый чай в облупившейся чашке», — пришло на ум сравнение.

Теперь оставалось лишь разыскивать менялу самому. Разыскивать в незнакомом, суматошном городе. В городе-мифе, в городе-тайне, в городе-лабиринте, который вряд ли стремился раскрыть чужаку свои секреты. И если бы просто чужаку, но англичанину с наградным Военным крестом на груди и серебряной Британией на тулье офицерской фуражки. За эти четыре дня Артур многое понял — понял он, что за подобострастными взглядами извозчиков и торговцев, за вежливыми быстрыми рукопожатиями турецких офицеров, за скользкими улыбками политиков и помпезными заявлениями Блистательной Порты о долгожданном мире нет ничего, кроме всепоглощающей ненависти к победившему врагу. И если еще в греческой части Константинополя — в Пера, на Фенере, толкаясь

среди шумных французов и вспыльчивых итальянцев, ужиная в русских кабачках или в греческих тавернах, можно было хоть как-то убедить себя в том, что война наконец-то закончилась, то в Старом городе иллюзии развеивались, как кальянный сладкий дымок, — быстро и навсегда. Похожий на застывшего в засаде старого янычара, молчаливый, мрачный Истамбул ждал лишь приказа «в атаку». Ждал, уверенный в том, что рано или поздно приказ прозвучит... и заструится по истоптанным чужаками мостовым кровь неверных, смывая многолетний позор.

Поэтому мысль нанести визит местным Хранителям, имена и лица которых Артур все еще помнил, он отбросил сразу. Даже если кто-то все еще держит нейтралитет и придерживается заповеди «хранитель всегда вне политики», то и тогда вряд ли он встретит младшего Уинсли чашечкой мокки и распростертыми объятиями. Младший Уинсли для Хранителей был никем. Не просто никем. А никем с репутацией изменника и, что много хуже, глупца. Значит... И этот вариант показался Артуру хоть далеко не благородным, но приемлемым. Значит, оставалось положиться на Баркера. Методы Генри Джи Баркера по прозвищу Красавчик Артуру претили, но вполне могли сработать. На самый же крайний случай Артур прибег к главному свой «козырь». Если и Красавчик не сумеет разыскать маленького менялу, что ж... Тогда в обмен на информацию о старшей султанке — Жужелице Артур поведает Баркеру о том, куда десять лет назад «уползла» из Константинополя злополучная Гусеница. Крайний случай Артуру нравился еще меньше чем «некрайний» — выдавать Красавчику Хранительницу Февронию Артур не желал. Но человек, даже самый прозорливый, надеется на то, что «крайний случай» никогда не наступит.

— В Чикаго ей бы понравилось... Шумновато, конечно. Трудно с непривычки. Кругом колготня, шум, клаксоны вопят, джаз

гремит. Представляешь, маленькая мисс ни разу в жизни не каталась на авто... Даже трамвая боится. Смешная, да?

— Кто? — Артур поднес палец к переносице, вздрогнул, вспомнив, как Баркер на эту его привычку указывал, чертыхнулся и аккуратно вернул руку на стол. Теперь и нос не почешешь из-за этого янки.

— Алев. Ну, девчонка эта. Рыжая. Так ты там пошурши на счет службы для нее, а? Капуста ее тут со свету сживет...

— Алев! Беги сюда! Быстро! Что ты натворила опять? Кошмар! Cauchemare! — словно в подтверждение слов Красавчика Баркера, раздалось снаружи. — Кош, Алев! Кош!

Загромыхали тазы и корыта. Завопили кошки. Красавчик зарычал, Артур застонал... И кто-то маленький, расторопный, но не слишком уклюжий протопал мимо закрытой двери номера по узкому коридору.

«Кош» по-турецки значит «беги». «Алев» значит «огонек», и есть в Турции такое женское имя.

Кош, Алев! Кош! Беги!!!

Беги сюда! Беги туда! Беги отсюда! Все время беги бегом, сломя голову, не разбирая дороги. Главное — не останавливаться. Бежишь и знаешь, что если не успеешь — мало не покажется. И если догонят — мало не покажется. Потому что ты самая маленькая, толстая и к тому же глупая, как утка.

Давным-давно мама. Сухая, как щепка. Со скрипучим изношенным голосом. «Беги сюда, Ривка! Хватай свеженький шейгелц с маком. Беги скорее, а то не достанется». Как тут достанется? Когда тебе от роду всего лишь пять годов и на каждый твой год по сестре. Пять сестер — все старшие, все красавицы. Не то что ты — утица гадкая. Самая старшая Мирка — краше всех, и ноги у нее самые длинные. «Беги, Ривка! Беги! Эх!

Опять не успела. Ну, сама виновата. В следующий раз будешь шевелиться». Пять старших сестер. Надо всех одеть, всех воспитать, всех замуж. Ривка — последняя. Не до нее. К тому же неумеха и страшненькая. «Ничего. Найдется и тебе хороший муж», — мать вздыхает, убирает рыжие Ривкины кудлы в косу, а волосы непослушные, выбиваются и кудрявятся, как ты их ни утягивай. Во всем Ростове нет таких дурацких рыжих волос, как у Ривки — младшей дочери антиквара Юзеира Шмуца.

Весной дядя Соломон приезжает в Ростов из самой Америки. Закрывается с отцом в кабинете. Ривка прячется под столом, слушает непонятные слова. Погромы, война, выкрест, шива, мешумед... Стыд! Какой стыд! Война. Погромы. Чикаго, Константинополь, эмиграция... Бежать! Бежать! Бежать! Отец расхаживает по комнате туда-сюда, Ривка смотрит из-под стола на его большие сильные ноги и думает, что у ее мужа тоже будут такие же ноги, и у деток их — киндерлех тоже такие ноги, и у внуков. И что с такими ногами можно бежать долго и ни чуточки не устать.

— Беги, Ривка... Беги! — визжит Мирка с крыльца, то есть теперь отец запретил звать Мирку Миркой, пояснил, что покрестили ее Варварой. Но все равно дома все зовут по-прежнему. И Ривку Верой тоже никто не зовет, хотя новое ее имя ей нравится. — Беги, Ривка!

Ривка-Вера бежит быстро-быстро, но все равно брошенный кем-то из соседских мальчишек шмат грязи попадает ей в голову. Мать моет ее волосы долго, вода — сперва коричневая, потом мутная, потом как слеза. Мать плачет.

— Конь леченый, вор прощенный, жид крещеный — одна цена, — плюется сторож дед Егор, когда отец дает своим работникам расчет. Ривка-Вера прячется, как обычно, под столом. И засыпает там же, потому что никто ее не ищет — мать с сестрами и поденщицами в лавке, пакуют остатки товара, моют там окна и полы, чтобы приготовить лавку к продаже, а отец

шуршит гроссбухами до самой ночи. Вылезать из-под стола Ривке-Вере страшно — вдруг отец рассердится.

Совсем не сердится. Плачет на следующее утро, вытаскивая ее сонную, со спутавшимися в колтун рыжими космами наружу. Прижимает к себе. Лавки больше нет. Сгорела в погроме лавка. Мирки тоже нет. И остальных. И мамы. Про это рассказывает отец. Не сбивчиво, а очень понятно и спокойно. Оказывается, все они теперь на небе и смотрят оттуда на Веру (Ривка всякий раз, когда отец зовет ее новым именем, удивляется), а на спинах у них крылья. «Как у воробышков»? — спрашивает Вера. «Как у воробышков», — отвечает отец и опять плачет. «Бежать! Соломон прав! Немедленно бежать!» — шепчет он, думая, что дочка заснула и не слышит. Отца теперь тоже зовут не как прежде, а Иваном. Фамилия у него Воробьев. Однако в городе Константинополе, куда они переезжают через месяц, у «антиквара Ивана Воробьева» дела идут так себе. Но стоит лишь приколотить над входом прежнюю вывеску, немного обгоревшую с краев, как все немножко налаживается. Не так, как прежде, но все-таки... Ривка идет в школу. После школы бежит со всех ног в Капалы Чарши к отцу. Там ей все интересно. Все-все.

— А сколько тебе лет? Пять или шесть? — задирается вихрастый нахаленок, постоянно ошивающийся на рынке.

— Скоро восемь. А тебе? — Вера давно уже заприметила этого бойчика, и он ей симпатичен. Жаль, что сама она такая рыжая и некрасивая.

— Уже восемь. Я — местный меняла. Осман!

— Турок? — в ужасе округляет глаза Вера. Отец строго-настрого запретил ей якшаться с турками — хватит того, что они здесь и так повсюду, кричат на своем тарабарском (который Вера, кстати, за год отлично освоила), воруют девочек и продают их в гаремы.

— Ну-у-у... — тянет мальчишка, переминаясь с ноги на ногу и выдумывая, как бы поудачнее соврать.

— Знаю! У тебя папа турок, а мама русская. Настоящая графиня! Вот! — находится немедленно Вера. — Тогда ты получаешься русский, и мне можно немножко с тобой играть.

— Вообще-то мой Ибрахим-баба утонул в Босфоре, а про маму я ничего не слышал. Но пусть так. Договорились. Там, — расплывается в щербатой улыбке «сын графини».

Она учит его русскому и чуть-чуть идишу, который сама почти уже не помнит. Он же ее — турецкому и немного греческому, а еще английскому и французскому. Осман зовет ее по-турецки Алев — «огонек».

— Так правильно. К тому же, если прочесть Вера наоборот, получится Арев, но Арев некрасиво, а Алев — красиво.

— Красиво... — соглашается Ривка-Вера-Алев.

— Хорошо, что ты христианка. Не надо, когда вырастешь, покрывать голову. А то жалко будет.

— Почему жалко? — недоумевает она. Рыжие эти патлы жалко? Которые, чем старше она становится, тем труднее расчесывать?

— Беги, Алев, беги! Кош! — Дети носятся наперегонки, распугивая покупателей. Они таскают у лоточников лукум и орехи, подсовывают их в карманы нищих. Весь рынок освоен, изучен, и нет для них ни одного тайного уголка, закрытой двери или неизвестного перехода с галереи на галерею. Порой Осман занят. «Погоди с беготней, женщина. У меня клиент», — когда Осман так говорит, Алев не обижается. Она дочь купца, она понимает: клиент.

— А я тебя на нашей вывеске написала! — хвастается Ривка-Вера-Алев. — А то стыдно, что у целого менялы даже вывески нет.

— Ну вот! Не Остап же — Осман! Все ты опять перепутала! А Юзеир-баба... отец твой не заругает?

— Не-а, — вздыхает девочка. — Он ничего не заметит: повесить повесил, но смотреть боится. Говорит, что на ней имя мертвеца. Глупости! Кому имя важно?

— Вообще-то он прав, — чешет затылок Осман. — Имя — важно. Какое у человека имя — такая и судьба.

— А я как же? — Ривка-Вера-Алев испуганно смотрит на друга. — У меня что? Выходит, целых три судьбы?

— Ну! Выбирай любую! Не реви! Это же здорово! Когда-нибудь точно решишь, кто ты есть: Ривка, Вера или Алев... Или еще кто.

— Где здорово? Ничего не здорово! А вдруг я не так решу? Вдруг неправильную? Вдруг мне надо быть Ривкой, а я Алев?

Мальчик серьезнеет, хмурится. Смотрит в сторону. «Утка глупая! Какую положено, такую и выберешь. Ясно? От судьбы не убежишь, как ни беги. Случайностей не бывает. Вот, ты думаешь, мы просто так с тобой встретились? А вот нет! Не просто так! Просто так не бывает. Хочешь, ты будешь мне младшая сестра, а я тебе брат?» Алев кивает.

Они растут вместе. Дружные — не разлей вода. Год, другой, третий. Он много не рассказывает. Она много не спрашивает. Но видит же. Все видит — утка она безмозглая, но не безглазая. Людей всяких видит. Разных. Люди иногда приходят в открытую, чаще таятся. Озираются по сторонам, словно ждут, что кто-нибудь ударит их ножом в спину. Что-то братику отдают, что-то берут взамен. Потом пропадают — кто навсегда, кто на время. «Какой ты мне брат? — однажды не выдерживает. — У брата от сестры секреты разве бывают? Раз так — не хочу с тобой даже разговаривать больше». Через месяц, не выдержав «утиного бойкота», он показывает металлические фигурки и долго поясняет, откуда они, зачем и почему никому про это рассказывать нельзя, даже папе... Она почему-то не удивлена ни чуточки, наверное, что-то такое волшебное всегда подозревала. «Ну? Довольна теперь? Не трожь только руками. Вообще

не трожь их никогда. Тебе нельзя — ты слабенькая. Эти штуковины тебя с мослами слопают». «И эта слопает?» — показывает она на маленькую Божью Коровку, стараясь случайно не коснуться спинки пальчиком. Еще она обижена на «слабенькая», но виду не подает. «Эта тем более. За ней придут. У нее хозяин уже есть». «Красивая», — немножко завидует неизвестному хозяину девочка. «Они все ничего себе... Но слабеньким, вроде тебя, их трогать нельзя». «Тебе не страшно? — спрашивает девочка на следующий день. — А ну как плохие люди фигурки твои отобрать захотят, а тебя за них убьют?» Он хохочет. Ничего не говорит, просто заливается смехом, как бешеный. И от его хохота ей становится не по себе. «Нет, — поясняет потом, отсмеявшись. — Фигурки не захотят. Смысла нет. А вот тетрадки, если кто узнает...» Год, другой, третий. Волосы у нее все такие же рыжие, вьются и не убираются ни в какой пучок. Только под косынку. Но под косынку их прятать даже лучше — меньше плятятся наглые турки. А то бедняга Осман устал уже драться за сестренку со всяким, кто, как ему кажется, смотрит в ее сторону «нехорошим взглядом». Годы идут. Дети взрослеют.

По утрам, если клиентов в этот день не предвидится, он берет холщовую сумку с книжками и спешит в галатскую медресе, она же заканчивает дневную греческую школу для девочек. «Все. Я определилась — стану сестрой милосердия», — хвастается она. Вчера, впрочем, она собиралась стать артисткой кино, а позавчера — монахиней. «Ну, можно. Если не передумаешь или замуж прежде не выскочишь», — дразнится он. Она топает ногами, лезет драться. И долго еще дуется на бестолкового Османку, который (ну, турок же, что с него возьмешь?) не верит, что замуж она ни за что и никогда... Вот никогда! И ни за что!

— Осма-а-ан! Ты где? Где ты? Представляешь! Толстая Анфуса Манолис, оказывается, помолвлена! — Голос у нее такой звонкий, что весь рынок, кажется, вздрагивает и отряхивается

от дремы. Рыжие волосы выбиваются из-под шляпки, чулки до самых коленок забрызганы грязью. Ну кто еще жарким сухим маем отыщет единственную на весь Константинополь лужу и в нее вляпается? — Все. Я решила. Выйду замуж, нарожаю десять детей, чтобы пять мальчиков и пять девочек.

— Тсс, Алев. — Он затыкает ей ладонью рот и тащит куда-то на чердак. — Тихо... Отца твоего... Юзеир-бабу зарезали. На смерть. Ты в лавку не ходи: там уже жандармы из заптие...

— Кто? Как? Папа... Тате! Татене-е-е-е! Не-е-ет!

— Турки зарезали. Мустафы-Кемаля люди... Ты поплачь. Они давно здесь ошиваются, разнюхивают все. Я думал, обойдется. Пороются и уйдут. За вещичками они охотятся... Им сейчас вещички пригодятся. А тут вывеска эта твоя... Обознались. Его вместо меня зарезали. Ты это... Алев, ты поплачь.

— А-а-ах! — Она бросается на него с кулаками, вцепляется в косматую его голову пальцами, дерет волосы, царапает лицо. Он даже не уворачивается.

— Ты только туда совсем не ходи. Они теперь ведь не отстанут — дальше будут искать. Меня, когда сообразят, что убили не того. И тебя тоже будут искать...

— А-а-ах!

— Поплачь. Ты пока поплачь, Алев-кардеш. А потом беги.

Тетрадей — всего-то две стопки. Но тяжелые. Алев сидит на одной, а вторая, туго перевязанная бечевой, стоит рядом. Внутри у Алев жгучая пустота, а плакать больше нет сил и слез — все до дна выплакала.

— Беги, Алев-кардеш. Беги, сестренка. Беги быстрее! Спросишь в Кабаташе Сули-каптана. Он мне кое-что должен, пусть за это тебя на своей фелюге довезет до русского берега. Там доберешься до монастыря в Топловском! Запомни — женский православный монастырь в селе Топловском! В монастыре есть келарша, мать Феврония, ты ее узнаешь — она бывала здесь. Хранительница. Ей верить можно... — Осман вытряхнул

из сумы свои арабские книжки — одна была большая, зеленая, с тисненной золотом надписью, сунул на самое дно замшевый мешочек, напихал сверху какую-то ветошь. Алев молча наблюдала, как быстро, не суетясь, он кладет сверху лепешку, завернутый в бумагу сыр, желтую большую айву, поеденную с одного бока червячком.

— Пожуеть потом. Сейчас некогда. Скажешь монашке, что приходили люди Мустафы-Кемаля, что искали вещи, — она поймет. Скажешь, чтобы ничего сюда больше не везла и не передавала: небезопасно. Скажешь, что меня Кемалю кто-то из местных Хранителей сдал и, выходит, доверять тут некому. Скажешь, что настоящих не осталось и что тут плохо. Одни за султана, другие за Мустафу-Кемаля, третьи сами по себе. Еще скажи... — Осман закашлялся, — что все... нет больше менялы Османа.

— Что все? Как нет? — закричала Алев так, что, кажется, даже голуби, прячущиеся на чердаке Капалы Чарши, который Осман обустроил себе под жилье, возмутились и зашикали.

— Все. Был да сплыл... Я не воин, не ассасин, не монах — мне моя жизнь дорога. Твоя, кстати, тоже. И не перебивай — некогда. Тетрадки не отдавай. Вручишь ей вещи, те, что остались. Кроме сама знаешь чего. Божья Коровка не на обмен! Спрячь надежнее, только на себя не надевай... Куда тебе! Ты слабенькая. И сиди у Февронии, пока я за тобой не приеду. Ясно?

— Османушка! А как же ты? Миленький! Ты хоть меня не бросай. У меня же... Нету больше никого... — поняла вдруг, побелела так, что конопушки на носу и щеках выступили ярко-преярко, и снова заплакала. Но уже совсем тихо и почти без слез.

— Попетляю я немного. Попутаю им след, а там, глядишь, рвану в Конию к дервишам. В безопасности пересижу. Ты жди. Сам тебя из России заберу. А теперь беги! Беги, Алев, беги! Не тяни.

— Как же мне тебя бросить? Как же я одна? А если я не найду эту фелюгу? А если монастырь не найду? А если по дороге заблужусь... Или Февронию не узнаю...

— Эх ты, утка... Сколько тебе повторять еще? Все будет так, как должно быть. От судьбы не спрячешься. А теперь кош, Алев! Кош!

В Бешикташе не было никакого Сули-каптана. Ахмет-каптан был. Мехмет-каптан был. Даже Феридун-каптан был. А про Сули-каптана никто слухом не слыхивал. И она бродила по скользкому пирсу одна-одинешенька, спотыкаясь о щербатые камни, обивая ноги о кнехты, оттягивая себе тяжелыми стопками руки, шарахаясь от задиристых смешливых рыбачков и шмыгая носом. Не было Сули-каптана. А когда к утру, перекаптанавшись кое-как на жесткой лавке у мечети вместе с побирушками, она вернулась обратно, Османа нигде не оказалось. На чердаке, который она старательно отмывала, чтобы был он похож на настоящий дом, чтобы Осману не стыдно было туда звать гостей (что гостей не случится никогда, Алев догадывалась, но помечтать же не запрещается), чтобы мама и сестры у себя в раю видели, что из нее выросла хорошая хозяйка... на чердаке царил разгром, и даже гирлянды из сушеного красного перца, которые Алев развесила под потолком для красоты, были содраны и растоптаны чьим-то злым каблуком в жгучую пыль.

Она чихала, кашляла, зачем-то пробовала прибраться. Но скоро опомнилась. А ну как тот, кто топтал перчики, снова вернется. А она тут как тут... И на руках у нее Османовы тетрадки, мешочек с обменными фигурками (лезть и смотреть, что за фигурки, она побоялась) и отдельная коробочка с Божьей Коровкой.

Если бы кто-то спросил у нее, почему она тогда вдруг надумала надеть кулон, она бы ни за что не ответила. Ну в самом деле, как признаться в том, что, сидя на корточках посреди разгромленной, насквозь проперченной комнатухи на чердаке, она почувствовала себя такой крошечной, такой никчемной и бестолковой, что нужно... просто необходимо было уцепиться за что-нибудь знакомое. Нет. Она честно не стала вешать Божью Коровку на шею — крепко намотала шнур на запястье. Комната вдруг завертелась, замельтешила, и семь серебристых точек выстроились перед глазами в стройную шеренгу. Рыжая Ривка-Вера-Алев, до этого совершенно не представляющая, что ей делать и куда бежать, вдруг вскочила, подхватила тетради и вылетела вон. Через полчаса девушка стучалась в кованые ворота пансиона мадам Капусты. Стучалась настойчиво и усердно, не сомневаясь в выборе. Не потому что вдруг нашла правильное решение, а потому что остальные шесть «Коровкиных дорожек» так или иначе вынуждали девушку убраться из Константинополя прочь. А человек, даже самый смелый и отчаянный, всегда выберет то, что кажется ему наименее опасным.

С того вечера прошло ни много ни мало — целых четыре месяца. Теперь же о том, что ей давно уже следует быть не здесь, а в далекой России, Алев не желала даже вспоминать. «Не все ли равно, где прятаться, — лишь бы надежно», — тут же нашлось отличное оправдание. Почти каждое утро, напавлив старушечий черный чаршаф (кухарка Фатма была женщиной простой, доброй и ненужных вопросов не задавала), девушка тайком ездила в Капалы Чарши, чтобы убедиться: Осман не вернулся. Зайти в отцовскую лавку Алев так с духом и не собралась. Помолчала, стоя в сторонке и глядя на разгромленные

витрины, а потом, пока никто не видит, содрала с гвоздей табличку и утащила с собой.

Четвертый месяц Алев служила у мадам Капусты. Стерла о стиральную доску костяшки пальцев, научилась готовить мусаку, штопать белье и не стесняться постояльцев. Сперва сильно стеснялась... А теперь уже целых три дня не стеснялась. И когда большой белобрысый и синеглазый американец (правда, немного старый, но мужчинам это простительно), постучавшись, заглянул в каморку, где она гладила чьи-то кружевные панталоны, она даже не повела бровью. А что? Обычное дело. Гладишь себе двадцать пятые за утро панталоны тяжеленным утюгом, а тебе говорят на жеваном и от этого не слишком понятном английском языке: «Доброе день, маленькая мисс Алев. Как ваши делишки?»

— Э-э-э... Мисс Алев, — американец слегка гнусавил, проглатывая «в», потому ей слышалось «Алэу». — Как ваши делишки? Да вы гладьте, гладьте! Я что хотел спросить... Как бы нам с вами, мисс, нынче вечером прогуляться? Вы ведь бываете когда-нибудь не заняты с этой вашей хреновой... простите... со стиркой? Что вы насчет кинематографа? Ведь есть же у вас тут в вашей дыре где посмотреть фильм? Потом можем выпить пива... Тьфу... Простите. Чаю... с кексом. Или с этими вашими приторными липкими штуковинами?

Алев краснела и понятия не имела, что следует отвечать. Кино она любила, кексы и пахлаву тоже, но на свидания не ходила еще ни разу. А то, что американец приглашает ее именно на свидание, она догадывалась прекрасно. Робкие девушки далеко не дурочки и часто в вопросах отношений разбираются лучше, чем уверенные в себе красавицы. Однако мужчинам, особенно таким старым и, очевидно, опытным, как этот господин Томпсон (он представился, но она, конечно же, перепроверила запись в гостевой книге), Алев не доверяла. Кто знает, вдруг он помолвлен или даже женат. И, конечно же, считает ее

глупышкой, легкой добычей и намерен соблазнить. Алев вздохнула. Были бы живы родители, все было бы куда проще. Она бы попросила мистера Томпсона навестить вечером отца, отец бы с ним сурово, по-мужски поговорил так, чтобы американец понял — здесь только серьезно. Но родителей нет... И некому за нее вступить, некому защитить. А одинокая девушка всегда рискует репутацией, посему обязана быть трижды добродетельна.

— Спасибо, мистер. Я не люблю кино... и кексы. — Алев притворилась равнодушной, хотя далось ей это с трудом.

— В самом деле? — огорчился американец. И как-то даже стушевался. Из большого, красивого и вальяжного стал грустным и суетливым, словно заблудившийся по дороге с пруда домой гусь. Мялся, теребил в руках кепи. — А может, нам просто потаскаться туда-сюда? Ну... Но если, мисс, я вам не нравлюсь, хотя я обычно девицам весьма... тьфу, простите, мисс! Вдруг вы как-то сомневаетесь в моих намерениях? Я джентльмен. Ничего такого... Но если я кажусь вам грубияном... или, может, стариком? Черт... Не сообразил! Вы же девчонка совсем. Поди, думаете, что я одной ногой в гробу, так я еще это... ну, в смысле... очень даже здоровый. Вот.

— Нет, нет! — Алев так сильно прижала утюг к чьей-то сорочке, что если бы не американец, вовремя заметивший неладное и буквально спасший сорочку от смертельного ожога, — получать бы кому-то от хозяйки взбучку. — Ой! Спасибо... Дело не в том.

— А в чем же? Черт подери, в чем? — Баркер искренне расстроился. Девчонка ему здорово нравилась. Она вела себя совсем не так, как фермерские бестолковые дочки, не как актрисульки и певички — любительницы запустить наmani-кюренные пальчики в чужой бумажник и не как заносчивые барышни из Сити. А главное, ее он ничуть не стеснялся, хотя она совершенно точно была леди (в этом Красавчик разбирался

не хуже, чем в камушках), и еще какая леди — в самой Филадельфии таких днем с огнем поискать! Красавчику отчего-то страшно хотелось прошвырнуться с ней по улице рядышком или даже под ручку и пошептаться о всяких пустяках. Может, похвастать черным своим «Доджем», который ждет в Чикаго, или даже рассказать про индейца-ленапе (ну, не про ма же с братишками рассказывать, хотя про Малыша Стиви, пожалуй, можно — она поймет), или...

Баркер сам удивился пришедшей в голову странной идее. Удивился так, что у него немного защекотало внутри от давно забытого восторга.

— Одинокая небогатая девушка, мистер, обязана следить за своей репутацией. Особенно в этом городе, мистер! — выпалила Алев. И занесла утюг так, чтобы американец понял — за репутацию она намерена биться насмерть.

— А знаете что, мисс Алэу, раз уж так. Давайте-ка никуда с вами не пойдем. Давайте я куплю кисти, краски. Мы с вами присядем вечером тут у фонтана, только оденьтесь потеплее, мисс... и я вас нарисую. Хотите?

— Портрет? Мой? Вы умеете? Правда? Правда-правда?

— Черт... Да... Черт! Я умел когда-то... Умею! Так вы согласны, мисс? Никакого урона вашей репутации.

— Не знаю... А как же мадам? Ой. Вы погодите, мистер. Дайте, самую чуточку подумаю. — Алев шарила по карманам. Там, завернутая в обрывок газеты, пряталась Божья Коровка.

Спрашивается, зачем тому, кто и так во всем сомневается, Божья Коровка? Чем она может помочь? Только сделает хуже. Вытащит на свет божий и разложит перед тобой семь красочных картинок твоего ближайшего будущего, как цыганка раскладывает гадальные карты перед легковерным зевакой. Но людям нерешительным часто проще выбрать из семи возможностей, чем из двух. Тогда их много меньше мучают сожаления типа «что было бы, если бы я вместо А выбрал Б».

— Мисс Алэу! Думайте скорее... — через пять минут Баркер не выдержал напряжения. — Чего вы там возитесь? Черт! Пожалейте меня. К тому же я и так задержался. У меня, знаете... небольшая коммерция. Не терпит отлагательств. Да? Или нет?

— Хорошо. Да. Я согласна! — Она зажмурилась, обрушила утюг на полотенце и принялась яростно по нему возить, стесняясь поднять глаза на расплывшегося в довольной улыбке Генри Джи Баркера по прозвищу Красавчик.

Божью Коровку Алев нашла на самом дне глубокого кармана уже позже. Уже когда американец ушел, пообещав ждать в девять возле «Скорби прачки». Алев перекладывала туда-сюда белье, поплевывала задумчиво на остывший утюг и глупо хихикала. Ну а когда спохватилась бежать на рынок, так было уже поздно: старая кухарка уехала в Харбие к родне вместе с чаршафом. «Вот утка бестолковая... Ладно, успею еще до вечера... или даже завтра схожу», — захотелось на секундочку узнать, что скажет на это Божья Коровка, но тут же передумалось, потому что в дверях появилась мадам Капуста с новым ворохом неглаженного белья.

ГЛАВА ПЯТАЯ

О мужских непростых играх, а также о том, что девушкам в эти игры ввязываться следует с оглядкой

Константинополь, конец октября — начало ноября 1919 года

В третий раз безрезультатно обследовав все закоулки Капалы Чарши, не без ухмылки обнаружив, что при виде него местные продавцы начинают поспешно закрывать свои лавчонки, а лоточники разбегаются потревоженными клопами, Баркер наконец-таки признался себе, что практически зашел в тупик. Красавчик, человек ко многому привычный, понимал, что найти иголку в стоге сена — дело непростое, но чтобы меняла вот так почти бесследно испарился? Невероятно! Люди очень быстро, сами того не замечая, обрастают знакомыми и приятелями. Даже если кто-то нелюдим и болезненно осторожен, ему не избежать случайных встреч и любопытных взглядов. И будь ты хоть тысячу раз «невидимкой», найдется кто-то внимательный, кто запомнит твое лицо и случайное слово, которое ты обронил, проходя мимо. Особенно памятьливы извозчики, цирюльники и лакеи. Ты можешь об этом не догадываться, но брадобрей, имени которого ты так и не удосужился спросить, помнит имя и адрес твоей подружки. Потому что

когда-то дождливым вечером, когда ты брился и одеколонился перед свиданием, ты занимал у него зонт, а возвращала его она с мальчишкой-посыльным — любителем почесать языком. Это случилось тысячу лет назад, ты давно уже про это забыл, но цирюльник отлично помнит. О! Он, кстати, знает и то, что той ночью вы с ней ссорились так громко, что консьерж — он же родной дядя посыльного — никак не мог заснуть... и что ты орал на весь подъезд «убью, жадная стерва... убью». Поэтому не стоит удивляться, что однажды именно брадобрей сдаст тебя копам, наткнувшись в разделе «Криминальная хроника. Убийства» на ее имя.

В общем, всякий человек за свою жизнь столько наследил, что для профессионала, вроде Красавчика, обнаружить беглеца не составит труда. Но случаются сюрпризы — маленький стамбульский меняла оказался как раз из таких.

Все, что за три дня удалось Красавчику выжать из местных, — у мальчишки где-то в Константинополе осталась подружка... или сестра. Чистильщик обуви, которому Баркер вчера отсыпал приличную горсть монет, толком так и не сумел пояснить. Он пощупал тетрадный листок, на котором Баркер набросал восстановленный по памяти портрет ушлого поганца, поцокал языком, а потом пихнул кончик прутика в банку с ваксой и пририсовал в верхнем углу человечка из палочек и кружочков. Кружочек-голову чистильщик украсил длинными стружками кудрей, а поверх средней палочки намалевал юбку-треугольник. «Mom? Sister? Wife? Friend?» На каждую подсказку чистильщик радостно скалился и кивал. «Где? Где она?» — десять американских долларов, которыми Красавчик помахал перед носом «информатора», произвели магическое действие. Чистильщик немедленно вскочил, смахнул свои щетки, бархотки и баночки в деревянный ящичек, туго обвязанный ременной «сбруей», деловито подтянул штаны, неуловимым движением кинул ящик за спину и дернул со всех ног в темный пассаж,

оглядываясь и призывно сигнализируя Красавчику руками, глазами, носом и даже подбородком.

«Здесь топ-топ систер-френд... Каждый утро топ-топ», — прошамкал чистильщик, когда они, обогнув будку рыночного цирюльника, уткнулись в потрескавшуюся витрину пустой лавки. «Стой... Растолкуй по-человечески. Приходит она сюда, что ли?» — «Топ-топ! Топ-топ!» Чистильщик неожиданно ловко для своего возраста подпрыгнул, выхватил из пальцев Баркера купюру и нырнул под большой ковер, висящий поперек прохода. Когда Баркер, чертыхаясь, поднял угол ковра, чистильщика уже нигде не было. «Сперва масоны, потом оборотни, теперь джинны... тьфу. Ну ладно. И то хлеб. Постережем — подождем «сестрицу-подружку», а дождемся — поймаем и пощекочем на предмет, куда это запропастился наш милый «братец-дружок».

Артуру о «сестричке» Красавчик ни словом не обмолвился. К чему? Англичанин ему безусловно нравился, однако симпатия — одно, доверие — совсем другое. В бескорыстие сэра Ходули верилось так же мало, как в существование райских гурий. Для чего-то он, Баркер, Ходуле был надобен. Однако сейчас голову этим Красавчик забивать не желал. В чужом месте полезно иметь хоть одного знакомого, даже если этот знакомый — англичанин с апломбом обнищавшего плантатора и заносчивостью индейского вождя. Опять же, вдруг и вправду подсобит Ходуля пристроить эту востроносенькую мисс (Генри невольно улыбнулся) к себе в комиссариат.

Кое-как втиснувшись в неглубокую стенную нишу возле цирюльни, Генри приготовился ждать. Тетрадный листок с карандашной физиономией пропавшего менялы, тот самый, что вчера показывал чистильщику, Генри вчера же и уничтожил — теперь он был ни к чему. Баркер отлично помнил портрет

по памяти. Сделанный из укрытия (скорее всего именно отсюда — из этой самой ниши) отвратительным портретистом набросок вряд ли мог считаться шедевром. Встреть Баркер «портретиста» — накостылял бы по шее, так чтобы тот в жизни больше не брался за кисти и карандаш. Бездарей Красавчик не терпел. Но шедевр или нет — другой вопрос. А вот черты лица менялы были прорисованы с тщанием. Совсем еще щенок — едва ли старше Малыша Стиви, вихрастый, с густыми бровями, с упрямым лбом... Массонский портретист не удержался (бездарям, как известно, чужда лаконичность) и дополнил портрет кое-какими деталями. Нарисованный меняла стоял вполоборота и таращился на табличку с надписью. Надпись на рисунке не читалась — мазила обозначил ее одним небрежным штрихом. Зато похожая на ветку жимолости глубокая трещина на косяке двери, а также тень от оконца с резным наличником художнику определенно удались. Баркер тщательно огляделся — вот она, искомая трещина. А вот (Баркер задрал голову к потолку) и резное окошко.

Минуты шли за минутами, складывались в часы. Баркер изрядно утомился и со скуки разглядывал через полуоткрытую дверь внутренности цирюльни. Лысый, пузатый, словно только что проглотивший арбуз, турецкий бей великодушно позволял мальчику-подмастерью удобрять свое пухлое лицо мыльной пеной и что-то выговаривал цирюльнику. Цирюльник же — из себя весь какой-то кривой, сучковатый и ширококостный, как будто вместо скелета в него вставили деревце, — вовсе не подобострастно, а очень даже яростно насакивал на клиента. Держал он, между прочим, в одной руке острую бритву, а в другой — еще одну острую бритву. С такой увлеченностью мужчины любой национальности могут спорить лишь о двух вещах: о спорте и о политике. Чтобы об этом догадаться, не нужно быть полиглотом. А вот соображай Красавчик по-турецки, разобрал бы, что Арбуз грозитя немедленно

(вот только закончит бриться) упечь куафюра в кутузку. Куафюр, впрочем, выглядел ничуть не напуганным, а наоборот, хозяином положения. Потому что хозяин положения всегда тот, у кого в руках опасная бритва, как ни крути.

— Вас, националистов, надо пересажать. А лучше на столбах вешать! Вместе с песьим вашим вырождением — Мустафой-Кемалем! Кого он из себя мнит? Кого? — не обращая внимания на «пляску с бритвами» сердился Арбуз, не шевеля, однако, головой. — Песий вырождение... Мятеежник. Хочет он власти — пусть ее... Получит пулю в лоб или петлю на шею. Вот только других к чему за собой тащить? Амбиции у них! Ишь. Газеты еле-еле по слогам разбирать научились, и все уже в политику норовят. Вот здесь аккуратнее выбрей, в прошлый раз целый клочок оставил. И у ноздрей постриги — не забудь. Политиканы... Султан им, видишь ли, не угодил. Визирь не устраивает. Законы не те! Были бы умнее, сидели бы — не высывались.

— Ва-а-айбе! Вайбе! Позоришь сам себя, папу своего, дедушку своего позоришь, Альпер-бей! Какой ты после таких слов мужчина? Поди и купи себе юбку и корсет... Нет. Я сам сейчас пойду и куплю тебе юбку. И корсет. И панталоны... Голову повыше. Еще немного. Да. Так хорошо. — Цирюльник подскочил к толстяку и принялся соскребать с жирного подбородка щетину, ловко работая обоими лезвиями и стряхивая серую пену в тазик.

Лезвия летали над горлом и лицом толстяка так быстро, что видны были лишь редкие металлические отблески да по оштукатуренной стене металась веселая «зайчики».

— Мустафа-Кемаль-паша всем туркам — отец родной! Атам наш! Вот, клянусь матерью, бабушкой и повитухой, только лишь войдет Атам в Истамбул — все брошу к шайтану, цирюльнику на замок и за ним. Куда скажет — туда пойду. С пятнадцатого года, поди, винтовку держать не разучился. Лежит в подвале «маузерочек», весь начищен, смазан, сияет как новенький.

Да и в пулемет ленту заправить смогу. Вот этими руками, — цирюльник вытянул перед собой руки (в одной опасная бритва, в другой — другая опасная бритва) и повторил: — Вот этими руками я сколько гяуров передавил? И передавлю еще больше! Вот чего? Чего они у нас забыли? На улицу выйти — тошнит. Одна шваль кругом. Собаки английские, вонючки французские и русины вшивые. Шуршуршур... шуршуршур, все шуршат на своем гяурском. Каждый день молю Аллаха, чтобы поскорее пришел наш Мустафа-Кемаль. Всех вышвырнем! До единого! Шуршуршур... Шуршуршур! Тьфу!

Лезвия взметнулись вверх... и снова замелькали над щеками клиента.

— Глупый, невежественный ты человек, Або! — Толстяк тяжело вздохнул — по всему, разговор этот происходил не впервые. — Стрижешь, бреешь, так и стриги себе. Вышвырнет он... В политику полез. Ишь. Бородку сделай поровнее. Покороче.

— Все! Не буду! Не хочу тебя брить! Цирюльник Абдурахман сын Мухаремма — турок до мозга костей — не будет мараться о щетину предателя и труса! Ступай от греха подальше, пока я тебя не порешил... И денег твоих мне не надо... — Лезвия, брошенные в пенный тазик, звякнули о край и пошли ко дну.

Толстяк сперва хотел было что-то резкое ответить. Но лишь махнул рукой, вытер кое-как лицо полотенцем, грузно поднялся и, прихрамывая, направился к выходу, даже не прикрыв лысину котелком. Котелок, пальто и тросточку он неудобно держал в одной — левой — руке. Правый рукав френча был тщательно заправлен в карман брюк.

Проходя мимо ниши, в которой уже пятый час тосковал Красавчик, толстый турок неожиданно повернул голову, заметил американца и неприязненно вздрогнул. Куда ни глянь — везде эти... Правоту невежи-цирюльника признавать ох как не хотелось, но глаза-то еще на месте, в отличие от руки. Альпер-бей — бывший военный хирург, по ранению давно уже

вышедший в отставку и теперь бездельничающий (считать службой добровольные три часа в неделю в госпитале «Красного полумесяца», где доктор Альпер все чаще чувствовал себя лишним, он никак не мог), в который раз задумался о том, что пора убираться отсюда, и как можно дальше. Или в Измир, где который год пустует большой двухэтажный особняк с мраморными ступенями, спускающимися к самой воде... или в Америку, где никто не ждет, и это даже к лучшему. Если бы не дорогой его мальчик, единственный сын, любимчик и баловень всей семьи, черноглазый красавец Эрхан, Альпер-бей давно бы уже приказал жене собрать дом. Но мальчишка... Хотя какой он теперь мальчишка? Война и два года английского плена на Мальте превратили капризного высокомерного юнца — любителя кафешантанов и кабаре — в настоящего мужчину. В солдата. Альпер-бей вздохнул. Ему бы теперь гордиться сыном, но он лишь беспокоился. Лучше бы мальчишка продолжал шататься по борделям, думая, что никто в доме об этом не догадывается. Лучше бы завел себе в Галате легкую девицу или даже двух. Лучше бы пил с такими же оболтусами дешевое вино, пряча пустые бутылки в цветочные горшки на террасе. Но теперешние друзья мальчика вовсе не походили на прежних безалаберных приятелей, и Альпер-бей догадывался, что, закрывшись на ключ в мансарде, молодые офицеры перешептываются вовсе не о развлечениях и не о женщинах. Альпер-бей боялся — страшно боялся за маленького своего мальчика, боялся, что связался он не с теми людьми, что все эти игры до добра не доведут. Может быть, именно поэтому он так яростно спорил с цирюльником и так страстно желал отсюда уехать. Вот только чувствовал Альпер-бей, что вряд ли Эрхан отправится за отцом с матерью. Поэтому молчал, терпел, скрипел зубами и верил, что все как-нибудь наладится само собой. «Женить! Женить мальчишку срочно! Молодая жена живо у него из головы эту кемалистскую дурь выбьет!» — мысль

показалась старику настолько замечательной, что он даже подпрыгнул на месте, забыв о больной ноге. «Вроде у Тевфик-бея есть дочка на выданье. Старый друг, бывший однополчанин ни за что не откажет — за честь почтет», — тут же оформилась другая, еще более замечательная мысль, и бывший военврач, кое-как нахлобучив шляпу и трудно втиснувшись в пальто, заторопился на улицу. Откладывать такое важное дело, как сватовство, не годится. «Сегодня же перемолвлюсь с Тевфиком, а на следующей неделе можно уже сватать. Через полгода детей поженим, а там и внуки не за горами. Женить! Срочно женить».

Однорукий толстый турок целых четверть часа закрывал Баркеру обзор, хромая туда-сюда и бормоча себе под нос. Баркер взглянул на часы — стрелка показывала на цифру пять, а «подружка-сестра» так и не объявилась. Еще раз осмотревшись, Генри решил, что на сегодня достаточно, тем более что у него осталось еще очень важное дело. Генри выбрался из ниши, поприседал, разминая мышцы. Шикнул на хихикающих над чудным иностранцем мальчишек и отправился на поиски красок, холста и подрамника.

Слышался лязг ножниц, скрип граммофонной пластинки, неизвестная, но странно-томительная турецкая мелодия... Крики зазывал и гул толпы доносились совсем издалека, а здесь как будто случился полный штиль. В этой части рынка многие лавки пустовали: хозяева их, большей частью греки-понтийцы, ассирийцы и армяне, убрались из Константинополя подальше. Кто-то осел в Измире, а кто-то вернулся домой, рассудив, что прибыль прибылью, а жизнь детей будет подороже денег. Брошенные помещения днем оккупировали крысы, ночью же туда пробирались нищие, не то не успевшие до темноты, не то

не пожелавшие ночевать в богадельне. Впрочем, работала всю шляпная мастерская, рядом с ней стрекотали ручными «зингерами» портные, а чуть поодаль торговал кистями и холстами рябой карлик в малиновом детском жилетике поверх детского же тулупчика из овчины.

— Сколько? — ткнул пальцем в беличью кисть Красавчик. — И еще масло тащи. Или хотя бы приличная акварель нужна... Соображаешь, Креветка? Ак-ва-рель.

— А-а? Э-э? Не-е? Бе-е? — замялся торговец, только что получивший прозвище Креветка и об этом не подозревающий.

— Краски. Чтоб ри-со-вать?

— Э-э? Не?

— Вот есть у тебя кисти. — Баркер выхватил из жестяной банки первую попавшуюся кисть, ткнул ею себе в ладонь и выразительно вытаращил глаза. — Кисти есть. Краски где? Ну?

— Не понимать... Хайир. Йок! Не? Бей?

Через десять минут взаимного меканья и беканья Красавчик почувствовал: еще минута — и он застрелит ни в чем не повинного Креветку. И застрелил бы, но где тогда взять краски? Красавчик почесал затылок, сдвинув кепи на лоб, а потом радостно подмигнул вконец ошалевшему маленькому человечку: «Погоди с полчаса. Вернусь с переводчиком».

«Эх, дружок мой Ходуля... Вот ты мне опять пригодился. — Красавчик бежал к центральному выходу с рынка. — Вот мне от тебя и прок. Ты меня уж прости, но без тебя, похоже, не обойтись». Англичанин ему здорово нравился, без нужды дергать его он не хотел, но все же, будучи человеком предусмотрительным, рассчитывал на то, что к Уинсли ему однажды обратиться придется. И к чему тянуть, если нашелся отличный повод... Баркер прикинул, который нынче час, — Ходуля должен был еще торчать в своем комиссариате.

— Инглиш начальник — большой белый господин, много? Инглиш-бей! Целая куча инглишей! Соображаешь, о чем

я талдычу? Ну? Бритиш офицер! Пуф-пуф! Ой-ой-ой! Бритиш штаб! Тамам?

— Вам в комиссариат, сэр? — добродушно переспросил извозчик. И, не дожидаясь от ничуть не смутившегося, но, наоборот, внезапно посветлевшего лицом янки ответа, тронулся с места.

В здании комиссариата было шумно, безалаберно и тесно. Моряки толпились возле огромной, прибитой к стене карты Дарданелл, передвигали туда-сюда разноцветные картонные кораблики на булавках. Громко спорили. Курили. Страхивали пепел на пол. Смеялись заливисто, жадно косились в сторону окна. Там на длинной кушетке сидели, прижавшись друг к дружке, две прехорошенькие сестрички милосердия, но на молодую офицерскую поросль не зарились, зато метко стреляли глазками в сторону лысеющего полковника, который что-то громко диктовал адъютанту. Страшно чадила печь. Воняло жареным луком и суррогатным кофе. А из-за всех дверей раздавался треск печатных машинок и монотонный гул голосов. На американца никто не обращал внимания, и если бы Баркер сам не ухватил за шиворот пробежавшего мимо штабиста, так бы и остался незамеченным.

— Сэр? Вы американец? Что вы тут делаете сэр? Здесь вам нельзя находиться без пропуска, мистер... Ваши документы, позвольте?

— Томпсон. Разыскиваю своего приятеля Ходулю... То есть майора Артура Уинсли. А документы я посеял, — Баркер добродушно поплыл в улыбке. Такой безобидный, такой трогательный — ну точь-в-точь большой ребенок.

— Уинсли? Майор? Норфолкский пехотный? — Штабист не вынес натиска баркеровского обаяния, улыбнулся в ответ, на секунду задумался. И ткнул свернутой в трубочку бумажкой куда-то в сторону пристройки. — Где-то там. В самом конце коридора. Только проскользните как-нибудь понезаметнее.

Без пропуска вообще-то не положено, но тут везде совершеннейший кошмар.

— Еще бы не кошмар! С такими-то порядками, — буркнул Красавчик, но его уже никто не слышал.

Кошмар! Cauchemare! Nightmare!

Это слово наилучшим образом характеризовало происходящее в Константинополе поздней осенью 1919 года, с точки зрения майора Артура Уинсли. Кошмар был на улицах, где с рассвета до заката кишела пестрая толпа. Где люди разговаривали между собой на стольких языках и диалектах, что Вавилону и не снилось. Вечером по Истиклялю прогуливались сипаи в белых балахонах, чинно позвякивая саблями. Индийцы в огромных тюрбанах недоверчиво пробовали местный табак. Сенегальцы с эбонитовыми бесстрастными лицами останавливались возле витрин кондитерских, и в темноте можно было решить, что они сами отлиты из шоколада. Просиживали в тавернах до дыр свои бордовые килты шотландцы, щеголяли роскошными шляпами итальянские пехотинцы, критские жандармы вели себя по-хозяйски уверенно. И везде, буквально везде сновали русские. Купцы в лисьих долгополых шубах, их жены — веселые и всегда чуть-чуть пахнущие кислой капустой и шампанским, изношенные лицами и одеждой интеллигенты, и офицеры царской армии, всех сословий... очень уставшие, очень злые и очень гордые, увешанные орденами, медалями и долгами.

Кошмар на улицах — кошмар дома. Уже четвертую ночь Артур не мог выспаться. Дело было не только в Генри Баркере, который, надо отметить, довольно громко храпел, и даже не в буйном нраве мадам Кастанидис, но в том, что поблизости то и дело срабатывала Вещь. Срабатывала еле-еле,

словно нехотя или через силу, но все же Артура это изнуряло. Он бы съехал немедленно, но теперь все его планы так или иначе были связаны с Красавчиком. «Сутки... жду еще сутки и, если меняла не объявится, иду на сделку с янки». Артур морщился, скрипел зубами и нервно тер переносицу. Оттягивал время, мучился, убеждал себя в том, что ничего лучше он все равно придумать не сумеет... Тщательно отталкивал от себя всякую мысль о том, что, обнаружив маленького Османа, Красавчик просто не вернется в пансион, и тогда — все. Конец. Понимал, что ни подсказки, ни поддержки ему ниоткуда не добыть, что пора бы уже решиться... А как там Красавчик намерен договариваться с русской хранительницей, на пальцах или нет — не его забота. Его забота и его долг — любыми способами вытащить ребят из галлипольской хронозадницы. Чем скорее, тем лучше. Сутки. Еще одни сутки...

Четыре дня назад доложившись о прибытии, получив от непосредственного командира указание направиться в распоряжение командующего Черноморской ставкой генерала Милна, а от генерала Милна — полную свободу действий и доступ к материалам по «норфолкскому делу», Артур вооружился терпением, итальянским вермутом и коробкой сигар. Протоколы допросов, рекогносцировки и рапорты без пары крошечных металлических жучков были абсолютно бесполезной кипой бумаг. Артур тянул время, скрашивая вынужденные часы безделья алкоголем и табаком. Вот так с бокалом в руке и зажженной «флер де рафаэль» в зубах Артур и встретил генерала, лично и без предупреждения навестившего майора Уинсли в его стылой конурке в левом крыле здания британского военного комиссариата. Сэр Милн был не один. Артур Уинсли-старший, за эти годы совершенно не изменившийся, такой же молодой и безупречный, вошел в кабинет вслед за генералом и кивнул внуку как ни в чем не бывало. Артур с трудом удержался

от восклицания, вовремя сообразил, что выглядит совершенно неподобающе, и вскочил, приветствуя гостей. Благородно не заметив бокала с вермутом, сэр Милн подождал, пока Артур застегнется, встанет, отдаст честь, и только тогда перешел к делу.

— Как ваше расследование, майор?

— Возникли затруднения, сэр. Потребуется время, сэр, — отчеканил Артур и покосился на деда. Тот бесстрастно уставился куда-то поверх Артура. Ни любопытства, ни улыбки, ни тени недовольства... Египетская мумия — и та выглядит много живее и доброжелательнее.

— Да... — Генерал подошел к пыльному окну, зачем-то провел по стеклу пальцем. Сверху вниз. — Видите ли, майор. И мне... и сэру Гамильтону, и сэру Уинсли... всем нам бы хотелось, чтобы солдаты батальона один дробь пять были просто мертвы. Вдовы бы в конце концов утешились, а дети бы гордились отцами-героями. Все было бы обыденно и прозрачно. На войне как на войне. Увы, батальон исчез. И все мы здесь знаем, что с ним произошло.

— Так точно. Слово офицера, я сумею вывести батальон оттуда, сэр. Понадобится еще месяца два, может быть, три, сэр.

— Времени нет. Планы изменились, майор. Дело закрыто.

Артур замер, не зная, как реагировать. С одной стороны, фраза генерала звучала как приказ, с другой стороны... С другой стороны, она тоже звучала как приказ, но так больно было думать о том, что у ребят из один дробь пять больше не осталось ни единого шанса. Что умрет он, умрет командир полка, умрут их невесты, дети — у кого есть, внуки... А им каждый божий день вплоть до самого Судного дня теперь торчать в Галлипольских соленых песках. Каждое утро просыпаться и проживать душный, туманный пустой день. И так бесконечно. Бес-ко-неч-но.

— Но, сэр... У меня... Возможно, позже...

— Дело закрыто! — Сэр Джордж Милн замер, разглядывая вертикальную черту, которую минуту назад сам и нарисовал. Потом поднес к глазам палец, нахмурился, увидев запачканную пылью подушечку. И вдруг поставил точно под чертой жирную точку.

— Слушаюсь, сэр.

— Благодарю, Джордж. Позвольте теперь мне. — Голос деда, негромкий и медленный, заполнил собой крошечное помещение, и стало невозможно двигаться и дышать. Старый Уинсли умел быть большим, как небо. Артур внутренне съежился. Всегда... Всегда, когда дед разговаривал с ним таким тоном, он чувствовал себя лилипутом, скорчившимся на ладони Гулливера. — Ты немедленно отправляешься в Россию, Артур Уинсли. «Эмпериор оф Индия» завтра выходит в Севастополь. В полдень ты должен быть на ее борту. Оттуда, не теряя ни секунды, — в Москву... Не теряя ни секунды! Ясно?

— Так точно! — щелкнул каблуками послушный «лилипут», не задавая лишних вопросов.

А вот Артуру Уинсли хотелось узнать, за каким таким дьяволом его сняли с норфолкского дела и гонят в большевистскую Москву через всю Россию, которая в последнее время вряд ли подходит для веселых путешествий. «У Мэри был барашек, маленький барашек...» — песенка про безропотного барашка всплыла в памяти весьма кстати. Значит, в Москву? Есть, сэр! Слушаюсь, сэр! Только как это, интересно, он, почти не зная русского, должен пробраться через линию фронта, красные кордоны, голодные бандитские города до самого центра варварской, медвежьей России? А главное, зачем? Что там, в Москве, такого, что даже старый Уинсли счел необходимым

поднять свои благородные тощие ягодицы из любимого кресла и приехать сюда?

— Вещи! — словно прочел его мысли дед, отчего-то вдруг повысив голос, хотя нужды в этом никакой не имелось — дед мог шептать или даже просто шевелить губами, Артур все равно бы услышал каждый звук. — Наш друг и союзник — генерал Деникин и русские Хранители попросили нас вывезти из Москвы кое-какие Вещи и взять их на хранение, до тех пор пока дела в России не придут в порядок. — Дед многозначительно переглянулся с генералом Милном и так же громко продолжил: — К счастью, в Москве остались еще преданные люди... Патриоты. Они осознают, что, если предметы попадут в руки большевикам, это чревато трагедией. Поэтому владельцы добровольно готовы передать свои Вещи доверенному лицу. Ты, Артур, и есть это лицо.

— Все так, майор, — пророкотал генерал Милн. — Считайте это новым заданием. С командованием вашего полка вопрос согласован.

— Слушаюсь, сэр... Но, сэр... — Противоречить генералу оказалось много проще, чем старому Уинсли. — Вероятность того, что я доберусь туда живым, настолько призрачна...

— Прошу вас! — Распахнув дверь, генерал Милн выглянул наружу, сделал рукой приглашающий жест, и через секунду в кабинете появился молоденький русский подпоручик в застиранном, но безупречно отутюженном походном мундире с двумя узкими серебряными галунами на рукаве. «Здравствуй, стойкий оловянный солдатик», — отчего-то подумал Артур, когда подпоручик вытянулся стрункой возле двери.

— Подпоручик добровольческой армии Александр Чадов.

— Майор Норфолкского полка армии его величества Артур Уинсли.

— Вот вам и проводник. Семья господина Чадова сейчас в Москве, из сочувствующих, и я ведь не ошибаюсь... Кто-то из ваших родных, подпоручик, владеет Вещью?

— Кузина, сэр. Дарья. Даша, — смущаясь, заулыбался мальчик. Порозовел весь от кончика курносого славянского носа до самых оттопыренных ушей. И Артур с какой-то щемящей жалостью понял, что этот «оловянный солдатик» наверняка по-детски влюблен в свою московскую кузину.

— Что ж... Детали оговорите уже завтра, в пути, господа. Свободны, подпоручик. А вам... Вам тоже посоветую немедленно собраться в дорогу, майор. Документы и деньги возьмете у интенданта.

Генерал еще что-то говорил, вроде бы рекомендовал в случае чего стучаться в британскую миссию в Москве, где под хорошей «легендой» давно уже торчал резидентом от «Интеллигент Сервис» Сидней Райли, а Артур все косился на деда и ждал, когда же тот наконец расщедритя и скажет хоть что-нибудь человеческое. Десять лет... Чертовых десять лет. За десять лет можно накопить с десяток фраз для теплой семейной беседы. Например: «Как твои дела, Артур?», или «Надо же, а ты уже начинаешь сидеть, Артур», или «Я скучал по тебе, Артур».

— Удачи! — генерал Милн, не дожидаясь, махнул рукой, мол, «вольно, майор», и вышел.

Артур Уинсли-старший последовал за ним, даже не кивнув внуку на прощанье.

Вот старый упертый хрыч! Артур подкинул в печь полено, прикурил от уголька. Было ему обидно и отчего-то тесно в груди — не то из-за равнодушия старика, не то из-за исчезнувшего, и теперь, похоже, навсегда, батальона, а скорее, по обеим причинам одновременно. Но «джентльмены не афишируют свои эмоции». Джентльмены не плачут, джентльмены не хохочут, не кричат, не бегают, не опаздывают, джентльмены не затягивают с выбором, джентльмены не оставляют своих, джентльмены не нарушают приказов, джентльмены, джентльмены...

Дверь скрипнула, Артур резко вскинул голову. Неужели старик вернулся?

В дверном проеме маячил не кто иной, как Генри Джи Баркер.

— Что это за молодцеватая развалина с изумрудным кабошном в галстук от тебя только что вышла, Ходуля? — Ни тебе «здрассе», ни тебе «простите, что ворвался без приглашения». Генри Джи Баркер по прозвищу Красавчик, как водится, не изменил своему амплуа.

— А? Желчный старикашка в штатском? Это сэр Артур Уинсли-старший, — не счел нужным лгать Артур. — Любимый дед.

— Похож. Похо-ож. То-то я его где-то уже видел. А это, значит, дедулька наш. Ну-ну. Понимаешь, стою я, прикрывшись на всякий случай шторкой, осматриваюсь — ну мало ли, вдруг тебе не до меня. И тут глядь — вываливается из двери один в один мой добрый друг Ходуля, только малость из себя подтухший. — Баркер захохотал. — Поглядеть на тебя, так можно предположить, что дедулька только что отписал все наследство внебрачной внучке, а ты остался на бобах. Что? Попал?

— Нет. — Артур кисло улынулся. — Не попали, Генри. Чем могу?..

— Да. Чем можешь... Можешь! Послушай... Мне тут, кровь из носу, надо краски с кистями прикупить, а по-турецки-то я никак. Ни бе ни ме. Девчонке этой, Алев... обещал портрет. Я маленько, знаешь, умею. Так ты не скатаешься со мной до рынка?хлопот на десять минут, тарантас внизу ждет. А?

— Ох, Генри. Поехали. От вас ведь все равно отделаться невозможно... Десять минут и ни секундой больше.

Красавчик умильно захлопал глазами и засиял, как серебряный доллар. Толстуха Бет называла эту его улыбку «убойным калибром» и, вздохнув, прощала Красавчику за нее все предыдущие долги.

Вечерний Гранд Базаар был по-ночному суетлив и по-домашнему расслаблен. Поздние покупатели бродили между рядов. Кое-кто из лавочников уже сворачивал торговлю, спешил в мечеть или в местную кофейню. Утомленные продавцы сидели за низкими столиками, играли в нарды, пили из маленьких стаканчиков чай, цедили горький кофе, закусывая лукумом, спорили жарко о чем-то своем. Из-под двери крошечной парикмахерской сочился неровный дрожащий свет газовых ламп.

— Вот! Вот он... Фух! Успели! — Баркер подскочил к маленькому смешному человечку в малиновом жилетике. — Переводи, Ходуля. Кисти — три штуки. Холст грунтованный на подрамнике. Мольберт. Масло... Охры побольше. Нету масла, черт с ним. Пусть будет бумага и акварель.

— Фырча юч тане, йалы бойа, йалы бойа йокса сулу бойа... — Артур задумался над «охрой» и «подрамником».

— Тамам, тамам! — радостно кивал человечек, опасливо косясь на Красавчика.

Через несколько минут покупки были сложены в большой неудобный сверток и довольный Баркер, расплатившись, повернулся к майору.

— Ну, спасибо тебе, Ходуля... Оп-па... Стой! Тихо, Ходуля... Молчок!

Артур сам не понял, как вдруг оказался втиснутым в узенькую нишу, отчего-то странно знакомую. Красавчик сопел над самым его ухом. Тщетно пытался втащить ноги в укрытие, но ниша явно не была рассчитана на двух крупных мужчин. Артур очень медленно вытянул шею и близоруко сощурился, чтобы выяснить, куда так настороженно смотрит янки. Неподалеку от цирюльни, беспомощно озираясь, топталась крошечная турчаночка в черном просторном чаршафе. Через

решетчатое окно струился молочный лунный свет, падал на ее лицо, глаза — огромные, жалкие — блестели, будто от слез.

— Маленькая мисс Алэу. Это точно она! Какого черта она тут позабыла?

— Ну, Генри, это рынок. Тут, знаете ли, приобретают разные вещи, — раздраженно ответил Уинсли. Трепетное отношение янки к горничной Эйты умиляло, но поломанные ребра все же не входили в его планы. — К тому же откуда такая уверенность? Эти их балахоны...

— Погоди, Ходуля. Не копошись. Это точно она. Я в таких вещах не ошибаюсь. А еще... — Баркер на секунду замялся. — Сейчас, когда у нее пол-лица под этой тряпкой и одни глазищи торчат, знаешь... Девчонка адски похожа на одного моего чикагского дружка — на Соломона... на старую крысу Соломона Шмуца. Один в один. И глазищи... С утра ведь карие были... Чертовщина какая-то!

— Да что такого? Генри... Будьте любезны, уберите вашу спину от моего лица! — Протолкнувшись почти под мышкой у янки и высунув наконец-таки нос наружу, Артур увидел, что турчаночка прижалась лицом к витрине и смотрит через стекло внутрь той самой антикварной лавки, возле которой когда-то Артур встречался с менялой. Смотрит внимательно и вздрагивает плечиками.

— У человечка моего пропавшего тут сестричка осталась... Чистильщик болтал, она по утрам сюда забегает. Но сейчас же не утро? Нет?

— Нет... — Артур быстро думал. — Нет, Генри. Не утро. Это ваша протезе — Эйты? Как ее точно зовут? Вы как-то обмолвились, что она рыжая? И как фамилия этого вашего чикагского приятеля?

— Алэу! Мисс Алэу. Шмуц... Соломон Шмуц! Что? Зачем это тебе? Рыжая? Да! Еще какая — обжечься можно! А кудряшки такие тугие, как медная стружка! И глаза карие с утра. А теперь один синий, другой зеленый...

— Это она! Его подружка! — выпалили они одновременно.

И тут же Красавчик схватил майора за шиворот и зашипел в самое ухо:

— Та-ак... Я, значит, к тебе как к родному, а ты за мной все это время следил.

— Как к родно-ому, — передразнил внезапно разозлившийся Артур, шевельнувшись так, чтобы Красавчик почувствовал нацеленный в его ногу ствол. — Уберите руки, или я продырявлю вам бедро. И вообще, бросьте паясничать, Генри. Я же не болван, вижу, что вы косите под дурачка, а сами выпытываете у меня информацию.

— Так я тоже не безмозглая белка. Вот только никак не мог просечь, на кой я тебе сдался, — ощерился в ответ Баркер. — «Как ваши делишки, Генри? Нашли ли нужного человечка, Генри?» Ну... Что тебе надо? Тоже цацки ищешь? Или меня пасешь?

— Ох! Можно подумать, это я надрался в поезде так, что лыка не вязал. Можно подумать, это я навязался к вам в соседи по комнате. Можно подумать, это я каждую ночь сотрясаю своим храпом все перегородки. И не только, между прочим, храпом.

— Так что? Что тебе надо, Ходуля?

— Да ничего мне уже не надо! — Артур в сердцах так мотнул головой, что едва не разнес Баркеру полчелюсти. К счастью, тот вовремя увернулся, задел виском за угол ниши, замычал от боли и наконец-таки отпустил Артура. — Ничего не надо! Все. Я завтра убираюсь из города к дьяволу. А вы тут сами как хотите и что хотите... Хотите — рисуйте вашу рыжую горничную, Тициан вы хренов. Хотите — пальцы ей ломайте... Вам же не она нужна, вам меняла нужен.

— Ах ты... Так ты знал?

— А вы что? Вы думали, я не догадываюсь, за кем вы тут носитесь, как оголтелый бизон? Не юлили бы, сообразили бы прямо спросить — я бы ответил...

Баркер потянулся было к кобуре, но, во-первых, в тесноте это было не слишком удобно, а во-вторых, «браунинг» майора все еще упирался ему в бедро. В-третьих, англичанин был некоторым образом прав. В-четвертых...

— Так, может, ты знаешь, где Гусеница? Нет... Нет... Ну ты бы такое мне сказал! Ты бы... Хотя мы с тобой не дружки и хоть ты англичанин, то-се, пятое-десятое, но это же другое совсем дело. И Стиви... Я же не для себя, не для денег. Ты же сам видел Стиви. Мальчишечка совсем! Нет... Ты бы такое сказал! Не утаил! Ведь сказал бы? — Баркер замешкался, пытаясь просчитать, как там у этих англичан устроено в голове.

Артур молчал.

— Вот оно как... — протянул медленно Красавчик. — Да... Да не. Я не в обиде. Все верно. Кто я тебе? И кто тебе Малыш Стиви? Тупые янки. К тому же бандюки... Да.

— Все не так просто, Генри. Это не моя тайна. Я не вправе раскрывать ее кому попало.

— Кому попало? Ну да... Не... Ничего! Я не в обиде... Все верно.

Что происходит с мужчинами, когда они понимают: человек, стоящий напротив, человек, который еще секунду назад был тебе симпатичен и даже... нет, не то чтобы он мог стать другом — настоящим и на всю жизнь, но все-таки существовала между вами необъяснимая словами приязнь... с этой секунды смертельный враг твой? Что происходит? Охватывает ли с ног до головы холодная ненависть или, наоборот, растет внутри жгучим комом ярость? Или нет ничего такого, и все это книжные выдумки, но просто ты смотришь чужаку в лицо и думаешь: теперь или он, или я.

Раздался одиночный выстрел. Громкий. Резкий. Обрушилась с грохотом витрина. Тощая крыса с обрывком газеты в передних зубах вылетела из лавки, будто обезумевшая, и помчалась прочь. Порскнули с карнизов спящие голуби. Загалдела где-то вдалеке напуганная толпа...

— Кош! Тут ону, тут! Хайди-и-и! Эрхан! Кош!

— Ой... Мама... Ай... — Девушка отпрыгнула в сторону. Пуля прошла в дюйме от ее ног — чуть правее, и девчонка вряд ли сумела бы так бойко отскочить и так быстро рвануть в маленький, еле заметный коридорчик, закрытый от посторонних глаз пыльным ковром.

— Мисс Алэу! Что тут за сраная чертовщина! — рявкнул Красавчик, выхватил из кобуры «кольт» и вылетел из ниши, чтобы перегородить путь троим туркам, выбежавшим из цирюльни.

Мужчины громко кричали, размахивали табельными «парабеллумами». Заметив Красавчика, которого они явно не ожидали здесь встретить, турки на долю секунды опешили, затем низкорослый усатый крепыш, недолго думая, нажал на спусковой крючок... Красавчик еле увернулся, упал прямо на мозаичный пол, откатился внутрь лавки, опрокинул стол, спрятался за него. И уже оттуда начал палить по туркам, попасть, впрочем, не рассчитывая. Тут он услышал щелчок и еще один выстрел... И еще. И еще. Стреляли из «браунинга».

— Как вы, Генри? — Артур высунулся из ниши, пытаясь разглядеть в пыльной и дымной полутьме американца. — Живы?

— Да. Ходуля... Девчонка... Девчонку! Я отобьюсь...

Выстрел... Турки разделились. Двое спрятались за высоким мраморным прилавком и не позволяли Красавчику даже высунуть носа, простреливая перед собой весь коридор, а третий побежал вслед за девушкой.

— Да. Понял... Держитесь тут! — Артур одним невероятным прыжком преодолел расстояние от ниши до завешенного прохода, снес собой ковер и пару деревянных крепежных балок и, сложившись почти пополам, впихнул себя в очень узкую галерею, рассчитанную, очевидно, на детей... или на карликов. Сказать, что Артур бежал, было бы неверно. Скорее, он очень быстро проталкивался вперед в почти полной темноте под звуки оставшейся позади перестрелки. Через три

минуты отчаянного проталкивания Артур наконец-то узрел долгожданный свет, ускорился и еще через минуту вывалился из рыночных катакомб на улицу, которая была абсолютно пуста, если не считать крысу, задумчиво глазеющую на афишную тумбу. «Кабаре «Черная роза», только у нас со следующей недели — Александр Вертинский» — успел Артур прочитать витиеватую французская надпись над портретом уставшего человека в гриме Пьеро. Артур огляделся, пробежал еще метров сто в одну сторону, потом в другую... И, решив, что здесь от него толку уже никакого, а вот Красавчику он, возможно, еще понадобится, втиснулся обратно... В катакомбе стояла пугающая тишина. Майор Уинсли ощутил вдруг внутри неприятный холодок... Отчего-то мысль, что сейчас он увидит мертвого Красавчика, не показалась ему привлекательной. И хотя еще четверть часа назад майор был готов, если понадобится, выпустить в янки всю обойму, сейчас он многое бы отдал, чтобы Баркер остался жив.

Красавчик сидел на полу, привалившись спиной к прилавку. Турки исчезли. Зато возле Красавчика копошилась нелепая фигурка в малиновом жилете поверх овчиного полушубка.

— Бей-эфенди кютю, — скрипучий дискант карлика вывел Артура из недолгого ступора. — Чок кютю.

— Ясно, что кютю! Кютее некуда...

По клетчатому дорожному драпу баркеровского пальто расплывалось темное пятно.

— Открывайте! Открывайте! Кому сказал! — забарабанил Артур рукоятью «браунинга» в дверь цирюльни. — Врача! Срочно...

— И чтобы никаких копов, — простонал Красавчик, приоткрыв глаза.

Дверь скрипнула, и на пороге появился хозяин с большим газовым светильником в одной руке и опасной бритвой в другой. Хмурый, с седыми бровями, сдвинутыми к переносице.

— Абдурахман сын Мухаррема не помогает гяурским собакам... — молвил важно и свысока, потом перевел глаза на раненого Красавчика, фыркнул и, распахивая широко дверь, добавил: — Так будет со всяким чужаком... Затаскивайте быстрее, чего ждете? Хотите, чтобы он у вас тут кровью истек?

— Полиции не надо... Перевязывайте быстрее.

— Не командуй тут! Привыкли... Дома командуй!

Цирюльник умело накладывал повязку. Пуля, только что вырезанная из бедра, валялась в бритвенном тазике. Баркер еле слышно ругался. Артур думал, что ему сегодня уже точно не выспаться и вообще как-то все складывается не слишком удачно.

— Мисс... Маленькая мисс? Что с ней? Почему?

— Не знаю. Не успел... Будем надеяться, что ей повезло больше, чем вам, Генри. Постарайтесь много не болтать. — Артур пожал плечами. Судьба рыжей подружки менялы его не слишком беспокоила. Если девчонке удалось сбежать, то вряд ли она вернулась домой.

— Почему? Что они хотели... Девочка же...

— Генри! Заткнитесь! Что хотели, что хотели... Того же, что и вы хотели. Менялу... Или Вещь. Ваша рыжая пассия, между прочим, все это время таскала с собой минимум один кулончик. То-то я заснуть никак не мог.

— Ы-ы-ыа-а-а, — застонал Баркер, когда цирюльник сильно потянул сделанный наспех из полотенца импровизированный бинт.

— Именно, — согласился Артур.

— Месяц лежать. Или два. И доктор нужен... — Цирюльник полюбовался повязкой и склонился над тазиком с водой, смывая с рук кровь. — Можно и без доктора, но тогда помрет. В общем, это даже хорошо.

— Слушайте, как вас там... Заткнитесь, будьте любезны. Мы здесь не потому, что в восторге от ваших пейзажей и кухни.

Мы солдаты... Вы понимаете, что такое приказ? — Артур отчего-то взъярился, наверное, усталость от сегодняшнего дня наконец-то дала о себе знать.

— Абдурахман сын Мухаррема — тоже солдат! Видишь? — Закатав рукав льняной рубахи, цирюльник с гордостью продемонстрировал след от штыкового ранения. — Это Гелиболу. А это Сарыкамыш.

Спина парикмахера, вся пережеванная взрывом, отчего-то вызвала у Артура прилив тошноты.

— Ладно... Спасибо... Сколько мы вам должны.

— Вайбе! Вот! Думаешь как гяур... Все деньги, всегда деньги. Ничего вы мне не должны. Доктор нужен. Хороший врач. Есть такой. Доктор Альпер из Кабаташа. Спросите — все знают.

— Спасибо... — Артур подставил Красавчику плечо. Крякнул, когда Красавчик обрушился на него немалым своим весом. — Ох, Генри... Лучше бы я поехал следующим поездом.

Креветка подждал на пороге. Вскочил, увидев выходящих из цирюльни иностранцев. Приволок откуда-то злополучный сверток с мольбертом и кистями... И бежал впереди, смешно переставляя кривые крошечные ножки, разгоняя любопытных и что-то сердито выкрикивая на турецком. Креветка же нашел повозку, закинул в нее мольберт, краски и кисти, а когда Артур, наконец-то устроив Красавчика и устроившись сам, протянул Креветке купюру, замахал обиженно ручками.

В пансионе «Мечта одалиски» все уже спали.

— Я завтра, точнее, уже сегодня уезжаю, Генри. — Кровать Артур передвинул поближе к окну, уложил туда Красавчика, а сам принялся собирать в саквояж необходимое. — Когда вернусь и вернусь ли... не знаю. Все непросто.

— Да... Я понимаю, Ходуля. А девчонка?

— Нет девчонки. — Артур показал подбородком на окно, за которым раздавались жалобные вопли мадам Капусты. Хозяйка жаловалась на то, что негодная, неблагодарная Эйты сбежала, никого не предупредив. И даже жалованья не взяла. Почему-то именно это мадам Капусту обижало сильнее всего.

— А Стиви? Что же будет теперь с Малышом Стиви? — прошептал Красавчик. — Что, Ходуля? Девчонка слиняла. И еще нога...

Артур Уинсли ждал этого вопроса. Был к нему готов и, ни секунды не мешкая, ответил:

— Я сделаю все от меня зависящее, чтобы привезти вам Гусеницу, Генри. Если буду жив, привезу. Через два месяца или чуть позже. Все равно раньше вам на ноги вряд ли встать. А если до Нового года не вернусь и никак не объявлюсь... телеграф или письмо... или курьер. Если не выйдет, то запомните: женский монастырь в селе Топловское. Это Россия, Крым... Там есть монахиня, зовут Февронией... Господи, ну откуда ж вам такое запомнить. Погодите, я запишу... Десять лет назад Гусеница была у нее. Дальше разберетесь сами. И да... Сейчас еще добавлю. Как там этот парикмахер его называл? Точно! Доктор Альпер из района Кабаташ... Пошлите за ним кого-нибудь с утра. Не хотелось бы, знаете, вернуться и не застать вас живым.

— Ходуля... Артур... — Баркер закашлялся и смялся лицом. — Ты... Ты это. Я теперь твой должник. Проси что хочешь. Вот прям сейчас и проси!

— Ох... Увольте, Генри. Днем бы раньше. Попросил бы. А теперь мне от вас совершенно ничего не нужно. Выздоровливайте поскорее.

— Ну нет, Ходуля. Ты что! Так не пойдет! Я, знаешь ли, джентльмен. Не знаю, как в Лондоне, а у нас в Чикаго джентльмены долги возвращают всегда! Даже карточные. Даже если это двадцать долларов. Был у нас такой случай... Джимми

Гуталин задолжал одному макароннику как раз двадцать долларов. Поспорил на какую-то дребедень, проиграл, а мелочи в кармане не оказалось. Пообещал отдать на следующей неделе, а макаронник возьми да и загреми на всю катушку. Да еще без права посещения. Вот ты скажешь, что такое двадцатка... Да? Опять же, кто такой Джимми Гуталин? Джимми Гуталин — вор и убийца, отброс, так сказать, общества... Приличный человек, вроде тебя, Ходуля, не станет с таким сидеть за одним столом. К тому же черный. Но Джимми — джентльмен. И вот Джимми знает, что за его голову копами назначена кругленькая сумма и что, если его вычислят, болтаться ему в петле, но Джимми — джентльмен. Поэтому Джимми надевает костюм, шляпу и едет в Питтсбург, где сидит тот итальяшка... Там Джимми грохает булыжником витрину и попадает в соседнюю с макаронником камеру, заплатив за это, между прочим, много больше, чем двадцатку... Правда, макаронника зарезали через неделю, но долг Джимми вернул. Так что, Ходуля, проси что хочешь. Долг есть долг.

Нет! Все же не потому, что выражение лица Красавчика было таким несчастным, как у ребенка, которому пообещали, но так и не выдали лакричный леденец... Не потому Артур согласился. Просто Красавчик, сам того не подозревая, дал Артуру подсказку... Отличную подсказку... Да просто блестящую! Ничего подобного! Вовсе не намеревался майор Уинсли нарушить приказ командира. Генерал Милн приказал закрыть дело Норфолкского полка — что ж, отлично. Слушаюсь, сэр! Но долг джентльмена обязывал Артура вернуть командиру батальона один дробь пять полковнику Бэшему те тридцать фунтов, что он когда-то просадил ему в покер.

— Где Жужелица, Генри? И не задавайте вопросов...

— Э-э-эх... — поперхнулся Красавчик. Почесал глаз. — Жужелица?

— Да. Жужелица... Такая усатая. Ну?

— Еще пять лет назад в Москве была... Тебе как? С именами?

— Не тяните. Долг есть долг.

— Чадова Дарья. Тысяча девятьсот второго года рождения. Москва. Россия.

— Чадова? Москва?

Красавчик никак не мог понять, отчего это Ходуля хохочет, словно сумасшедший. К тому же чертовски болела голова, хотелось спать, и жалко было Малыша Стиви, который сейчас неизвестно где, сыт ли, в тепле ли... Но Малыш все же Баркер, поэтому справится. А вот маленькая мисс Алэу... Маленькая рыжая остроносая мисс...

Ноябрь в Константинополе дождлив и ветрен. Ночами особенно. В ночь не всякий капитан выйдет в открытое море, но Сули-капитан — лучший в Кабаташе, а его фелюга «Гюльдениз», как покладистая жена, слушается хозяина беспрекословно. Не капризничает, не шалит. Даже если на борту женщина. Хотя, ну какая она женщина — так... утка бестолковая. Ну надо же было перепутать причалы — Кабаташ с Бешикташем. Совершенно же разные слова! Ничего общего!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

О городах и людях. О лошадях и медведях. О войне

Крымский полуостров, начало декабря 1919 года

Медленно стекала за перевал вечерняя заря. Дул норд-ост. Однако в Крыму не по времени было тепло, и на солнечных склонах даже цвела магнолия. Измученные до одури двухнедельным бездельем «казачки» атамана Люта выбрались из «реквизированной» у местного дьяка хаты, подальше от тюфяков с клопами, и разбрелись по широкому двору.

Сам атаман еще в ноябре поехал в Екатеринослав к Батьке Махно, наказал бойцам без него по округе не шалить, сидеть смирно — тутошних мужичков не трогать, баб с девками не тискать, разве что чуть-чуть, да помаленьку вытряхивать из сельчан овсянца для лошадок и себе какой-никакой харч. Харч вытряхнули, а лошадок сменяли на самогон. Всех до единой. Скучали смертельно — нешто таким молодцам пристало просиживать штаны до прорех? Но бросать атамана покамест не думали. Ждали, что тот вот-вот вернется и двинут они тогда все вместе либо на север к красным, либо останутся здесь — у белых. Кто первый приветит, к тому и примкнут. Тяжела и сурова оказалась вольница. За осень потерял Лют ни много ни мало сорок с лишним человек — нарвались сперва на передовой отряд буденновской конницы, а в ноябре чуть

не попали в руки к слащевским головорезам. Разбитый в пух и прах, злой и почти потерявший надежду на то, что все еще может выправиться, атаман решил на время отойти в сытые крымские места, поближе к Симферополю. Там откормиться, подлатать тачанки, обзавестись новыми лошадьми и оружием, по возможности добрать бойцов. Но оказалось, что до Люта тут уже неплохо поживились другие, и хоть скрывали хуторяне по хлевам кое-какую скотину, выжать из ларей и закромов особо было нечего. Хлопцы волновались. Кое-кто подумывал дезертировать, кто-то уже улизнул, прихватив узел-другой добычи из спасенного обоза, а матерым одиночкам, которых дома никто не ждал, да и дома-то никакого не было, выбирать не приходилось. Как в песне. «Куда атаман — туда и лихоман». Вот только лихоманов у Люта осталось по пальцам пересчитать — из прежних полутора сотен всего семеро.

— Диду, а диду, чи в тебе горилка е? — уцепив веселым взглядом суетливо спешащего от флигеля к воротам дьякона, загоготал кудрявый лихой молодец.

— Нету горилки... Откуда ж взяться ей?

— Так ты помолись, отче. Попроси, — тут же почуял забаву тощий, похожий на латыша блондин в пенсне. — Ты как считаешь, есаул, откажут дьякону или не откажут? Не должны. Человек он все же верующий, не то что мы с тобой...

— Тьфу... — не удержался дьякон. — Совсем совесть потеряли. Безбожники.

— Ось як... — Кудрявый приосанился и загнусавил громко и противно: — Вера в Бога сама по собі абсурдна, тому сути в ней немає. Суть может бути в чогось зрозумилого, що можно объяснить словами чи потребить внутрь. В горилки, к примеру. Но я ж разве супротив Бога? Я ж за чоловічий дух, а який дух без горилки?

Есаул лениво заржал, выгреб из кармана горсть каленых семечек, защелкал громко, словно клест. К сумеркам грозило

похолодать, но возвращаться в душную прокуренную хату не хотелось. Вышли бы бойцы до села, прогулялись бы по улице к церкви и назад, полюбовались бы на девок, но атаман приказал сидеть на месте, а главное — с арестованных глаз не спускать. Арестованных — мальчишку, по всему из деникинцев, и особенно долговязого англичанина — Лют думал сторговать Нестору Ивановичу за немалые гроши. Что эти двое — птицы важные, сообразил атаман по тому, как гнались за ними махновцы, живота и коней не жалея. Беглецы вовсе отстреливались, только куда им против дюжины отлично вооруженных бойцов, тем более что каурая под долговязым всадником сильно хромала. Тех двоих Лют тогда отбил. Положил четверых хлопцев, но отбил. Чуйка подсказывала атаману, что вот он — счастливый лотерейный билет. Что не просто так летучий маховский отряд, в котором мелькали хорошо знакомые атаману рожи, промышляет далече от Гуляйполя. Что не стреляют по двоим улепетывающим всадникам тоже не из-за человеколюбия, но хотят взять живыми. А раз кто-то так сильно понадобился батьке, то ему, Люту, поподробнее об этом разведать сам бог велел.

О ксивы, что нашлись при беглецах, Лют даже руки марать не стал — фуфло, а когда хлопчик, от которого за версту несло юнкерщиной, принялся пургу гнать про глухонемого брательника, разозлился... Да так сильно, что сам не понял, когда и как белому гаденышу ухо шашкой отхватил. Тут-то «глухонемой» и обрел дар речи, прямо как по Писанию. Оказалось, англичанин... Долгими беседами о поэзии Шекспира под луной Лют морочиться не стал, все одно правды не добьешься. Приказал обоих связать, в обоз и с собой в путь-дорогу. Хотел сперва все же потрясти, вдруг что разведает про батькино золотишко, а потом еще лучше придумал — продать пленных тому же батьке за большие деньги. К Нестору Ивановичу атаман поехал говорить ровно по этому делу. «Чтобы волоса

с головы англичанина не упало», — приказал есаулу, которого оставил вместо себя. «А барчука?» — спросил тот без любопытства, но по-деловому. Так обычно спрашивают дорогу туда, куда сильно торопятся, поэтому на политесы времени совсем нет. «В расход, — подтвердил предположение есаула атаман Лют. — Хотя погоди, пока я не ворочусь... Чай не обожрет за неделю».

Прошла неделя, потом вторая. Есаул годил. Пленников не обижал и остальным не позволял, хотя ребятам хоть какое-никакое развлечение. Держали господ арестантов в баньке, заперев дверь на амбарный замок и выставив рядом часового. Арестанты пробовали поначалу бузить и подкапываться, получили от есаула за безобразия пару незлых, но чувствительных тычков «маузером» в челюсть и успокоились. А чего суетиться понапрасну? Банька крепкая, новая, а часовой, хоть частенько выпимши, — начеку и, если что, не промажет. Только поспешил бы атаман... Силушки уже нету сидеть сложа руки и от тоски биться в «дурака» на дутые «петлюровки» да «махновки»... Или, мож, таки кинуть все к чертям да пойти куда глаза глядят, в горы или степь, собрать таких же лихих молодцев... Э-эх! Тоска! Такая тоска, что хоть волчарой вой!

— Гляди-ка, есаул. Это кто же у нас тут такой за неожиданный вечерний гость?

Есаул отвлекся от семечек и мрачных дум. Ворота приоткрылись, и в образовавшуюся щель втиснулась улыбающаяся голова. Голова была в треухе, не слишком умытая, но чернобровая и белозубая — не то цыган, не то армянин, не то татарин — разве разберешь.

— Синьоры господа товарищи анархисты? Позвольте представиться... Укротитель и престижиджитатор Джакомо Леопарди к вашим услугам... Демонстрирую уникальнейший номер, у самого Труцци имевший три сезона колоссальный успех — дамы падали в обморок от восторгов, в Одессе Малевич умолял

меня, стоя на коленях, звал к себе в антрепризу... Си, синьоры?

— Ну? Не тяни... — Очкастый поднялся с завалинки. Потянулся к кобуре. Удивился, когда не обнаружил на себе портупей. Еще больше удивился, вспомнив, что оставил ее в доме.

Есаул отчетливо вдруг подумал, что, если кому-то понадобится, их тут всех до единого перережут как цыплят в курятнике. Надо бы выставить за ворота человечка для порядку.

— Гляжу, у вас тут, синьоры товарищи господа, лошадок на свободном выпасе не наблюдается. Это хорошо... Это бене. Так мы тогда это... Войдем? — И, не дождавшись ответа, распахнул ворота шире. — Антре, Джульетта!

Большая бурая медведица вошла во двор, позвякивая тоненькой и на вид совсем ненадежной цепочкой, другой конец которой был дважды намотан на запястье «укротителя и престижизитатора». Укротитель дернул за цепочку, поклонился. Медведица помотала башкой.

— От расстрелов идет дым — то Махно спасает Крым, — запел визгливым, но не лишенным мелодичности голосом укротитель, прихлопывая в такт ладонями. Медведица печально покосилась в его сторону и... легла. Казачки заухмылялись, подтягиваясь поближе.

— Не хочет плясать! Не уважает нас твой Топтыгин...

— Уно моменто, синьоры анархисты. Айн момент!

Синьор Леопарди стащил с головы треух с косо прикрепленной корниловской «адамовой головой», плюнул на нее, тщательно потер рукавом бушлата. Полюбовался результатом. Медведица следила за хозяином пристально и недобро. Незаметно для других укротитель вытянул из-за подпоротой подкладки треуха металлическую маленькую фигурку. Погладил ее пальцами, посоловел взглядом, словно одним махом опрокинул стакан самогону. И тогда медведица неожиданно легко поднялась на задние лапы, неестественным образом

выпрямилась и принялась выделывать странные, уродливые коленца.

— Бачиш, що творит, сатана? — Усатый белотелый казак, красивый, лысый с иссиня-черным оселедцем, в ватном жупане и красных штанах, загоготал и толкнул локтем хмурого есаула.

— Гоп, дивчина, не журися, в Махна гроши завелися... Опа, опа. Джульетта, алле!

Медведица пошла вприсядку.

— Отчего он ее мучает? Смотреть на это невозможно... — Подпоручик Чадов прижимался носом к крошечному окошку под самой крышей, балансируя на неловком табурете. — Отвратительно. Ненавижу цирк именно из-за этого! Презираю... Знаете, Артур, мы в Москве часто ездили на птичий рынок... Весной. Есть такие особенные дни, когда в России принято выпускать на волю певчих птиц... Добираешься до рынка на конке, там ходишь долго, глазеешь по сторонам. Потом покупаешь щегла или дрозда за гроши, открываешь клетку... Лети! А он не хочет. Боится воли. Представляете? За неделю привык к тюрьме... Улетает потом, конечно. Прямо из рук выпархивает в небо, только нужно повыше его подкинуть. Упоительное ощущение! Ты сам — крошечный еще человек — даришь другому маленькому существу свободу!

— Да... Наверное, понимаю. — Уинсли прекратил отжиматься, отряхнул ладони и направился к бочонку с ледяной водой. — Хотя большинство маленьких существ после знакомства со мной обыкновенно погибали. Дед мой, видите ли, любит охоту. Я не слишком хороший охотник, но все-таки это национальный спорт. С другой стороны, смерть — та же свобода... в каком-то смысле. Кажется, я сейчас сказал пошлость... Так что там снаружи, Алекс? Отчего гвалт?

— Цыган какой-то. С медведем. Медведь пляшет. Хотите взглянуть?

— Пожалуй. Тут все равно с развлечениями дела обстоят так себе...

Чадов соскочил с табурета, уступив место майору. Майор усмехнулся, отставил табурет в сторонку, поднялся на цыпочки и приник к стеклу. Представление во дворе было в самом разгаре. Сплясав трепака и «барыню», медведица демонстрировала гогочущим казакам «бытовые трагикомедии и драмы по желанию зрителя».

— Кажи, Жульета, дивчина як портки стирає?

Медведица низко нагибалась, подрагивая крошечным едва заметным хвостом, и начинала сучить передними лапами и притоптывать. Хлопцы покатывались со смеху, сгибаясь чуть ли не пополам.

— Попа! Попа кажи давай п'яного!

— Не. Эта-а. Нехай каже, як козак до витру поїшов.

— На черта нам козак? Бабу? Бабу пусть в кустах!

— Джульетта, антре!

Медведица степенно выполняла все заказы и, хоть выглядела по-звериному неуклюжей и уморительной, все же творила совершенно невозможные даже для блестяще выдрессированного животного вещи. Артур с интересом следил за происходящим во дворе и одновременно размышлял. К цирку он пристрастия не питал, разбирался в нем мало, считая развлечением для простолюдинов. Однако догадаться, что дело не только в мастерстве укротителя, было несложно даже тому, кто ни разу не видел пляшущих мишек и говорящих пуделей. Артур вдохнул поглубже — затхлый, пропитанный запахом пота, вони и кислой еловой смолы воздух заполнил его легкие. И стоило едва прикрыть глаза, как сразу же замелькала, закуражилась сиреневыми быстрыми всплесками реальность.

— А ведь у цыгана-то Медведь, — произнес Артур вслух. Произнес медленно, словно тщательно что-то обдумывая. Дающая способность управлять животными вещица — Медведь — считалась одной из самых мощных, и то, что она оказалась здесь, на самой окраине чертовых куличек, определено было не простым стечением обстоятельств. Сесилия углядела бы в этом «великодушную длань судьбы», «мистическую предопределенность» или еще что-нибудь не менее книжное и тошнотворное, Артур же предпочел не тратиться на метафизические экзерсисы — не все ли равно, каким образом очутился здесь этот цыган с медведем. С медведями... Главное — как теперь Медведем воспользоваться. Как? Артур отодвинулся от окна.

— Да. Медведица, точнее. Несчастное животное. И ничем от нас с вами, Артур, не отличается. Неволя, печальная судьба, зависимость от человека грубого, без каких-либо представлений о доброте и чести. По мне, предпочтительнее смерть, чем такое стыдное существование! — Подпоручик покачал забинтованной кое-как головой.

— Алекс, да погодите вы раньше времени сочинять эпитафии, — рассмеялся майор. — Я слышал, что вы, русские, многословны, чувствительны и э-э-э... идеализируете страдания, но не слишком верил. Про всех что-то говорят. Говорят, к примеру, что мы, англосаксы, способны даже на подлость, если сумеем убедить себя, что это не подлость, а долг... Ну? Как вам такое? Хотя в какой-то степени я готов согласиться с тем, что всякий англичанин пропитан чувством долга, как бисквит коньяком... Черт, я бы сейчас с радостью выпил коньяка, а вы?

— С огромной! — заулыбался подпоручик и подтянул повыше ватное одеяло, в которое он все это время кутался. Дрова кончились еще три дня назад, баня давно выстыла, и каждое сказанное слово сопровождалось плотным клубочком пара, отчего Саше Чадову иногда казалось, что он похож на средневекового мага. В длинной лоскутной мантии на плечах. Полному

соответствию немного мешали клопы, которыми одеяло просто кишело, а выпросить у казачков керосину и хоть чуть-чуть потравить кровопийц не удалось.

— Непременно выпьем. И очень скоро. Как вам «Мартель»? Я вас в эту перепалку затащил, мне вас и угощать.

— Ну что вы... Майор. Вы ни при чем. Судьба... На все воля Божья, — заволновался подпоручик.

Артур промолчал. А что мог он ответить? Что утешения и оправдания ему ни к чему, что чувства вины он не испытывает, но что судьба здесь тоже замешана весьма опосредованно, как и Бог... Что если бы не его опрометчивое обещание привезти Баркеру злополучную Гусеницу, они с подпоручиком давно уже добрались бы до Москвы. Они бы не торчали третью неделю в плену у лихих лесных разбойничков, голодные, избитые, без оружия, денег, документов и, что самое важное, без малейшего представления о будущем. Артуру исполнилось двадцать восемь, пять последних лет сожрала проклятая война, которая научила его смотреть на вещи прямо и быть с собой откровенным. В то, что из передраги получится выбраться живыми, Артур не верил. Дед, окажись он здесь, в этой убогой дровяной избушке со ржавым, прикрытым дощечкой ведром в углу, сказал бы: «Джентльмены не отчаиваются, Артур». В общем-то, здесь дед мог бы и промолчать. То, что близкая смерть — не повод для отчаяния, майор Уинсли понял давно. Но вот обещания, которые никогда не будут выполнены, и долги, что не выйдет отдать... Артур хмыкнул в отросшие за две недели усы. Бисквит, пропитанный коньяком, говорите? Что ж, пусть так.

Еще мальчика этого, подпоручика Сашу Чадова, Артуру было жаль. Совсем бестолково, ни за что пропадет подпоручик. Пожить не успел. Погулять, посмотреть на мир. Свою кузину Дашу наверняка даже не поцеловал ни разу. Да и когда им было, расстались совсем еще подростками.

Фотографию семьи подпоручика Артур видел еще в Севастополе. Счастливые, спокойные лицами и глазами люди. Дети застыли, уставившись в объектив, полный улыбчивый господин в пенсне теревит газету, красивая дама с чайником в руках что-то говорит хмурой старухе... «Это мама Нянюру распекает, за то что та опять чай... женила, — улыбнулся Саша, а на недоуменный взгляд майора немедленно разъяснил, посмеиваясь: — Нянька Дашина... Очень принципиальная особа. Считает, что дважды одну и ту же заварку кипятком залить — хуже не будет. Зато какая экономия! Вторую заварку у нас называют «женатой», представления не имею почему. С газетой — это отец. Курносый с оттопыренными ушами — братишка младший. А вот и Дашута, смешная такая, совсем как мальчик... И еще тут с краю Бессонов — случайно попал, случайный человек, но презабавный из себя». «Замечательная семья у вас, Алекс», — Артур вдруг подумал, что он давно потерял фотографию старого Уинсли... В Александрийской казарме? В госпитале? Или где-нибудь на бивуаке? В Галлиполи? В Дамаске?

А может, и не потерял, может, она спряталась среди бумаг и все это время путешествовала с ним. Застряла между блокнотом для записей и последним так и не распечатанным письмом Сесилии. Лежит себе преспокойно вместе с несессером, недочитанным Моэмом и остальным бессмысленным скарбом. И будет храниться там, где он ее оставил месяц назад, долго, возможно, всегда. В несгораемом шкафу одного из бесчисленных кабинетов здания городской управы. В Севастополе.

В Севастополь майор Уинсли и подпоручик Чадов прибыли из Константинополя второго ноября утром и прямо с корабля направились в городскую управу, чтобы там получить от доверенного человека его превосходительства последний

инструктаж, забрать фальшивые документы, переодеться в штатское и немедленно пуститься в дорогу.

Несмотря на ранний час, город уже проснулся и гудел настороженно и тревожно, словно чего-то ждал.

— Молебен сегодня на Нахимовском, что ли? — старая, в неряшливо повязанном платке баба, проходя мимо долговязого английского майора, скривилась лицом, как будто наступила босой ногой в навоз. — Все молятся, молятся... Грехи замаливают, лучше б людям хлеба дали. В гастрономе у Ичаджика вчера за банку варенья беременную пырнули прямо в живот заточкой... Продали Россию! Тьфу.

Она харкнула, стараясь попасть майору прямо под ноги, а лучше на нос ботинка. Прوماхнулась.

— И молебен, и парад... А ты, чай, не большевичкой ли заделалась, Матреш? Ну, тады маленько погоду... Бают, через неделю-другую можно красных туточки ждать. Папирос не желаете купить, господин офицер? Помогите русскому матросу с потопленной британцами боевой субмарины «Нарвал»! — Чубатый неприятный человек в виднеющейся из-под расстегнутого бушлата тельняшке подскочил к Артуру и забежал вокруг него, заискивающе глядя прямо в глаза.

Артур посмотрел вопросительно на молодого подпоручика. Тот, жарко краснея, шарил по карманам, разыскивая деньги. Нашел смятую двадцатипятирублевку, сунул в протянутую ладонь продавца, схватил у него пачку и почти бегом пошагал дальше. Артур последовал за ним, озираясь по сторонам. Станным оказалось ощущение от этого незнакомого черноморского города. «Спешка? Нет... Не спешка. Не суета. Амок», — возникло в голове слово. В самом деле, ощутимая в каждом жесте или взгляде настороженность была какой-то излишне рваной, неуверенной и торопливой. Так неумелый воришка-форточник мечется по углам, хватает из шифоньеров вещи, а сам слышит уже топот полицейских по лестнице.

И хотя прогуливались по аллеям дамы под руку с офицерами, хотя бегали по лужам, хохоча и дразнясь, дети, хотя в церквях шли службы, а магазины были все еще открыты, ощущение большого собирающегося вот-вот затонуть пассажирского судна было таким отчетливым, что невольно самому хотелось спешить к спасательным шлюпкам. Соотечественников на улицах Артур почти не увидел, зато везде очень много было французов и греков. Повсюду местные, собравшись небольшими стайками, громко спорили, размахивали транспарантами, лезли то на столбы с криками, то друг на дружку с кулаками, потом братались и шли дальше, чтобы остановиться и начать все заново. Совсем близко раздавались одиночные выстрелы. Цокали по мостовой копыта. Шарманщик с непременной плешивой обезьянкой бродил по проспекту туда-сюда и все крутил и крутил одну и ту же захлебывающуюся мелодию.

Возле высокого, во французском стиле, здания гостиницы, на ступенях которого толпились щеголеватого вида господа и дамы, подпоручик остановился. Артур едва не влетел ему в спину, потому что как раз задумался о том, что последний его примечательный роман закончился год назад в Дамаске, и кто знает, с кем и где теперь та легкомысленная инженерю с кольцами темных каштановых волос на висках и затылке.

— В чем дело, подпоручик? Мы на месте?

— Нет. Еще нет. Майор... Погодите... Погодите ради бога! Я сию секунду. — Подпоручик, порозовевший, словно девица, трогательно хлопал длинными ресницами и умоляюще глядел на Артура. — Вы же подождете? Это много времени не займет, только возьму для кузины автограф... Боже! Тут и Кока Хоботов! И Марадудина! И сам Вертинский... Майор, это же сам Вертинский. Великий наш актер, певец и поэт. Дашута шапочку свою кроличью съест от зависти. И муфточку заодно. Но я, конечно же, сначала подразну, а потом отдам ей карточку. Она его обожает! Вы же подождете, майор?

— Дерзайте, Алекс. — Артура трогала юношеская пылкость подпоручика. Ах, неведомая барышня Даша, догадываетесь ли вы, как вам необыкновенно повезло?

Артур не без удовольствия наблюдал за тем, как подпоручик почтительно беседует с высоким, примечательной внешности господином, и все никак не мог отделаться от ощущения, что где-то уже встречал это тонкое, чуть выпренное лицо...

— Все. Благодарю, майор! Вы даже не представляете, как это мило с вашей стороны... Нам направо, в переулок.

— О! Конечно же! Александр Вертинский. Пьеро... — Артур хлопнул себя ладонью по лбу. — На днях наткнулся на его афишу в Константинополе. У него там гастроль? Или все же эмиграция?

— Да нет... Не знаю, — стушевался почему-то юноша и неуклюже, но быстро перевел тему. Впрочем, с новой темой получилось куда более неловко. — Я все пытаюсь понять, майор... Ну неужели я бы не справился сам? То есть не подумайте, ваша компания мне приятна, но ведь безопаснее было бы отправить в Москву меня одного... Все же вы иностранец. Нет, я не сомневаюсь и не трушу. — Подпоручик запутался и из нежно-розового стал просто свекольным. — В общем, я не понимаю. Сперва в Константинополь, потом обратно... Только потеря времени. Недальновидность какая-то. Хотя, конечно, так не положено думать... И я не намеревался вовсе так выразиться.

— Тихо, тихо, Чадов. С такими-то щеками и мыслями вас скоро можно будет на большевистские митинги водить вместо транспаранта. Для удобства давайте сойдемся на том, что мы с вами — солдаты. И не наше с вами дело, кто там наверху о чем и как договаривается. Им в штабах решать, нам в окопах стрелять. Больше никаких разговоров о политике! Тем более что я в ней ни черта не смыслю. Для бесед двух джентльменов отлично подходят женщины, лошади и спорт! Договорились,

Алекс? Кстати, позвольте мне называть вас Алексом? А с вас я за это возьму слово, когда мы не на фронте и не у начальства, звать меня Артуром... Ну?

— Согласен, — благодарно закивал юноша. — А хотите... майо... Артур, я покажу вам фотокарточку, где вся моя семья. Ужасно соскучился. Целых два года ни письма, ни весточки. Хотя я пишу маме регулярно, правда, не отправляю. Может и дойти, но вдруг попадет в чужие руки... Не хочу! Вот. Смотрите. Мы в шестнадцатом на даче. Кстати, это здесь, в Крыму. Отсюда верст сто шестьдесят — можно за полтора дня верхом добраться, если двумя лошадьми.

Артур вертел в руках фотокарточку, сделанную фотографом-любителем, задавал подпоручику какие-то обычные в таких случаях вопросы, а сам думал о своем нынешнем задании. Говоря, что он ни черта не смыслит в политике, Артур, разумеется, лукавил. То, что Британия поддерживает Деникина провиантом, оружием и деньгами, известно было в комиссариате каждому денщику. Ходили слухи про сто миллионов фунтов стерлингов, которые Черчилль якобы перевел белому генералу. Но в это Артур склонен был не верить. А вот про двенадцать переданных в Крым танков знал наверняка. И понятно было, что расплачиваться русским за танки и снаряды было нечем... Нечем ли?

Люди, не связанные тесно с Вещами, знающие о них лишь понаслышке, часто недооценивают их силу, не осознают тех возможностей, которые получает владелец... Иногда же просто побаиваются. Здесь не так уж они и не правы, но все же передача пусть даже союзнику, пусть взамен на так необходимое оружие и медикаменты нескольких предметов — не самая блестящая сделка, а сторона, которая генерала к такой сделке принудила, — не лучший союзник... Стоп, остановил сам себя Артур. Женщины! Лошади! И спорт! «И Малыш Стиви», — голосом Генри Баркера проверещало подсознание. Тут же

к Красавчику присоединился сэр Артур Уинсли-старший собственной персоной: «Ты обещал Гусеницу, а джентльмены, как известно... не нарушают своих обещаний». Артур мысленно послал деду небольшое, но действенное проклятие. Потом помешкал секунду. И послал такое же мистеру Красавчику. Просто на всякий случай.

— А Топловское? Это ведь тоже не так далеко? — Артур очень тщательно выговаривал слово «Топловское», предполагая, что, произнесенное с английским акцентом, оно будет почти неузнаваемым. И не то благодаря стараниям Артура, не то из-за природной смекалки его собеседника подпоручик сразу догадался, о чем речь.

— Ага! От нашей дачи — рукой подать. Даша, когда на нас дулась, уходила как раз в тамошний монастырь. Правда, так ни разу и не ушла дальше калитки.

— Я тут подумал, Алекс... Нужно сделать небольшой крюк. Мне просто необходимо в это Топловское срочно заглянуть. Трое суток придется, конечно, потерять, но, поверьте, дело чрезвычайной важности. Наверстаем. Клянусь, что если мне вдруг понадобится на вашу... как это... Камчатку, я вас с собой не потащу.

— Это вы к матушке Февронии? Да? Это из-за Предметов... Вещей... Нет-нет, не подумайте, что я что-нибудь выведать хочу. Не мое дело. Поедемте, конечно. Потом наверстаем, — закивал подпоручик. — Маршрут у нас простой. Отсюда до Симферополя бронепоездом, там на узловой пересядем в теплушку... Хорошо бы одним разом до Харькова или даже Орла дотянуть. Дальше, правда, придется потруднее, но можно у местных и коней поискать, если красные не всех забрали... А если повезет, то и там тоже паровозом, правда, патрули... Но сейчас везде патрули, какие-то проверки, аресты, и заранее лучше не планировать. Любая случайность — все планы летят к чертям...

— Да. Бессмысленное занятие — строить планы... — засмеялся Артур. — Но, как говорил один мой давний знакомый, «случайностей не бывает...». Алекс! Вот теперь мы действительно уже на месте? И, кажется, я заслужил похвалу.

Майор Уинсли не без гордости зачитал вслух сделанную кириллицей надпись. Те уроки русского, что Артур вытребовал у подпоручика, пока они плыли из Константинополя, не прошли даром.

В угловой кабинет их проводил молчаливый татарин, военную выправку которого не смогли скрыть ни мешковатые штаны, ни неряшливая блуза с накладными заплатами на локтях. Сгорбившийся за конторским большим столом мужчина отпустил провожатого и, не ответив на приветствие майора, движением подбородка пригласил того сесть.

— Майор. Подпоручик. Я жду вас здесь уже десять минут.

— Простите, ваше...? — Подпоручик осекся, поймав едва заметный запрещающий жест ладонью. Замолчал.

Коренастого сложения, почти бедно, но опрятно одетый человек, сидящий напротив Артура, выглядел нездоровым. Говорил он тихо, отрывисто, часто кашлял. Французский его был хорош, но после пары общих реплик разговор велся на русском, и Чадову пришлось взять на себя роль переводчика. Артур внимательно слушал, но еще внимательнее смотрел на собеседника — и не мог отделаться от мысли, что перед ним его дед. И неважно, что этот русский был низкорослым, бородатым и измученным до синевы усталостью и хворью. Но в голосе его звенела такая же, как у старого Уинсли, стальная воля, такая же ледяная уверенность в собственной правоте... словно он не человек вовсе, а безупречный механизм.

— Вам все ясно, майор?

— Так точно, сэр! — То, что этот «механический монстр» старше по званию, сомнений не вызывало.

— Я слышал от здешних Хранителей, что по вашей вине, майор, что-то такое неприятное произошло лет десять назад... Какой-то очень серьезный промах? Генерал Милн поручился, но мне хотелось самому на вас взглянуть, чтобы понять — еще раз подобного не произойдет. Слишком многое я поставил на карту.

Артур вздрогнул. Едва удержался от неприязненной гримасы. Кажется, про Бабочку не знал лишь ленивый.

— И что же вы увидели, сэр?

— Джокер... — Пальцы его непроизвольно шевельнулись, словно оттолкнули что-то прочь. Так игрок, пасуя, отодвигает от себя неудачные карты. Закашлявшись, он потянулся к стоящему на столе графину, взял его, наклонил над стаканом и, обнаружив, что графин совершенно пустой, зачем-то поставил его на пол возле себя. — Выбора нет. Времени нет... Когда вы намерены выдвигаться?

— Немедленно, сэр.

— Да... Так хорошо. Будьте осторожнее. Не хочу сказать, что кому-то из своего штаба не доверяю... Но... Будьте осторожнее.

Он встал и вышел, не подав на прощание руки. И это тоже так было похоже на деда. Произошедшее не имело ничего общего с невежливостью или высокомерием, но всего лишь означало, что разговор окончен и дальше от Артура ждут безошибочных действий.

— Ведь это...? — Артур обернулся к подпоручику.

— Ага. Он самый. Деникин Антон Иванович. Сухарь и зануда ужасный. Но честен, конечно, до скрипа. И бескорыстен, как Дон Кихот. Артур, я вот гляжу на нашу с вами легенду, так это же черт знает что такое! И смех и грех! Вы только послушайте!

Ничего неожиданного Артур не услышал, но до последнего надеялся, что хотя бы по занятой белыми территории получится

проехать под своим именем и с относительным комфортом, пользуясь привилегиями офицера союзнических войск. Увы. Приказы не обсуждают, поэтому Артур печалился внутри, однако лицо его выражало внимание, почтение и согласие с каждым словом. «Документы, оружие, деньги — все здесь. Сами мы из Москвы. Челядинцы графини Бутеневой. Берейтор и конюх», — подпоручик едва сдержал смешок, но справился с собой и замолчал, поджидая, пока Артур переварит услышанное. «Графинюшка наша матушка умотала в Турцию, мы же, поиздержавшись и не найдя работы, решили, что пора возвращаться в Москву... Вы мобилизации не подлежите, а я — ваш племянник. Едва доставлю вас домой, бегом побегу записываться в красную конницу. Кстати, вам, майор, выбирать — немы ли вы с рождения, оттого что вас контузило на фронте или неудачно упали с лошади. Я бы выбрал лошадь... Лошадка Му-му. Очень по-тургеневски», — подпоручик не выдержал и прыснул.

— Пожалуй, так и сделаю, — абсолютно бесстрастно наклонил голову Артур. — Недуг с рождения предполагает знание азбуки жестов, вряд ли я успею ее освоить. Фронт... может вызвать ненужные расспросы. Лошадь — то, что требуется! Хотя я их всегда слегка побаивался. Видимо, не зря.

— Кстати, нам с вами отсюда верхом ехать придется... Вот так да-а-а! Сюрприз! Думаю, они в штабе все переиграли из-за вечной своей паранойи. В каждом втором шпиона видят. Сперва вслух заявляют одно, потом за закрытыми дверями решают совсем другое...

— У нас все точно так же, — поморщился Артур. — Ладно. Лошади так лошади. Ненавижу ездить верхом, но ведь до этого Топловского иначе и не добраться, верно?

— Верно... А лошадок нам с вами приготовили. Если у вас нет вопросов, то ваша Муму ждет вас в конюшне на заднем дворе уже под седлом. Каурая. Обе каурые. Выбирайте ту, что больше по душе.

— Фу. Отвратительная масть. У Д'Артаньяна, помнится, именно из-за нее происходили сплошные неприятности. — Артур подмигнул ободряюще погрузневшему подпоручику и поднялся, обозначая тем самым, что вопросов у него не осталось и можно, переодевшись в конюха графини Бутеновой, отправляться в путь. Только сперва все же пообедать.

Шутки шутками, а ведь оказался прав. Если бы не потерявшая подкову каурая, они бы, поднатужившись, ушли от погони. А так у них даже шанса не было. Почти добрались до места, как захромала лошадь. Подпоручик тут же вспомнил, что при монастыре есть кузня, потом потребовал с Артура обещание, что они заглянут на бывшую дачу и пляж, куда Саша Чадов с младшим братом бегал по утрам втайне от взрослых. Артур зачем-то поделился с подпоручиком тем, что не умеет плавать... И тут на них напали. Вряд ли поджидали в засаде, скорее, шли следом на небольшом расстоянии, но это уже не имело значения.

— Махновцы! Точно, они... Какого черта они тут позабыли! Артур... Хлыста ей!

— Не уйдем. Отстреливаться...

Их с двух сторон зажали в лощине и погнали вперед, почему-то не стреляя. Махновцы мчались, нахлестывая своих коней нагайками и подгоняя шпорами. Они кричали, улюлюкали, размахивали шашками и походили на варваров, но совершенно лишены были того царственного благородства, которое историки любят приписывать германцам. Почти на всех всадниках были надеты цветные, скоморошьего вида фуфайки и невероятной ширины шаровары, перетянутые красными кушаками, концы которых свисали почти до земли.

Артур снял из маузера двоих преследователей, одного подстрелил насмерть подпоручик, но дело было швах, и оба это

понимали. А когда навстречу вылетело еще десятка три башибузуков в бурках и папахах с зелеными околышами, Артуру Уинсли ничего не оставалось, как направить свою Муму (на самом деле звали лошадь Юноной, но Муму ей подходило куда больше) прямо на них. Патронов в магазине давно не осталось, и майор рассчитывал, налетев на противника, спихнуть кого-нибудь из седла на землю, а там как выйдет. Есть нож, вокруг полно острых камней, и руки тоже, слава богу, пока на месте. Погибать, что ни говори, всегда приятнее в компании врагов. И чем больше такая компания, тем тоньше удовольствие. Артур рванул поводья, Муму встала на дыбы, а потом обрушилась вниз...

— А-а-а... Рубай его!

— В башку пуляй!

— Не стрелять! Брать живым! Есаул! Остальные за мной!

Борясь на земле с толстым, пропахшим насквозь чесноком и перегаром бандитом, Артур не заметил, как от неожиданно появившегося из-за скалы второго отряда отделилась часть и помчалась вслед за улепетывающими «скоморохами». Артур оттолкнул потяжелевшего вдруг противника в сторону каким-то совсем обыденным быстрым движением. Будто бы он не в последнем своем бою, а где-нибудь в поместье Эгертонов охотится на лис. Вытер лезвие о рукав и огляделся. Вовремя. Волчьей мягкой походочкой надвигался на Артура ухмыляющийся человек, поигрывая обнаженной шашкой.

— Шож ты, гада такая буржуйская, маво дружочка забил? А?

— Этого живым брать, кому сказал!

Артур невольно перевел взгляд туда, откуда раздался окрик. И обнаружил, что молодой подпоручик жив, но сильно избит и привязан длинным ремнем к седлу, седло это находится на спине вороного коня, а в седле, словно блоха на подушке, ерзает блеклый худенький человечек вида безобидного, почти ангельского.

Впрочем, когда этот миниатюрный херувим одним махом отсек подпоручику ухо, Артур в который раз убедился в том, что внешность обманчива, и решил не перечить. Будь он один, он бы... Если откровенно, будь он один, он тоже бы решил не перечить. Потому что гордость гордостью, а до тех пор, пока существует хотя бы мизерная возможность выжить, надо бороться. И верить в «великодушную длань судьбы», «мистическую предопределенность» и в языческого солдатского божка по имени Опять Повезло.

— Будем пить с вами «Мартель»! Договорились. Кстати, не пора ли вам, Алекс, сменить повязку? Сколько дней вы в одних и тех же бинтах?

Станным показалось подпоручику это выражение дружеской заботы. Майор спросил про бинты равнодушно, даже не повернувшись к собеседнику. Зато продолжал внимательно разглядывать двор, цыгана и кружащуюся под гогот и аплодисменты публики медведицу. Застань Артура сейчас кто-нибудь из знакомых за этим занятием, в жизни бы не согласился поверить, что майор с такой жадностью внимает изысканным па «медвежьего кордебалета». Но внимал ведь. Еще как внимал.

— Да я только вчера сменил... Теперь свежих бинтов дня три не допросишься.

— А вы все же попросите, Алекс. И когда станете просить, как-нибудь умно донесите до ушей, а главное, мозгов нашего цербера, что вы давно знакомы с тем цыганом, что снаружи... Ну, скажем, что он ваш однополчанин.

— Кто однополчанин? С каким цыганом? С циркачом? Зачем? — изумился Саша и на мгновение даже позабыл про нарывающее ухо. — Эти ж... Они ж его тогда... Разбираться

не станут — к стенке или порубят на куски. А человек ведь ни в чем не провинился.

— Как это не провинился? А кто три минуты назад кричал «ненавижу, презираю, свободу бурым медведям»? Не вы разве? Вот и ваш шанс наказать негодяя и отомстить за всех «медведей-велосипедистов», «пуделей-счетоводов» и прочую цирковую угнетенную живность. Ну? Такая возможность есть не у каждого.

— Артур, вы издеваетесь сейчас. Нашли время... — обиделся подпоручик. — Скажите прямо, зачем вам это нужно.

— Долго объяснять. Считайте это приказом.

Подпоручик сморщил нос так, чтобы это выглядело не слишком оскорбительно, но заметно. Артур же предпочел как раз пропустить сморщенный нос и укоризну мимо.

— Слушаюсь... Эй! Эй там! На часах! Человек! Повязку надо бы мне поменять, слышишь! — Подпоручик заколотил табуреткой в дверь.

Звякнула щеколда, дверь поплыла влево. В проеме появился часовой, лениво оглядел арестантов, почесался.

— Бинт нужен. Ухо течет! — Подпоручик повернулся к вошедшему раненым боком. Рана действительно текла сукровицей, бинт повлажнел, пропитался розовым. — И спирту бы для дезинфекции.

— Спирту немає. Бинтов немає, — вяло зевнул и начал было уже прикрывать за собой дверь сторож.

— Нема-ае! Ага. Поди, для поручика Шестакова найдется. И спирт, и разносолы... Выходит, за спиной атамана переговоры ведете. Ну... Это правильно. Сейчас сдать Деникину самое время... Ладно, черт с тобой, нет так нет.

— Який такой поручик? — напрягся часовой. Заворочал мозгами. Артуру показалось, что он даже слышит, как медленно, натужно скрипят в его голове шестеренки, тяжелые и неповоротливые, будто жернова.

— Який такой... Вот такой... — мотнул головой подпоручик в сторону окна. И вытаращив, словно Ван Гог в приливе вдохновения, голубые глаза, добавил: — А вы думали, мы слепые и не разберем, что за Петрушка в гости к вам пришел? Клоун и фокусник? Ну-ну...

— Ось як... — Сторож хлопнул дверью и вылетел вон. Замахал руками, подзывая есаула. Потом жарко зашептал тому что-то на ухо.

Есаул вовсе не был доверчив, зато был предусмотрителен. За те четверть минуты, что он спокойно шел от бани до «итальянца», обходящего с треухом в руках хлопцев (медведица сменяла следом и кланялась), есаул прикинул, что арестантам врать смысла никакого нет. Что даже если этот Леопарди действительно циркач, а не неведомый белый поручик, подержать его денек-другой под арестом никому не навредит. Мысленно есаул спросил совета у отсутствующего атамана. Получил мысленный же ответ «Чай, не обожрет» и остался удовлетворен.

— Хватай басурманина, хлопцы! Медведя до коновязи тащи! — рявкнул и сам тут же навалился на юркого, как намыленный уж, итальянца, придушил того локтем, вминая во влажную землю патлатой головой. Вырвал из обгрызенных до мяса пальцев цепочку, швырнул ее куда-то вбок, но краем глаза следил. И когда увидел, что ее схватил кто-то из хлопцев, успокоился. Хоть медведь и воспитанный, все же не институтка, а дикий зверь. Всякое в голову взбрести может.

Итальянец под локтем попискивал, жадно хватая воздух большими ноздрями, но не сопротивлялся. Видать, не впервой его так заламывали неблагодарные зрители.

— Пошто, господа анархисты? За какую такую вину? Я же укротитель и прежи... пре... прежитатор. Тьфу. Сам Труцци умолял, стоя на коленях, а вы артиста калечите... И Джульетта! Ей же надо кушать! Много кушать... — приговаривал Леопарди, пока его волокли к баньке.

— Овес жрати буде твоя Жульета.

— Не будет она овес!

— Тогда с голоду сдохнет, — процедил зло белокурый бандит в пенсне, похожий лицом и манерами на студента-медика. Поглядел на несчастного, дрожащего «итальянца». Повернулся к есаулу: — Может, завтра допросим? Поздно уже. Покемарить бы.

— Добре. Сполягайтесь, хлопцы! Отбой, — гаркнул есаул на весь двор и первым двинул до хаты.

Ночь выдалась звездная, холодная и медленная. Майор Уинсли то и дело приподнимался на цыпочки, приныкал к окну и пытался разглядеть в темноте силуэт спящего животного. Медведица, кажется, не слишком переживала разлуку с хозяином. По крайней мере, на ее сон это никак не повлияло: она свернулась в большое меховое кольцо возле коновязи и дремала.

— Я не предполагать даже, что вы такой хотеть, синьор майор! Совершенно! Си?

(Кстати, общение на итальянском синьор Леопарди категорически отверг, разрыдавшись и пояснив, что вдали от Сицилии, тем более в неволе, слышать родной язык для него мучительно больно. Впрочем, по-французски Леопарди лопотал бойко, хоть и с ужасающим, но вовсе не итальянским акцентом.)

— Си, господин как вас там... Леопарди. Медведь у вас. Я это прекрасно знаю. И прошу вас... пока еще просто прошу... вывести нас всех отсюда незамедлительно. По крайней мере, попробуйте. Впрочем, у вас ведь выхода-то и нет. Вы же опытный человек и не столь наивны, чтобы полагать, что завтра вас здесь накормят, напоят, удивят, рассмешат... Вряд ли. А вот напугать напугают. До смерти, думаю.

— Нет. Господа анархисты — благородный красивый синьоры. Они говорить, свобода — прекрасная, как звезды, для любой маленький человек, как Джакомо Леопарди, тоже! Да!..

— Не глупите! Где Медведь?

Подпоручик Александр Чадов с недоумением следил за происходящим, старательно удерживая себя от расспросов. Артур поймал его изумленный взгляд и великодушно пояснил:

— Вещь. У этого шута горохового есть при себе отличная Вещь, при помощи которой мы отсюда как раз и сбежим. Так что... скоро будет вам обещанный бокал «Мартеля», Алекс.

— То есть вы... то есть мы... То есть невинного человека вовлекли в неприятности. Артур! Это же... Это непорядочно. Это подло, в конце концов! А если нет? Если вы ошибаетесь? Если мы не выберемся, то его же расстреляют вместе с нами.

— Непременно расстреляют. И что? — раздраженно дернул плечом майор — Никаким образом это не идет вразрез с моим типично английским чувством долга. На войне как на войне, уж простите за банальность. Так что, боюсь, я вам в ваших душевных муках не союзник. Удивительно, что два года войны не выбили из вашей головы эту романтическую дурь. Но... знаете что... Лучше продолжайте таким оставаться, Алекс. Мне достаточно одного приятеля — циника и прагматика.

Артур потер переносицу. Да уж. Мистер Красавчик бы, ни секунды не сомневаясь, начал с мизинца синьора укротителя и закончил другим мизинцем. Хотя, вероятнее всего, уже где-то на среднем пальце Медведь оказался бы у него.

— Леопарди! Они сейчас спят. Все, кроме нашего часового, который тоже, скорее всего, дремлет где-нибудь поблизости. Сейчас отличный момент, чтобы сделать отсюда ноги. — (Вот, стоило вспомнить Красавчика, как уже и выражаешься как он.) — Ну, Леопарди. Решайтесь. Я наблюдал за вами, вы отлично справляетесь с животным! У вас все получится. Главное, бесшумно снять часового и открыть замок. Если с замком не выйдет — все же лапы, я присмотрелся, у нее толстоваты, — тогда нужно вышибить дверь. Это большая, матерая медведица. Ей уже лет пять?

— Шесть... — пискнул Леопарди.

— Вот. Она крупная, тяжелая. Да мы за десять минут отсюда выберемся и все... Вы налево, мы направо. Или... Или простите, но я вас задушу. Обещаю. Надеюсь, вы не сомневаетесь в том, что слово я сдержу. — Артур холодно окинул дрожащего укротителя взглядом, отошел к двери, прислушался. — Храпит. Ну же! Леопарди...

— Я не мочь! — захныкал «итальянец» и прижал руки к груди театральным дурацким жестом. — Я не мочь... Она, если не плясать гопак, если не цирк, не публика, меня не слушать совсем. Вилы, пистолеты, римские свечи или шамборьер — я все пиф-паф, и наказать Джульетту, но только совсем хуже. Джульетта на публику красиво плясать, миниатюр показать, кланять реверанс, кувыркать голова туда-сюда и мотоциклет катать, но кто сейчас любить мотоциклет? Все хотеть гопак! Если нет цирк — Джульетта не хотеть слушать Джакомо Леопарди. Джульетта рычать и сердиться на Джакомо Леопарди. Даже кусать один, два, много раз. Я ведь, как это... Это очень... Очень печальная горе! Я подлец!

Итальянец обхватил голову руками, зарыдал. Потом повернулся к Саше Чадову, видимо догадавшись, что из него слушатель куда более благодарный, чем из сурового англичанина, которому дела нет до чужих страданий, и продолжил уже на русском:

— Ах! Юноша! Я плохой, дурной человек. Я ее украл... Украл у родного брата. Выманил лестью вещь... и увел медведицу. Зачем она ему? Он ведь и так популярен... Выходит на арену — овации. Ему даже ничего делать для этого не нужно — он с рождения уродец. Карлик. Публика, знаете, любит уродов. Люди хотят выглядеть великодушными. А я... я перепробовал все: жонглировал, метал ножи, заклинал змей... И что? Ни-че-го! Ничтожество! Я — ничтожество, бездарь. Мной заполняли антракты... Но едва шпрыхштальмейстер объявлял

его имя... Тут же фанфары. Аплодисменты. Он выезжал из-за форганга верхом на Джульетте, со скрипкой в руках... Гайдн или Вивальди! Маленький печальный уродец весь в белом! Он играл, она танцевала. Это был блестящий номер! Лучший из всего, что я когда-либо видел. Конюхи, униформа, акробатки... сам Поддубный — все рыдали! Я ревновал. Сходил с ума! Думал, ну зачем ему еще и медведица? Он и так хорош! Думал, она со временем ко мне привыкнет. Но медведицы, юноша, как женщины. Они если любят, то одного. И ненавидят тоже — раз и на всю жизнь... или пока не растерзают в клочья.

— Любопытное откровение... — Майор не то не понял, не то просто проигнорировал драматическую часть повествования. — И что теперь делать прикажете?

— Ну... Если синьор майор дать слово джентльмен, то Джакомо Леопарди дать ему Медведь. Чуть-чуть...

— О господи! Вы с ума сошли?

— Вы только что меня сильно пугать. Я теперь немножко хорошо подумать и очень бояться... и вот так решить нашу проблему, синьор майор. Си?

Майор вдруг остро пожалел, что десять лет назад отказался от Божьей Коровки. Сейчас этот болтливый жучок ему бы пригодился еще как. Предложил бы как минимум семь возможностей спасения. Раскрыл бы перед Артуром все карты, включая козырную... Артур вздохнул.

— Да. Слово джентльмена. Где Медведь?

Маленькая металлическая фигурка скользнула в его ладонь.

— Как? Как им пользоваться?

— Ну, можно палец между ух тереть. Или ладонь сильно-сильно жать. Как удобно для синьор майор.

Артур присел на краешек табуретки, помедлил, справляясь с неожиданной дрожью в кончиках пальцев, и опасно погладил медведя между круглых ушей.

И сам
стал
медведем.

Точнее, медведицей. Он лежал, свернувшись кольцом на холодном приятном дерне, он шевелил подвижным крупным носом, он подрагивал хвостом, он сердился на кусачих блох, он спал, но слышал запахи и звуки. Сотни тысяч запахов. Миллионы звуков. Он слышал, как вянет на холмах трава, как зябко перекликаются совы, как в далеком гроте задевает крылом о влажный известняк летучая мышь. Он слышал небо и землю. Он думал, что он тоже небо и земля. И немного море. Самую чуточку. Артур пробовал сначала разобраться, испытывает ли он страх или восторг, или к нему пришло осознание какого-то необыкновенного могущества, на которое у него нет права. Но потом вся эта человеческая болтливая чепуха потускнела, стерлась, и Артура «замедведило» окончательно и бесповоротно. Он чувствовал, что в этом ловком, сотканном из мышц и сухожилий теле он не один. Что существует параллельно ему другая, первобытная сила. И Артур был благодарен за то, что эта сила позволяет ему быть немножко медведем, что его не выталкивают, а наоборот, как будто трогают носом и принимают, что он такое, зачем, почему здесь...

Артур попробовал потянуть лапы и подняться. Страх, что он не справится с моторикой, что вместо легких нужных движений получится безобразный фарс, исчез, сменился уверенностью. И он, и медведица прекрасно сосуществовали внутри одного тела, и, кажется, зверь с удовольствием подчинялся его желаниям и командам.

— Ну, милая, а теперь нам просто необходимо, как говорят коммунисты, скинуть оковы и что-то еще в этом роде.

В энциклопедии сказано, что бурый медведь ловок в добычании пищи и что его средние пальцы с острыми длинными

когтями отлично приспособлены для поиска и добычи личинок из древесной коры. Медведь аккуратен и терпелив. Медведь может целых полчаса сидеть на хвосте и пытаться когтем раздвинуть звено цепи. Медведь настойчив и целеустремлен — в конце концов он получает долгожданную свободу.

— Мама ридная! Це шож таке! Ховайтесь, хлопци! — убрать часового бесшумно не удалось. Успел таки выстрелить. Резкий, трескучий хлопок вспорол тишину.

Широкий взмах когтистой лапой — и бедолага залился кровью, скрючился... Пополз прочь, подволакивая ноги.

Мохнатым плечом с размаху в дверь. Раз. Два. Три. У подпоручика зрачки, как у котенка, которому посветили в морду ярким фонариком, — огромные и напуганные. Раз. Два. Три.

— Алекс... Отойдите! Отойдите же!

Раз! Два! Три!

Абсурд полнейший! Представить в здравом уме подобное невозможно... Ты одновременно внутри и снаружи. Ты-человек слышишь, как ты-медведь бьешься корпусом о тяжелую дверь. Ты-медведь ощущаешь через стену собственный скисший запах, щупаешь его жадными ноздрями... Ты-человек непроизвольно дрожишь от первобытного ужаса. И тут же подарок цивилизации — приходит спасительная, желчная ирония... Слава богу, что это медведь! Выдернутая из зимней спячки очумевшая мышшь-полевка, протаскивающая через подземный туннель заряженный «браунинг», выглядела бы куда более комично... Нет! Спасибо! Хватит того, что больно натирает ошейник, а блохи на загривке кусаются, как черти. И что от аромата свежей крови... Черт! Когда это он успел заломать часового? Как же головокружительно, как сладко пахнет человеческой плотью...

Дверь вынесло из петель, как пробку из бутылки. Артур-медведица трудно остановился, отряхнулся и сел на хвост, подрагивая мышцами.

— Есть! Вот так! — сказал Артур-человек и тут же со странным удовольствием подумал, что раздавить трех напуганных бледных червячков не составит ему не малейшего труда.

— Ой... Ми-и-ишка, — как-то смято прошептал подпоручик и улыбнулся.

— Надо бежать, Чадов. Леопарди! Немедленно. — Артур втащил через разбитый проем тело часового, забрал винтовку, патроны и кисет с табаком. Отомкнул штык, протянул его бледному, как простыня, подпоручику. — Быстрее!

Они выбрались наружу. Артур-человек первым. Артур-медведь последним. Рванули бегом к воротам. Леопарди завозился с тяжелым кованым засовом.

Цокнула о деревянный столб пуля. Другая...

— Держи!

— Стой!

— Куд-да-а-а, черти-и-и!

В одних подштанниках, босиком хлопцы атамана Люта выскакивали во двор, на ходу щелкая предохранителями.

— Окружай... Не стрелять...

— Гаси сук белогвардейских! Геть!

Артур-медведь повернулся и пошел на людей, раскинув широко лапы. Зацепил первого, самого быстрого казака, кажется, того белозубого, что с оселедцем. Сдавил со всех сил. Человек хрустнул, как гороховый спелый стручок. Осел на землю... Вонзилось в плечо острое жало... Треснул еще один неосторожный стручок. И рядом упал, подкошенный метким выстрелом Артура-человека, очкарик, похожий на студента. Подпоручик подбежал, поднял дымящийся револьвер... Встал рядом. Прицелился. Срезал выбирающегося через окно, коренного казака.

— Синьор... Зад глядеть!

Уинсли-человек и Уинсли-медведь обернулись одновременно. Бородач крестился левой рукой, в правой держал топор.

Мозолистой лапой по податливому животу, пулю в лицо. Клыками в чью-то соленую от пота лодыжку... И когда во дворе, кроме них троих... точнее, четверых, считая тяжело дышащую медведицу, никого живого не осталось, из окошка хаты раздался выстрел.

— Нечестно... — Подпоручик прижал ладони к груди, потом неловко осел вниз и недоумевающе посмотрел на Артура.

— Алекс!!!

Он умер сразу. Вытянулось, стало взрослым и сосредоточенным лицо. Крошечная лужица крови, черная и блестящая, была совсем маленькой. Но почему-то в ней отражалось сразу все усыпанное звездами крымское небо. Все. Целиком.

Артур-медведь и Артур-человек ворвались в дом, и неизвестно кто из них в ту секунду был больше зверем. Есаул сидел на высокой кровати по-турецки, обложенный подушками, будто султан. Лицо его было умиротворенным, как у буддистского монаха. В каждой руке по револьверу. Есаул выглядел совершенно счастливым. Сперва он выпустил в медведицу обе обоймы, а потом с каким-то нечеловеческим рыком швырнул себя вперед и вцепился в звериную шею зубами. И не выпустил до самого конца. Они так и остались лежать рядом на большой дьяконовой кровати с коваными шишечками в изголовье. Мертвая медведица и мертвый есаул.

— Леопарди, боюсь, вам придется подыскать себе для выступлений другое животное... — сквозь зубы процедил майор и швырнул фигурку Медведя на землю.

— Да? Да... Синьор майор не знает... — Укротитель скукожился личиком и затараторил: — Я ведь хотеть ходить Москва, Божедомка. Думать умолять великий дрессировщик Дуров, как работать с моей Джульеттой. Великий Дуров должен помогать.

И в один день Джульетта скажет — Джакомо Леопарди хороший человек. И она меня любить. Тогда мы будем делать номер! Аргентинское танго! Или полька-бабочка. Трам-пам-пам... Мы с ней плясать, детишка хохотать! Детишка любить животных, и мишка, и собачка. Но я теперь думать, что невозможно делать чужого медведя тебя любить. Так ведь не только у мишка или собачка? Как вы думать, синьор майор?

— Простите. Мне сейчас не до вас. — Артур просматривал найденные в доме бумаги. Карты, документы... Недописанное подпоручиком письмо... Любительское фото — счастливые люди сидят за круглым дачным столом. Карточка Вертинского с небрежным автографом.

— Синьор майор... Вы не слушай Леопарди. Вы ступать дальше. Си? У вас есть дела. А у Леопарди больше нет ничего, — голос «итальянца» задрожал. — И Медведь. Вещь. Пусть вы ее хозяин теперь. Я больше не хотеть!

Майор не слушал. Смотрел на карту. Подсчитывал в уме дни и мили. Вспомнил, что в обозе они тряслись суток четверо. Выходит, что где-то здесь...

— Эй! Леопарди... А где мы сейчас? Что за место...

— Место? Что есть место? А. Село? Укромное. Симферополь тут рядом. Ходить прямо дорога. Вечер уже там. Симферополь.

Майор Уинсли подобрал себе в доме подходящие сапоги, штаны с рубахой, теплый, хотя коротковатый, полушубок. Собрал в походный мешок смену белья, портянки, опасную бритву и кусок коричневого вонючего мыла, нашел на полке сухари — обрадовался. Выглянул в окно, увидел, что итальянец стаскивает трупы к стене бани. Скрипнул зубами, вышел помогать. Сашу Чадова нес сам, на руках. Положил аккуратно, подсунул под косо забинтованную голову шапку, которую молча протянул «укротитель». «Александр Чадов» — ответил на немой вопрос Леопарди и еще раз повторил, чтобы тот запомнил наверняка: «Александр Чадов».

— А папа его как зовут? Надо, чтобы папа имя тоже писать на крест.

— Что... Ох, да. Русские... Откуда ж я знаю. Не знаю, — оттого что не знал он отчества подпоручика, и от этого что-то получалось неправильно, неправильнее даже, чем смерть, Артур огорчился почти до слез.

— Это пустяк... Можно и так. Не страшно, — засуетился Леопарди. — Вы ступать... Не волноваться. Я этот мальтшик земля класть потихонечку.

Он даже протрусил несколько шагов рядом с майором до самых ворот, как будто собирался бежать за ним вслед. Но в воротах остановился и долго смотрел, как уходит прочь долговязый, неразговорчивый грубый человек, который даже с другом своим не простился как положено.

«В город... Там любым способом до телеграфа. Дать шифровку Милну. Отбить Баркеру, что я не успел. Хотел, но не успел — пусть едет сам. И сразу же в Москву. Немедленно. Не теряя ни секунды».

Атаман Лют вернулся на рассвете следующего дня. Грошей не привез, зато взял с батьки обещание, что за пленников тот отсыплет столько, что хватит каждому на большой хутор, молодую жинку и еще останется. Влетел во двор на взмыленном вороном коньке, соскочил на ходу ловко, красиво. Заорал во всю глотку: «Хло-о-опцы, подымайтесь! До Гуляйполя идем. Буде вам портки протирать!» А когда встретился глазами с дьяконом, вышедшим из хаты навстречу, замер, будто вкопанный.

— Отпоешь хлопчиков моих? — спросил потом, сквозь зубы. Пригрозил зачем-то: — Или убью...

И ткнулся лицом в потный лошадиный бок, вздрагивая тощими плечами.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

О проблемах взросления в условиях военного времени. О печке, стихах и кошке Манон

Москва, 1 января 1920 года по новому стилю

Все было не так. Абсолютно, совершенно все. Включая дату на календаре. Именно отрывной календарь — из серой бумаги, с аляпистыми рисованными человечками, с ломкими крикливыми стихами раздражал Дашу больше всего. В напечатанных колючим шрифтом словах не было ни одной «ять», и Даше от этого почему-то хотелось плакать, как будто букву — в общем-то, вредную и бестолковую, как кошка Манон, взяли и прогнали на холод. А теперь буквы нет, и так сразу ее жалко... Так жалко... И если Манон все еще приходила к подъезду, сидела, нахохлившись, на ледяной скамейке и укоризненно глядела на стыдливо пробегающих мимо хозяев, иногда втайне друг от друга отщипывающих для Манон кусочек от хлебной пайки, то «ять» исчезла навсегда.

На число Даша старалась не смотреть, но взгляд сам по себе возвращался к жирной единице. Первое января 1920 високосного года или же 19 декабря по старому стилю — Дашин день рождения, который теперь непонятно как считать. Была Дашенька, Даренка — папин «отчаянный декабрист», а теперь получается не пойми кто. И хоть дядя Миша добродушно

предложил Даше праздновать день рождения дважды в год, ей все равно было обидно.

Новый РОСТОВский календарь притащил Митя-маленький, сам вбил в стенку гвоздь и увесисто заявил: «Товарищи, пора жить по новому революционному времени».

По новому времени жить получалось плохо. Так плохо, что Даша впервые за много лет отчетливо, до боли в груди затосковала по папе. Подумала, что был бы сейчас он рядом, обязательно бы обнял, подхватил, закружил, чмокнул бы в нос и потащил бы на Патриаршие кататься на коньках. И там, на прудах, когда они, уже вдоволь нахохотавшись и навалявшись в сугробах, пошли бы есть постные пироги с капустой и грибами, он бы сначала сделал таинственное лицо, а потом достал бы из-за пазухи подарок... Даша даже знала какой. Папа никогда не говорил (он редко вслух вспоминал маму, тая от всех, даже от дочери, свое тесное жгучее горе), но Даша знала, что на восемнадцатилетие наконец-то получит расписную фарфоровую шкатулочку. Ту самую. С любимым маминым кулоном, доставшимся ей от ее мамы — Дашиной бабушки, которая, как гласила семейная легенда, должна была стать баядеркой в гареме турецкого султана, но дед — лихой донской казак — в нее влюбился и выкрал прямо из дворца, завернув в шелковый ковер. Даше эта история казалась волшебной. Она представляла, как усатый черноглазый молодец скачет на быстроногом рыжем коне по степи, обнимая за талию красавицу-одалиску, как мчат за ними страшные носатые турки на приземистых уродливых лошадках. К Дашиному огромному сожалению, бабушка с дедушкой умерли еще до Дашиного рождения, и ни портрета, ни фотографии не сохранилось. Но это было даже к лучшему... Чем старше становилась Даша, тем большими подробностями обрасталла легенда. Молодой казак становился все выше и плечистее, черкешенка — все стройнее и пугливее... огненный скакун же летел все быстрее, а пыль

из-под его копыт клубилась страшно и замысловато, забиваясь туркам в их крючковые носы.

Конечно же, историю про баядерку мама сочинила. Она вообще была выдумщицей и фантазеркой, и хотя Даша едва ее знала (мамы не стало, когда Даше исполнилось пять), ей казалось, что она наверняка помнит каждый звук маминого голоса и ласковый ее домашний запах. И мамин кулон... Мама наклонялась над Дашей, чтобы поцеловать дочку и пожелать той спокойных снов, и кулон оказывался точно перед глазами девочки. Маленькая, смешная, очень похожая на настоящую, жужелица висела отчего-то вверх тормашками, тускло переливалась и как будто подмигивала Даше... «Жужеличка-жужка, пошепчи на ушко», — шептала маленькая Даша, повторяя мамину чудную приказку, трусила, что жужелица и вправду может заползти ей в самое ухо, и поэтому радовалась, что жучок крепко-накрепко привязан к маминой шее тонкой, но прочной цепочкой. Даша тянула к жужелице руки, но мама прятала кулон под круглый кружевной вырез. «Потом. Вот исполнится тебе восемнадцать, отдам», — улыбалась она. Голос ее был печальным и медленным, словно она уже догадывалась — все будет не так.

Все было не так. И тогда, когда мама много кашляла, а дом Чадовых, прежде солнечный и веселый, вдруг пропитался карболкой и тревогой. И потом, когда мама так и не вернулась из заграницы, куда они спешно уехали с отцом, оставив маленькую Дашу на попечении няньки. И потом, когда Дмитрий Иванович Чадов, прежде балагур и любитель шумных компаний, вдруг превратился в нелюдимого, резкого на слово и поступок человека. Вскоре Даша с отцом на целых три года вдруг перебрались в Тифлис. Там Даша, несмотря на усилия выписанной из Москвы все той же няни, совершенно «отрепалась и отбилась от рук», возненавидела пресный уличный шила-плав, зато влюбилась в горы, речку Куру и мацони с сахарной

пудрой и научилась громко, как тифлиссские грузчики, кричать «Хабарда!» — «Берегись!».

Скоро Даше исполнилось восемь, и надо было решать насчет учебы. В гимназию великой княгини Ольги Федоровны, по-простому в «Ольгинку», полковничью дочку приняли с радостью, и Даша с неожиданным рвением взялась за фортепьяно, танцы и естествознание. Только-только все начинало налаживаться — Дмитрий Иванович уже меньше печалился о том, что дочка без материнского присмотра растет совершеннейшим сорванцом, но тут вышел приказ о его переводе обратно в Москву.

В Москве они поселились не на старой квартире, а поближе к брату Дмитрия Ивановича — Михаилу Ивановичу Чадову на Кудринке. Полковник предполагал, что его отлучки из города станут частыми, поэтому рассчитывал в свое отсутствие на брата и его супругу Лидию Николаевну, которые с огромной радостью забирали к себе девочку на месяц-другой. Кузены Даши — старший Александр и младший, названный в честь Дашиного папы Дмитрием, а по домашнему Митя-маленький, — сперва настороженно отнесшиеся к появлению в семье девчонки, скоро обвыклись. Перестали дразниться и начали принимать Дашу в свои игры, делиться секретами, выдумывать шалости и честно делить на троих наказания и «угол совести» — так пафосно именовал дядя Миша чулан возле кухни, направляя туда безобразников в недолгую, но стыдную ссылку. И хотя жизнь, казалось, вошла потихоньку в колею, Даша страшно скучала по отцу. Она писала ему каждый вечер, старательно выводя полные красивые буквы, хвастаясь успехами в учебе и никогда не жалуясь ни на Милочку Завадскую — первую красавицу класса, зануду и вредину, ни на отца Федора — преподавателя Закона Божьего с цепкими злыми пальцами, которыми он умело выкручивал уши невнимательных гимназисток, ни на няню Нюру Федотовну — Нянюру. Хотя на Нянюру жаловаться

можно было бесконечно: никто так не выводил Дашу из себя. Никто зимой не напяливал на Дашу уродливый капор, а летом не ругался за разбитые коленки и купленного на Трубе и тайком поселенного в детской петуха.

«Дарена, слушайся тетю Лиду, дядю Мишу, много не шали и не обижай нашу добрейшую Нянюру», — непременно приписывал папа в конце каждого своего ответа. И Даша печально вздыхала. Знал бы папа, какая она «добрейшая»! Но если папа сказал «не обижать» — надо не обижать. И, видимо, теперь придется отказаться от великолепной идеи подложить в Нянюрину кровать мертвого ужа и посмотреть что будет.

Каждое утро Даша выбегала в прихожую, чтобы первой выхватить из рук почтальона свежую корреспонденцию. Она садилась прямо на пол, перед высоким, в бронзовой раме зеркалом и быстро перебирала газеты, журналы, счета и письма... Иногда она радостно взвизгивала, хватала из стопки худой конверт всегда с новым обратным адресом и мчалась к себе, напевая по пути полечку. Иногда, а в последние годы все чаще, возвращалась в детскую понурая и серьезная.

— Не вешать эту замечательную конопатую конструкцию, Дарья Дмитриевна! — Дядя Миша за завтраком чмокал ее в затылок и, точно как папа, легко щелкал по носу. В носу начинало щипать. И вовсе не от щелчка.

— Вот, как будто сахарная моншерка какая козюли распустила... — бурчала Нянюра, собирая Дашины длинные косы «корзиночкой». — Чай, ты не нюня, вроде Милки твоей, а полковника алтирелии дочь. Видал бы тебя сейчас Дмитрий Иванович... Кому говорю, Дашка... Соплю-то с паркету подбери.

Даша злилась на грубую Нянюру с ее гадкими неотесанными словами, сцепляла зубы... и удивительно, от злости на нянюшку печаль куда-то исчезала почти без следа.

Однажды зимой, вернувшись с уроков уже ближе к вечеру (забегала к Милке Завадской за гаммами, там и пообедала),

Даша скинула в прихожей ранец и боты и помчалась в столовую, чтобы поспеть точно к чаю. Но, заметив Нянюру, стоящую возле плотно прикрытой двери в дядин кабинет, необычно строгую, какую-то серую и комкающую в больших своих ладонях платок, поняла сразу — что-то произошло. Что-то неправильное, страшное. Она даже рот открыть не успела, только уставилась на няньку вопросительно, как та вдруг притянула ее к себе и притиснула сильно-сильно к теплой большой груди. Даша жалась лицом к Нянюриному колючему платью, и деревянная продолговатая пуговица царапала Дашину щеку, еще красную и нечувствительную с мороза. Тогда от страха, что еще минуточка — Нянюра перестанет гладить ее по голове и скажет это страшное, Даша громко засмеялась и во весь голос закричала: «Хабарда! Хабарда! Хабарда!» Через день у Даши был день рождения. Ей исполнилось целых двенадцать лет.

Полковник Дмитрий Иванович Чадов в декабре 1914 года погиб в Турции под Сарыкамышем. Похоронили его на чужой земле, в общей могиле вместе с солдатами.

Турнагель, Чамурлы-даг, Лал-оглы, Эль-Кечмез... — Даша читала незнакомые слова в «Московских ведомостях», а потом в атласе выискивала эти названия и думала, что одной ей туда добраться будет непросто, даже если на билет до Турции хватит тех трех рублей мелочью, что она выколотила из копилки. По прибытии в Турцию Даша собиралась пойти сразу к генералу Юденичу, чтобы он ее выслушал, дал винтовку и немедленно отправил на передовую. Даша собиралась сказать Юденичу, что стрелять она умеет — папа в Тифлисе брал ее два раза на стрельбища. Вообще-то брал он ее только один раз, и весь тот день под присмотром Максима Максимыча, папиного вестового, она скучала в офицерской палатке и объедалась абрикосами, но этот момент Даша как раз намеревалась упустить. Зато не имелось у Даши не малейших сомнений в том, что стоит ей

увидеть врага, она немедленно узнает среди них главных турков — Энвер-пашу и Мустафу-Кемаля-пашу и уж точно не промахнется.

Своими планами она поделилась с братом Сашей — он был старше ее на целых четыре года и через год собирался поступать в юнкерское училище. Наверняка он знал, как лучше добраться до Турции и что с собой в путешествие брать. Однако Саша оказался предателем... Дашин запас сухарей и шоколада, который она тщательно зарыла под сваленную в «углу совести» на зиму картошку, был силами тети Лиды, Нянюры и кухарки Нади изъят, а дядя Миша вызвал Дашу на серьезный разговор.

Разговор этот остался для всех остальных в семье секретом, но из кабинета Даша выбежала потная, красная, сжимая в ладошке маленькую бонбоньерку... Ту самую... с маминой «Жужелкой».

— Что? Дашка... Лыжи-то наострила, ить... Спрохвощить хотела? О дядьке с теткой, поди, не подумала, полудурья. — Нянюра раскладывала пасьянс «Марьяж» на большом кухонном столе, пока кухарка проворила самовар. Нянька укоризненно качала головой, на которой был повязан «рожками» кверху цветастый деревенский платок. «Рожки» качались, и Даше казалось, что Нянюра и есть та самая чертовая лярва, к которой, полагая, что его никто не слышит, дядя Миша отправлял всех плохих людей.

— Заткнись... лярва... чертовая! — выпалила Даша и швырнула в Нянюру надкушенной баранкой. И вылетела из кухни вон. Но тут же замерла, услышав, как Нянюра печально говорит кухарке: «Дите горемычное. Ни мамки с папкой теперь... ни могилки ихней. Даже на Родительскую пойтить не к кому».

И тогда Даша впервые за этот отвратительный месяц разрыдалась. Слезы капали на мамин кулон. Жужелка сочувственно помалкивала.

С того вечера прошло много... так много... целых шесть лет. Даша из долговязой настырной девочки превратилась в худую, очень красивую девушку с грустными серыми глазами, с прозрачной, изредка усеянной золотистыми крапинами кожей, с длинной косой, завязанной тяжелым немодным узлом под затылком. С мыслями странными, рваными и неудобными, как и все нынче.

Календарь все так же дразнился цифрой один. Рисованные человечки будто насмехались над Дашей. Даша перевела взгляд на зеркало и совсем огорчилась. Юбка, перешитая из домашнего старого платья Лидии Николаевны, висела мешком, а новая блузка с рюшем, которую с трудом выменяли месяц назад на бронзовое дядино пресс-папье и чернильный набор, выглядела совсем деревенской. Валенки не по размеру, без калош, нитяные толстые чулки, собирающиеся на коленках «гармошкой», как ни утягивай резинки. «Господи! Филиппок какой-то, а не барышня», — Даша с омерзением отвернулась и плотнее закуталась в пуховый платок. Хоть десять платков, хоть двадцать — в доме все равно было холодно: буржуйка стояла в гостиной, а здесь и в двух остальных, оставшихся у Чадовых после подселения комнатах царила декабрьская злая стужа, почти такая же, как и на улице. «И руки какие-то у меня бессмысленные. Глупые бессмысленные руки... И ужасные невыразительные брови... И вся жизнь такая — ни туда ни сюда. Нет! Так жить невозможно. Пора уже что-то про себя решать! Немедленно!»

Как раз решительности Даше Чадовой было не занимать. Например, сейчас она стояла в прихожей и собиралась решительно и немедленно позвонить Милке Завадской, чтобы сказать, что ни в какое кино она сегодня не пойдет. В «Художественном» днем крутили агиткартины, кажется, «Пунина и Бабурина» и скучный до зевоты «Девяносто шесть», но она все равно бы

пошла — ей хотелось поболтать с Милкой, да и торчать целый день в четырех стенах — невеликое удовольствие, но теперь за ней собрался увязаться Митя-маленький. А вот этого Даше не хотелось вовсе.

С Митей-маленьким они в последнее время не ладили. Его страстная увлеченность «новыми веяниями», навязчивая болтливость, разговоры «по душам» и глупые идеи Дашу раздражали ужасно. К счастью, Митя все больше и больше времени проводил вне дома и даже ночевал где-то в молодежной коммуне на Сухаревке. Балбес... Как будто не замечал, как горько от этого тете Лиде и дяде Мише, особенно дяде Мише — тот даже перестал по вечерам читать энциклопедию вслух, а монотонно раскачивался на низкой табуреточке возле буржуйки и курил, изредка подкидывая в топку остатки своей когда-то огромной библиотеки. А Мите-маленькому словно все это было невдомек. Он прибегал шумный, какой-то весь по-мужицки разухабистый, начинал тараторить, рассказывать, где он был, кого видел, кичиться близким знакомством с самим Владимиром Маяковским... А дядя Миша от каждого его слова, от каждого выкрика становился все мельче, незаметнее и тискал самокрутку. Вот угораздило же Митю-маленького именно сегодня, в день ее рождения (а как ни крути, сегодня у Даши праздник, и хотелось бы провести его наименее отвратительным образом), оказаться с утра дома.

— Кино — величайшее из всех искусств, как сказал товарищ Ленин! И с ним не поспоришь. Ну что? Идем? А потом, — Митя заговорщицки подмигнул, — свожу тебя в отличную обжорку в «Мюр и Мерилиз» — у меня там есть кой-какие связи, можно легко протыриться. Не кисни, Дашута. Одевайся.

Вспомни дурака — он и появится. Даша поежилась.

— Митька... Знаешь, что-то знобит меня с утра. Простыла. И вообще, я с тобой никуда не пойду. Тебе интересно если, вот иди сам.

— Ну-у-у, — обиделся Митя. — А я еще и сюрприз хотел. Вечером на Москворецкой в Доме труда сам читать будет. Протыримся. Я там с товарищем одним тесно знаком.

То, как Митя выделил голосом слово «сам», однозначно говорило о том, что речь идет о Маяковском. Даша задумалась. Стихи Владимира Маяковского она любила. Не так, конечно, как Гумилева или Вертинского, чьи строки переписывала себе в дневник и ночами шептала наизусть, но все же. К тому же Маяковский, что ни говори, был очень хорош собой. Просто необыкновенно. Такой статный, такой яростный в жестах, с таким жарким взглядом, с губами нежными-пренежными. Даша покраснела, неожиданно для себя представив, как косматая медвежья голова революционного поэта почтительно склоняется над ее рукой.

— Нет, Митя. Я дома останусь. Сейчас и тетя Лида с Нянюрой вернутся. Надо будет им помочь наколоть дров на растопку, может, и еды добудут...

— Ты не права! — завелся Митя. — Ты становишься мещанкой и грязнешь в пошлом быту. Думаешь, я не вижу? Я все вижу... Ты, Дашута, живешь прошлым и не готова принять новое, социалистическое время. Ведь даже книжку не открывала, что я тебе принес. Ты, Дашута, глупая буржуазная курица... Ах, «изысканный бродит жираф»... Тьфу! Между прочим, твой Гумилев перед попами шапку ломит и на церкви крестится. А Вертинский твой вообще сейчас где — знаешь? Ну? Знаешь, что он в Крыму с Деникиным? Отвечай! Читала книгу или нет?

— Ну... я начала, — замямлила Даша, под Митиным напором немного сникнув. Брошюру авторства товарища Коллонтай с подробным описанием, как положено жить и мыслить современной девушке и почему ей следует немедленно отправиться вслед за товарищами в коммуны, дядя Миша швырнул в буржуйку. «Мерзость какая... Какая же мерзость», — отряхнул он ладони о штаны.

— Начала-а-а, — передразнил Митя. — Все. Разговорчики окончены! Наступило время боевых действий. Приказываю тебе именем революции немедленно надеть пальто и отправиться в кинотеатр! Эгегегей... Это мы идем! Иллюминаторы новых городов!

— Послушай, ты! Иллюминатор... Тебе русским языком сказали — у Дарьи Дмитриевны мигрень и инфлюэнца. Вот и гуляй! Иллюминируй, юнкерок.

Даша вздрогнула и попятилась, чтобы освободить путь к телефонному аппарату «комиссару» в красных галифе и тельняшке такой старой, что ткань давно вся перелиняла, и если специально не приглядываться, разглядеть полосы было невозможно.

— Госп... товарищ Бессонов, — стушевался Митя сразу и очень заметно. — Не знал, что вы дома. Извините, если помешал... Извините. Но все же позвольте заметить, что я не юнкерок, как вы изволили выразиться...

— Митя, друг мой ситный. Отчего это ты меня сегодня раздражаешь? — Комиссар загасил зажженную папироску о косяк, задумчиво повертел меж пальцами окурок, а потом швырнул его за плечо прямо на пол. Постоял, взъерошил пятерней ржавый ежик волос на приплюснутой, некрасивой голове и окинул Дашу цепким взглядом. Даша юркнула обратно в гостиную.

Там, пока ставший вдруг очень неслышным Митя быстро шарил по полкам в поисках съестного, пока натягивал изношенное, еще от старшего брата оставшееся пальто с котиковым воротником, пока бурчал что-то себе под нос и всячески демонстрировал кухне свое недовольство ее отказом, Даша переминалась с ноги на ногу возле окна и делала вид, что разглядывает пустой заснеженный скверик. Раньше, тысячу лет назад, там за окном звенели весело трамваи, подплывая к остановкам, как бригантины к причалам. Восседали на железных

стульчиках важные, похожие на индюшек стрелочницы с ломиками в руках, суежилась, текла куда-то озабоченная своими делами толпа, прогуливались няни с малышами, лоточники зазывали покупателей, шумела поодаль рыночная площадь. Веселые жучки, барбосы и шавки сновали между покупателями в надежде урвать кусочек съестного, и пожилой бродячий фотограф вопросительным знаком все склонялся над своей треногой прямо перед фонтаном, как будто хотел, но никак не решался нырнуть. Потом из этого же окна целую неделю слышался страшный грохот, гам и крики. Были видны баррикады, атакующие их отряды жандармов и казаков, группы солдат — крикливых, страшных, с винтовками в руках и равнодушием в глазах, пулеметы и даже настоящая пушка... Нянюра умоляла тетю Лиду и Дашу спрятаться в кухне, крошечное оконце которой выходило на относительно спокойный задний двор, но те, притаившись за портьерой, словно она могла их защитить от пули или осколка, во все глаза глядели на происходящее и все пытались угадать в пробегающих от укрытия до укрытия мужских силуэтах Сашу, который с первых дней беспорядков куда-то исчез.

Домой Саша так и не пришел. Но Дарья подслушала, что Саша вместе со своей ротой сумел вырваться из Москвы и, скорее всего, теперь где-то в Крыму... Знал ли, догадывался ли про это Митя-маленький? Наверняка. Но ни словом не обмолвился, словно вовсе не было у него никакого старшего брата и словно не Сашка таскал Митю-маленького на закорках, а потом встречал из гимназии и перекладывал книжки из ранца младшего и всегда немного болезненного Мити к себе в сумку.

— Не знаешь, у отца табак где припрятан? — Митя-маленький бесцеремонно (последнее время он все делал бесцеремонно и нагло) ткнул Дашу в плечо.

— Нету. Вчера весь вышел... — Даша пожала плечами. — Завтра этот снова притащит, если не забудет.

— Не забудет он... Как же! Обнаглел... Забыл, как у нас на даче обедами столовался! Ох, напишу я на него кому надо, — зашипел Митя зло.

Под «этим» имелся в виду, конечно же, товарищ Бессонов. Он же Евгений Бессонов, и даже господин Бессонов, которого Чадовы знали по Крыму еще до революции совсем другим человеком. Вот только теперь все было иначе. Все не так.

И если прошлого Евгения Бессонова Даша всего лишь недолюбливала и сторонилась, то товарища Бессонова, которым Чадовых «уплотнили» с полгода назад, Даша ненавидела и боялась. Бессонов из желчного, настырного, но все же порядочного человека стал человеком Даше совершенно непонятным и отвратительным. Рабочий литейного завода, родом не то из Саратова, не то из Самары, когда-то случайно появившийся на крымской даче Чадовых и торчавший у них целый месяц, к концу лета внезапно исчез. Нянюра притащила с рынка сплетню, что за попытку покушения на депутата его схватила охранка. Потом забыла про депутата напрочь и выдумала, что Бессонова зарезали цыгане, у которых он выкрал цыганский чудесный амулет. А потом договорилась до того, что Бессонов помер от белокровия в каком-то притоне. Но главное, что Бессонов тогда исчез бесследно. Объявился вновь неожиданно, в августе прошлого года. Прибыл по назначению в московскую «чрезвычайку». И служил там следователем по особо важным делам, по крайней мере так значилось в удостоверении, которое он продемонстрировал Чадовым, подсялаясь.

— Вот эту фатеру я возьму, тем более что мне тут все знакомые, — он швырнул армейский «сидор» среди столовой, прихрамывая на левую ногу, подошел к окну, выглянул наружу, довольно крикнул и, шлепнувшись в последнее оставшееся в квартире после многочисленных «реквизиций» кресло, закурил. — Звать меня, как вы все помните, а может, и позабыли, Бессонов Евгений Федорович. Можно товарищ Бессонов.

Человек я сейчас занятой. Прихожу поздно, ухожу рано. Гостей, шум-гам-бардак не терплю... Никогда не терпел. И вам не советую. Время такое. Не гостевое. — Отчего-то очень пристально посмотрел на Лидию Николаевну и повторил: — Не гостевое время.

— Да-да... Разумеется. Рад... Рад снова видеть в добром здравии. Все, как вам будет угодно, Евгений Федорович. Располагайтесь. Кровать мы сейчас вам поставим — в детской есть лишняя. Сейчас. Немедленно... Ванная по коридору прямо. Там же кухня, если вдруг что-то приготовить, — залебезил вдруг дядя Миша, забежал вокруг непрошеного жильца, засуетился. — Мы проживаем здесь абсолютно законно... Вот супруга моя — Лидия Николаевна, сын Дмитрий... Дарья — племянница, если узнали — очень вытянулась девочка. Также Няню... Анна Федотовна — наш друг, товарищ, можно сказать. Вы должны ее помнить.

— Будет мельтешить, товарищ квартировладелец, — широко зевнул, демонстрируя крупные желтые зубы, «гость». — Живете — и живите дальше. Пригляжу, чтобы никого к вам больше не подселяли.

И пока дядя Миша рассыпался в мелких и каких-то причмокивающих благодарностях, пока тетя Лида пыталась вытолкнуть из столовой Нянюру, намеревающуюся немедленно вытащить остатки мебели и содрать с окон шторы, пока Даша с интересом косилась на тяжелую кобуру, которую Бессонов швырнул на этажерку, двое красноармейцев втащили в столовую большой письменный стол, печатную машинку и сейф. Тут же появился телефонист, и уже через два часа аппарат на стене прихожей, молчащий два с половиной года, распугал живущих внутри тараканов яростным трезвоном.

— Тоже можете воспользоваться, коли имеется срочность, — сухо бросил товарищ Бессонов, глядя почему-то на Дашу, хотя в прихожую любоваться на чудо чудное — работающий телефон — выбежали все.

Даша все думала, что же не так с Бессоновым. Сперва думала на красные штаны, кожанку и кобуру, но Бессонов всегда был странен в одежде. Помнится, подвязывал тюбетейку бельевой тесьмой под подбородком. И вел себя всегда дерзко, с вызовом. И в словах не сдерживался. Но теперь эта его дерзость стала совсем иной... «Он как будто нас выше стал», — вдруг сообразила Даша. Там, в Судаке, он хоть и задибался, и ругался на всех, и даже, помнится, зеркало разбил кулаком, но был как будто ниже. Мельче. А теперь — нет. По вечерам товарищ Бессонов взял привычку заходить к Чадовым в гостиную и пить чай. Он резко стучал, почти сразу распахивал дверь. Стоя в проеме, цепким взглядом окидывал всех присутствующих, словно пересчитывал по головам, и лишь тогда входил.

— Присаживайтесь. Как удачно к чаю. Правда, сахара нет у нас... Но есть патока. Лидия Николаевна сегодня достала патоки. Кипяточек с патокой — вкуснейшая вещь. И согревает! — подсказывал дядя Миша. Тащил табурет. Бессонов чинно усаживался, облакачивался о стол и хлюпающими глотками отхлебывал кипяток из фарфоровой чашки — последней из сервиза, что полагался Даше в приданое. Когда сервиз понесли на Хитровку менять на что-нибудь съестное, тетя Лида не выдержала и выхватила прямо из круглой коробки эту чашку. Сервиз ушел барышникам за неполный мешок чечевицы и валенки для Даши... «Сбагрили с рук обесчашенным», — грустно шутил дядя Миша.

— Вы пейте. Еще подлить? — дядя Миша заискивающе нависал над Бессоновым с чайником. И пятился робко, когда тот обжигал его насмешливым резким взглядом.

«Как лакей или подавальщик трактирный», — вспыхивала Даша, а после больно щипала себя за руку, потому что не имела она такого права — думать о дяде плохо. Ему и так приходилось тяжело. На службу Михаила Ивановича не брали: кому нужен был теперь немолодой и насквозь хворый профессор

энтомологии. Дядя все хлопотал. С утра одевался и шел пешком куда-то в город. Говорил, что бегает по разным учреждениям, что ищет знакомых, которые пристроились — кто в наркобраз, кто в наркомат юстиции, кто (из везунчиков) в наркомпрод и по трестам, а нынче могут теперь и за него «замолвить словечко». Но все домашние догадывались, что никуда он не ходит. Что рыщет по улицам без цели и смысла и, если повезет, перекусывает пирожком в домсоветской дешевой столовой. А если нет — голодный и замерзший, ждет, когда наступит вечер, чтоб вернуться домой, развести широко руками и сказать: «Ну, девочки мои милые, увы, пока еще не трудоустроен. Но скоро-скоро... Сперанский обещал. Потому не будем унывать — будем праздновать. Нянюрочка, душа моя! Разливай чайковского».

«Пресвятая Богородица... Вот, опять обмоклый весь притопал барин. Голос бойкий, а лица нет. Когда уж обратно неверсетет его откроют, — сокрушалась Нянюра шепотом. — Больше ведь непригодный ни к чему». Дядя Миша все слышал, тяжелея лицом, уходил к буржуйке курить. Табак ему доставал Бессонов. Это было совсем непонятно, никак не вписывалось в Дашино к нему отношение и от этого еще больше настораживало. А когда сосед стал приносить к «вечернему чаю» продовольственную мелочовку, вроде сухарей или сахара, а однажды даже две банки американской тушенки, Даша разозлилась не на шутку.

— Подачки же! Он же нам подачки... как нищим милостыньку. Как на паперти. А мы берем! Стыдно! Как же стыдно!

— Ну что ты, Дашунчик! — заволновался дядя. — По-соседски совершенно обычное дело. У приличных людей принято приходить в гости не с пустыми руками. Он же когда-то бегал к нам крошку кушать. Теперь вот — диспозиция поменялась.

— В гости? — У Даши даже заалел кончик носика. — Это «в гости» теперь называется? Дядя Миша, да ты что за ерунду

говоришь! Как можешь ты... Они же враги наши. Ты — брат полковника царской армии! И наш Саша сейчас там... Видел бы Саша. Тетя Лида! В гости... К нам гости уже тысячу столетий не ходят... А все из-за этого Бессонова. Вот и Сперанские, и Алексей Львович не ходит, и дядя Гриша с тетей Зоей и с Лелей, и Фатеевы, и полковника Тащенко вдова, не помню, как зовут, та казачка... с толстыми черными косами вокруг головы, она еще так славно поет... Никто не ходит, а раньше почти каждый четверг у нас. А помнишь, тетя Лида... какие люди чудесные у нас еще в прошлом году собрались... Помнишь? Помнишь? И даже сам Есенин, и Айседора... А ты меня тогда наругала, что я губы Наденькиной помадой накрасила, и прогнала в детскую насовсем. Но я же все равно не чуточки не обиделась. И все! Ничего теперь не будет! Ни Рождества, ни елки, ни гостей...

— Какой Есенин? Какая Айседора? — Дядя Миша недоумевающе нахмурился. — Когда это?

— Ой. — Даша покраснела. Надо сказать, румянец шел ей чрезвычайно — она становилась похожей на очень смущенную черешенку. — Ну... это еще в июле, когда я неделю хворала, и еще боялись все, что то скарлатина. Я думала, что я с ума сошла от скарлатины. Сама Айседора Дункан! Только не кукуйтесь на меня, тетечка Лидочка, я их всех так обожаю! Вы же знаете, как я их обожаю...

— Лида. Опять? Ты же обещала! — Лицо профессора сморщилось вдруг, словно он собирался заплакать или закричать, и Даша сообразила, что, кажется, сморозила лишнего.

— Мишель! Ты сказал что? Что ты этого видеть не желаешь... Я точно следую твоим нежеланиям. Собираю людей, когда тебя нет. То есть собирала. Так что ты совершенно... абсолютно чист, и к тебе претензий быть не может никаких. А ты, Дарья, замолчи! Немедленно, Дарья! — Лидия Николаевна зашипела так страшно, что Нянюра, ворошащая в печке кочергой, сковырнула уголек себе на ногу и вскрикнула.

— Что это шум, соседи? — Товарищ Бессонов стоял в дверях, хмуро наблюдая «немую сцену». — Шум есть, а драки нету.

— Чайку кружечку-с? — промямлил дядя Миша, опомнившись первым.

Весь тот вечер Бессонов, обычно любитель вслух пофилософствовать о высоких материях и контрреволюционной заразе, молчал, от чашки взгляда не поднимал, а в Дашину сторону и вовсе не поглядел ни разу. И уже вставая из-за стола, словно в никуда произнес, как-то слишком специально и неприятно коверкая «под деревенщину»:

— Некоторые, как я погляжу, не очень довольные, когда их угощают рабоче-крестьянской гастрономией... брезгуют... Так вы это... считайте, что это я вам долги возмещаю. За прошлое.

С тех пор Бессонов к Чадовым заходить перестал, но табак для дяди Миши оставлял на тумбе в прихожей исправно.

— Ну и ладно. Раз табака нет, я пошел. Ты точно...

— Митя! Ступай уже! — в сердцах крикнула Даша, поворачиваясь от окна. — Оставь меня в покое! Оставьте меня в покое вы все!

— Чего шумишь-куролесишь? — Нянюра шумно втиснула в дверь гостиной широкий крестьянский зад. За Нянюрой прямо по паркету въехали санки, нагруженные снедью и обломками деревянного забора. За санками в гостиную, медленно стягивая с себя варежки и разматывая «паутинку», вошла Лидия Николаевна, а следом за ней — какой-то просто бесконечно длинный мужик, закутанный по самые уши в женский цветастый платок, в сальном картузе и потрепанной на рукавах пехотной шинели.

— Ах. Спасибо вам, голубчик, что согласились помочь. Не разувайтесь... Вон она — печка, сами любуйтесь. Дымит и дымит,

не переставая, уже и глиной мазали, и что только ни делали... Митя?!

Лидия Николаевна только-только заметила младшего сына и сразу опростила лицо, из обнищавшей, но бойкой барыньки превратившись в старуху.

— Да я уже, мама, собирался спешно бежать... Кстати, не найдется ли у тебя немного совзнаков? Керенки тоже сойдут. Рублей тридцать — пятьдесят.

— Да. Конечно... — медленно, словно во сне, полезла Лидия Николаевна за пазуху и долго там копошилась, прежде чем отвязала хитро припрятанный кошелек. Достала из кошелька несколько бумажек, подумав, добавила еще столько же. Протянула Мите. — К ужину вернешься?

— Это вряд ли. Маяковского иду слушать... Эй, двадцатилетние! Барабаня! Тащите красок ведра... А потом к своим — в коммуны. Ты не волнуйся. И отца за меня обними. — Митя хмыкнул, потом ловко выскользнул в дверь, проскочив мимо скривившейся в кислой гримасе Нянюры, салазок и мнущегося возле порога длинного мужика.

— Няра... Что делать, Няра? Как жить? — выдохнула Лидия Николаевна безотрадным глухим стоном. Но моментально собралась, надела на уставшее лицо «светскую» улыбку и, уже обращаясь к Даше, спросила: — А что же ты, Дарья, нынче не в кино с Милой? Вы же собирались...

— Так... Передумали. Я, тетечка Лидочка, еще и простыла, кажется.

— Да? Простыла? Это совсем не годится никуда... Да... Надо же. Простыла... А я вот мастера позвала. Пусть постучит — посмотрит печку. Дымит который день.

— Разве? Не дымила же еще с утра.

Даша удивилась страшно. Во-первых, с буржуйкой все было в порядке — Даша сама ее растопила час назад. Во-вторых, тетя Лида вела себя странно. В-третьих, Нянюра делала какие-то

непонятные знаки руками и головой. В-четвертых, и это было совсем обидно и необъяснимо, никто не вспомнил, что у Даши сегодня день рождения. Никто... Понятно, что у дяди и тети голова другим занята: Митя-маленький отбился от рук, Саша — неизвестно, жив ли... Но Нянюра. Не может стать, чтобы нянька запамятовала, когда у ее любимицы день рождения. Не может! Даша скуksилась. Вроде бы и не собиралась, а собиралась не обращать внимания и вести себя по-взрослому, но уголки губ сами по себе поползли вниз, а глаза очутились на мокром месте. Но даже ее горький первый всхлип прошел незамеченным.

— Дарья, ты поди Нянюре помоги на кухне... Нечего тебе тут дышать золой. Для легких вредно... — Тетя Лида явно собиралась спровадить Дашу подальше, а сама остаться наедине с этим длинным.

Даша немедленно передумала плакать и захотела узнать, что же происходит. Но тут Нянюра подскочила к девушке, схватила ту за рукав и силой потащила прочь из комнаты. Даша вспыхнула. Вот не хватало еще, чтобы при чужом человеке, пусть даже он печник или спекулянт, что куда больше похоже на правду, с ней обращались как с ребенком.

— Прекрати, Нянюра! Немедленно! — звонко прикрикнула она на старуху.

Но та не слушала, а все волокла Дашу за собой, как теленка, да еще вдруг взялась хихикать и приговаривать скоморошью глупую считалку:

— Антон козу ведет,
Антонова коза нейдет,
А он ее подгоняет,
А она хвостик поднимает.
Он ее вожками,
Она его рожками...

— Прекрати же! Отвяжись! — кричала Даша уже на кухне, куда Нянюра ее таки вытащила, и яростно отдирала от себя Нянюрину цепкую ладонь.

— Ладно... Ладно. Не балбесь. Кофту подерешь, когда еще теперь обновку купим... — И вдруг прыснула, залилась мелким противным смехом: — Кофтенка-то диво хороша. Узорчик — «бык забодает». Все-все. Молчу-молчу...

— Няню-у-у-ура...

— Дарья. Скажи мне, а где тот кулон? Тот... Что тебе достался от матушки твоей. Жужелица. Дай мне его. — Не просьба — приказ. Голос Лидии Николаевны — тети Лиды — любимой обожаемой тетечки Лидочки — заполнил собой каждый сантиметр пространства.

— Не отдам! Мамин! Не отдам... — Даше казалось, что она кричит, но на самом деле она раскрывала рот почти беззвучно. Мысль о том, что сейчас единственную принадлежащую ей и только ей вещь — мамину Жужелку обменяют на кусок мыла или гребенку, Дашу совершенно сбила с ног. — Не отдам ни за что!

— Даша! Так нужно!

— Дашка, что ты за коза такая бодливая... Чего тебе с этой насекомой? Вон, даже не нацепила ни разу.

— Не отдам! — продолжала задыхаться Даша. А то, что Нянюра выступала сейчас не на ее, а на тетиной стороне, Дашу убивало. Это было страшно и больно по-настоящему. Сейчас они отберут у нее Жужелку — и все! Все... Вместе с ним отнимут и память ее. И маму. И папу. И дом на Якиманке. И душные улицы Тифлиса... Не будет больше Дашиного детства. А ведь она до сих пор даже ни разу не примерила на себя мамин кулончик — боялась, что тогда вещь сразу станет не маминой, а уже ее, Дашиной. Все собиралась когда-нибудь. Когда-нибудь... Позже. Не сейчас. Когда будет готова... Нет! Ни за что не отдаст она мамину жужку — жужелку!

— Даша. Да послушай же! Послушай меня! — тихо, спокойно и очень страшно попросила тетя Лида и коснулась Дашиного запястья своей прохладной ладонью.

Даша вдруг отчетливо, как будто ее носом ткнули в букварь, поняла, что ее в тете Лиде пугало. В тете Лиде такой, какой она стала после того, как Саша не вернулся домой. Прежде легкомысленная хорошенькая болтушка, Лидия Николаевна Чадова, любительница балов, маскарадов и литературных вечеринок, модница и немножко кокетка, она как-то сразу и вдруг стала другой. Жесткой она стала. Жесткой и несгибаемой. В отличие от дяди Миши, которому нынешняя жизнь оказалась не под силу, Лидия Николаевна, наоборот, словно распрямилась и оделась в припрятанную для такого случая невидимую броню. Именно благодаря ей (и еще Нянюре, безоговорочно подчинившейся своему новому главнокомандующему) все они и прошли через тяжелые революционные годы живыми и здоровыми, до сих пор не умерли с голоду, не заболели чахоткой, цингой или холерой. Все они выбрались невредимыми из многочисленных реквизиций, когда дом заполнялся гогочушей, пропахшей табаком и спиртом солдатней, когда дядя испуганно падал за письменный стол, обняв руками голову и зажмурившись, когда Нянюра тряслась в «углу совести», вцепившись в Дашин рукав и не желая даже в скважину чуланной дверцы поглядеть, что же происходит. И тогда тетя Лида смело и решительно выходила вперед, улыбалась и брала на себя переговоры с комиссарами... и всегда договаривалась. Именно тетя Лида принимала решение, что из оставшегося домашнего скарба продавать, на что его менять, какие издания из чадовской прекрасной библиотеки оставить, а что сжечь без жалости и глупых слез. Именно она, когда вдруг закончились дрова, ничуть не жалея, спалила в жадной и совершенно равнодушной к искусству буржуйке любимый белый Wagner: «Все равно настройщика днем с огнем не сыскать... а музыка

нынче — актив неликвидный, руби, Нянюрушка». Она даже не изменилась в лице, услышав сперва треск, а потом прощальный стон инструмента. Wagner гудел страшно и долго, словно предавал анафеме неверную хозяйку. Тетя Лида первая перестала вспоминать о своем старшем сыне Саше вслух, и именно она встала между мужем и младшим сыном, когда дядя Миша дал Мите пощечину, а Митя полез на отца с кулаками. И это она запретила даже вспоминать этот инцидент. Это ее усилиями все они до сих пор оставались семьей.

Не послушаться тетю Лиду было невозможно. Это был не каприз и даже не обоснованный отказ младшего повиноваться старшему. Это было нарушением главного семейного закона. Не просто закона, а закона военного времени. Дочка офицера, она с детства зазубрила на всю жизнь: командир приказал — иди и выполняй. И никогда не спрашивай зачем.

— Не отдам мою Жужелку! — Дашу наконец-то прорвало, и она некрасиво зарыдала, вздрагивая всем телом. — Никому-никому не отдам! Моя-а-а!

— Даша. Милая. Ладно, господь с тобой. Просто принеси кулон в гостиную. Сама принеси. К нему даже притрагиваться никто не станет. Мне... Нам... В общем, этому человеку нужно твою Жужелицу увидеть. Это не просто так человек... Это... Он оттуда. С юга. Он от генерала Деникина... от нашего Саши!

— Вот чего балбесишь? Ну чего балбесишь? — запричитала Нянюра. — Дурища нос в гамне, поди вымой на гумне... А ведь полковника алтирелии дочь.

И почему-то, как в детстве, внутри зажглась обида и злость на глупую няньку, злость знакомая и именно поэтому успокаивающая. Даша глубоко вдохнула и замолчала. Уставилась на тетю Лиду, не мигая.

— Принесешь?

— Да, — кивнула. Хотя задумалась, что могут и отобрать силой. Но все же не стала, не захотела в такое верить и, забежав

в стильную детскую, быстро, чтобы не передумать, выхватила из тайника в столе шкатулочку.

В гостиной царило молчание. Человек — тот, что выглядел как мошенник, представлялся печником, а на самом деле был бог весть кем, может, даже и скупщиком золота, — снял с шеи цветастый платок, расстегнул ворот шинели и теперь грел руки над «дымящей» буржуйкой. Даша даже споткнулась, заметив, какие у него тонкие музыкальные пальцы, хоть и черные все от угольной едкой пыли. «Печник? Как бы не так... Может, карманник. Точно... или вор-попрыгунчик. Вон какой длинноногий, такому даже пружины не надо к подошвам приделывать», — подумалось — и тут же забылось. Человек повернулся к ней. Из-под картуза, из-под косматого, спущенного на самый лоб темного чуба глядели на Дашу удивительной красоты глаза. Серые-серые, но не прозрачные или холодной стали... А такие, как небо Тифлиса, подернутое вечерней ласковой дымкой. Даша неожиданно для себя покраснела и немедленно решила, что этот печник — отвратительнейший тип и наверняка обманет купившуюся на дымчатый взгляд тетю Лиду.

— Мадемуазель. Могу я взглянуть на вашу Вещь... на ваш кулон? Обещаю, я не стану его трогать, — тихо по-французски проговорил гость.

Даша раскрыла шкатулку и встала так, чтобы рассмотреть содержимое ему было неудобно. Ей хотелось, чтобы он подошел поближе и произнес еще что-нибудь. Баритон его показался удивительно красивым, гораздо красивее, чем у самого Баттистини, и это тоже настораживало. К тому же Даше хотелось еще раз послушать его акцент, чтобы определить, откуда же «печник» родом.

— Позвольте взглянуть поближе? Здесь слишком темно.

— Конечно, — согласилась Даша. Потом на пробу по-английски добавила: — Прошу вас, сэр. — И заметила, как еле

уловимо напряглось лицо тетки и как сам гость усмехнулся одними глазами, однако ничего не сказал.

В два шага оказавшись возле девушки, «печник» быстро оглядел фигурку Жужелицы, действительно даже не прикоснувшись к ней, потом поклонился Даше и утвердительно кивнул Лидии Николаевне.

— Все верно. Благодарю вас. Простите за вынужденную проверку, но я должен был убедиться, что вы — это действительно вы.

— Да, конечно. Я понимаю...

— Скажите, мадам Чадова, сколько таких Вещей среди членов вашего... гм... литературного кружка и сочувствующих?

— Кое-что здесь, в доме. Немного — три штуки. К тому же по Москве наберется около десяти предметов. Возможно, меньше. Сейчас непростые времена. Не все готовы отдать Вещь. Человек всегда надеется на перемены к лучшему. Люди успокаивают себя, мол, зачем этим... — тетя Лида произвольно взглянула в сторону столовой, — новым властям мистические безделушки? Большевики ведь даже в Бога не веруют. Представляют, даже Рождество отменили. В шестнадцатом и семнадцатом, когда мы только начинали переписывать владельцев Вещей, по обеим столицам насчитывалось человек тридцать — сорок. Люди даже сами нас находили. Много энтузиазма, много суеты. Все кичились друг перед другом, бравовали. А потом — кто-то сбежал за границу. Кто-то теперь по другую — красную — сторону. В прошлом году, после облав, особенно много было таких... вдруг «покрасневших». Это так странно. Так больно... Великие, прекрасные люди... и на поверку оказываются подлецами и трусами.

— Да. Так случается...

Тетя Лида вздохнула. Присела на некрашеную скамеечку.

— Вот такие дела. Может, получится уговорить и племянницу. Девочка даже не представляет, какова ценность ее кулона,

не уверена, что об этом догадывалась и ее покойная мать. Да что там... Никто в нашей семье ничего про Вещи не знал. Я была так страшно напугана сперва. Как? Я? Почему вдруг решили, что можно мне доверять... Да кто я такая по сравнению с этими людьми... Почему, например, не Гумилев, не Есенин? Или не Маяковский? Почему? Разве не умнее, не чище они меня?

Тетя Лида повернулась, вдруг увидела Дашу и пожурела ее взглядом за то, что та все еще здесь и с раскрытым ртом следит за происходящим.

— Даша! Оставь нас одних, будь добра. Все же нехорошо подслушивать разговоры взрослых.

И хоть Даше было обидно, что ее посчитали ребенком, но еще раз послушаться тетю Лиду девушка не посмела. Она уже достаточно устроила сегодня сцен. Даже если она была права, все равно не к лицу барышне из приличной семьи закатывать истерики. В конце концов, она же не Милочка Завадская, которая по поводу и без повода «теряет чувства»... О боже! За всеми переполохами и событиями Даша напрочь забыла о звонке подруге, и теперь наверняка Милочка рыдает от того, что ее так жестоко, так подло предали...

Даша вылетела в прихожую, сорвала с аппарата трубку...

— Что? Гости у вас, товарищи соседи? Или опять ваш буржуйский недобитыш гадит? — Бессонов словно специально поджидал соседку. Даша даже не успела назвать телефонистке номер Завадских, а Бессонов уже торчал рядом и словно нависал над Дашей всей своей тяжестью. — Гнилой он, ваш Митя. Такие и на мать с отцом донос напишут, дорого не возьмут. Держитесь от него подальше, Дарья Дмитриевна.

— Что? Нет... Это не он... Не Митя. Это я... мышь увидала! Вот! — нашла Даша. И подумала, что надо срочно спровадить Бессонова к себе, а самой предупредить тетю Лиду и англичанина (в том, что в гостиной находился англичанин и шпион

Антанты, Даша уже не сомневалась). Как только у нее из головы вылетело, что комиссар тоже здесь? «Господи, — молилась Даша про себя, — пожалуйста, сделай так, чтобы они сейчас не вышли в прихожую». Ну, кого?.. Кого, спрашивается, обманет этот маскарад... Эта шапка, которая англичанину идет так, как Даше валенки... Ай! Даша вспомнила, что ужасно, стыдно одета, и вспыхнула.

— Мышь зимой?

— Может, больная мышь? Может, бешеная? Точно... Бешеная мышь. Пряталась в мешке с зерном, наелась спорыньи, и вот...

— Мышь взбесилась? Ладно... Вижу, что я для вас не слишком желанный собеседник. — Бессонов вернулся к себе, хлопнув дверью так, что изрядный шмат от насквозь прогнившей шпалеры оторвался и шлепнулся точно на Дашину макушку. Если бы в этот момент она увидела себя в зеркале, наверняка сама бы не удержалась от хохота — настолько похожим на детский чепчик оказался лоскут. Но Даша, чтобы лишний раз не расстраиваться, зеркало решила проигнорировать и влетела обратно в гостиную.

— Тетечка Лидочка! Милая!

— Дарья, перебивать старших...

— Нехорошо... Я знаю. Тетечка Лидочка... Дома он. Этот вздорный Бессонов. Дома! Не на службе.

— Вот как... — замерла Лидия Николаевна и быстрым шепотом, уже не таясь от племянницы, заговорила, мешая русские слова с английскими: — Придется вам встретиться с людьми. Каждый должен решить за себя. Вы должны понимать. You see. Непростое решение. Трудный выбор. Люди всегда остаются людьми. Надеются, что все утрясется. К тому же для меня ваши рекомендации более чем достаточны, а остальные вправе усомниться... Понимаю, нужно немедленно собраться. Но we need... приличный повод. Наш... новый сосед... огромное препятствие. Obstacle. Знаете, такой юркий, вроде бы простодушный,

но очень... очень хитрый человек. Мы его давно знаем. Боюсь, многие не рискнут. You see.

— Да, — мягко улыбнулся гость. — Людям страшно. И нужен повод, чтобы... как это по-русски... комар и ваш сосед носа не подточил.

— Есть повод, — вмешалась сидящая до этого на дядиной табуреточке тише воды ниже травы Даша. И оба они внимательно уставились на нее — тетя Лида с недоверием, «англичанин» с вниманием и улыбкой, которая вдруг показалась Даше обидно снисходительной. Так в детстве смотрел на нее Саша. И немедленно получал кулаком по лбу. Даша нахмурилась и серьезно повторила: — Есть повод. У меня, господа, сегодня восемнадцатилетие.

— О! Приятное событие! Поздравляю, мисс. Кстати, шляпка прелестная... необыкновенно вам к лицу.

— Какая? Где? — Даша нащупала на голове что-то шершавое и пыльное, напугалась сперва... а потом сдернула с макушки лоскут и, узнав в нем солидный обрывок подгнившей обои, зарделась так жарко, что даже буржуйке впору было ей позавидовать.

— В девять вечера здесь... Помните о конспирации. И спасибо за печь, наконец-то можно дышать нормальным воздухом, а не этой дрянью, — тетя Лида немного повысила голос, достаточно для того, чтобы если вдруг кто стоит у двери — услышал, но недостаточно для того, чтобы лишний раз привлечь внимание любопытных особ, проживающих в столовой. — Спасибо! За все.

Вдруг сорвалась, задрожал по-старушечьи голос. Отвернулась, некрасиво сморщив лицо и шею. Даша заметила красную тонкую полоску, натертую жестким суконным воротником платья. Отчего-то умилилась до слез. «Печник» нагнулся, осторожно, настойчиво взял в свою ладонь руку тети Лиды — покрытую всю мелкими царапинками, красную, как у прачки, — и молча поцеловал.

К счастью, в прихожей Бессонова не оказалось. Поэтому «печника» удалось проводить без лишних глаз и ушей. Немедленно после ухода «печника» Лидия Николаевна снарядила Нянюру с записками по вечерним «гостям». Станным был выбор этих гостей. Совсем неподходящим для празднования дня рождения восемнадцатилетней барышни. В списке не значилось ни одного Дашиного ровесника. Не было там и прежних, дореволюционных друзей и приятелей семьи Чадовых... Люди эти не были связаны между собой ни профессиональными интересами, ни хобби, ни случайным курортным знакомством. Чужие, странные, Даше совсем незнакомые люди.

— Вот тебе, матушка, и день рождения... — Даша выбежала на черную лестницу, съехала до первого этажа по перилам, выбралась на улицу, обежала весь дом до самого парадного подъезда и широко улыбнулась тому, кого в самом деле рада была видеть. Манон дремала на скамейке, обернувшись пышным хвостом. Снег падал на Манон с темнеющего вечернего неба, облеплял ее бока и спину, и издалека казалось, что на скамейке стоит облитой сахаром пасхальный кулич. Вдруг «кулич» встряхнулся, замяукал и побежал навстречу высокой девушке в пальто, крест-накрест перетянутом пуховым платком, в огромных валенках и с куском черствого хлеба в руках.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

О том, как трудно бывает принимать решения. Даже если у тебя есть для этого абсолютно все

Москва. Советская Россия, январь 1920 года

Когда тетя Лида извиняющимся, но не допускающим пререканий тоном приказала Даше, чтобы она не думала даже выходить к «гостям», Даша ничуть не удивилась. Кивнула и приоткрыла дверь в детскую, чтобы та хоть немного прогрелась. Вернулся с очередного «поиска службы» дядя Миша, растрепанный и несчастный. Тетя Лида отвела его к окну, шепнула что-то на ухо. Дядя Миша схватился руками за голову, стал еще растрепаннее, принялся бегать туда-сюда, задевая за табуреты и приговаривая что-то одними губами.

— Ты бы ступал бы покемарил, барин. — В голосе старой няньки прозвучала бабская густая жалость. Жалость непочтительная, но и не злая. Так жалеют детей, стариков и безнадежно больных. — Покушать я тебе принесу. Кашка сегодня. Пшенная.

— Лида, Лидуся. Ну к чему это все? Все эти опасные игрища в контрреволюцию... Все эти сходки, болтовня эта... Ты ведь обещала, обещала больше не связываться. Страшно! Ведь так

страшно! Подумай хоть... — Дядя Миша обвел взглядом комнату, увидел стоящую у окна Дашу, вздрогнул. — Вот о девочке нашей подумай. Ей ведь жить! Ей учиться надо.

— О ней и думаю. — Зябко пожав плечами, Лидия Николаевна подошла к мужу, обняла его крепко, как смогла. — Сегодня, Мишенька, объявился человек один с юга. Только ты прекрати бегать и волноваться. У тебя сердце. Человек этот... он с письмом от нашего Саши.

— Что? В самом деле? Боже! И ты молчишь! Ну? Как он там? — Дядя Миша стащил очки и, как обычно, когда он сильно волновался, принялся их тереть, почти отламывая дужку. — Здоров ли? Где? Где письмо?

— Сожгла...

— Зачем? — Дужка захрустела.

— Мишель! Ну нельзя же! Конспирация! Пожалуйста, прекрати мучить очки. Как потом прикажешь раздобыть новые?

— Что же он пишет? — Дядя Миша весь как будто завял. Вот секунду до этого был совсем живой, красный и возбужденный. А тут вдруг взял и весь сморщился.

— Все хорошо. Даже отлично. Юг почти наш — белый... Харьков, правда, временно сдали...

— Да не о том я, Дуся. Что он сам? Как кушает? Где живет? С кем водится? Наверняка совсем уже взрослый. Бреется всю... Можно ли ему что-нибудь передать с этим твоим человеком? Ведь наверняка же можно? Нянюра! Где мои бритвенные лезвия, те, что ты прячешь из экономии? И носки! Где-то же были отличные шерстяные носки — я помню. Я точно помню. И папиросы! Надо срочно найти хорошие папиросы. Он ведь курит? Должен непременно курить! Там все курят! Нянюра! Немедленно собери посылку! Кальсоны положи! Не те, которые новые, а с завязками. Они мне ни к чему, а ему там в самый раз. Знаешь, в Крыму ведь в это время отвратительная погода. И влажность...

— Да-да... Конечно. Все соберем. Нюра, ты слышала. Кальсоны не забудь упаковать... — Тетя Лида ласково взяла дядю Мишу за рукав и повела в сторону спальни. Он шел за ней, как теленок, слегка упираясь и повторяя все тише и тише: «Кальсоны! Не забудьте про кальсоны! Папиросы непременно! Я лично прослежу! Женщины! Вам не понять, там папиросы — очень необходимая вещь. Даже если сам не курит, может всегда поменять... Ходовой товар. Валюта. И кальсоны!»

— Да уж не забуду. Куда уж тут забыть...

Прикрыв за мужем дверь, Лидия Николаевна повернулась, сделала шаг по направлению к столу и вдруг застыла. Стала вся белая и гладкая лицом, как мраморная статуя.

— Собери все, как Михаил Иванович приказал, — скомандовала, уткнувшись взглядом куда-то в стену, поверх Нянюры, которая, до того хлопотливая и ехидная, вдруг тоже закаменела, опершись своим грузным телом о стол.

Даша, до этого раздумывающая, как бы подсунуть в Сашину посылочку что-нибудь от себя, оказалась точно посреди ледяной пустыни — без конца и края, заполненной молчаливой сухой скорбью. С Дашей вдруг случилась безухая и безглазая тишина, такая бывает зимними ночами, засасывает в себя всю комнату от пола до потолка, стискивает и не отпускает, даже если десять раз прочитать «Отче наш». «Не надо теперь Саше ничего. И посылочки не надо».

Даша все поняла. Пронзительно. Ясно. Ударилась о тишину с размаху, будто слетела с высоких качелей на землю животом. Легкие скомкались. И хотелось изо всех сил кричать, чтобы их расправить и вновь научиться дышать. Хабарда! Хабарда! Но кричать было нельзя. Даша смотрела то на тетю Лиду, то на Нянюру, то на дверь спальни, за которой раздавался какой-то шум — наверное, дядя Миша рыщет по углам в поисках кальсон. Понимала: кричать нельзя. Плакать тоже.

— Кипятку спроворь, что ли. Лентяйка все ж ты, Дашка. Белоручка. Кто тебя такую распустену замуж возьмет? — опомнилась Нянюра.

— Да-да. Чаю бы хорошо. И прошу тебя, Дашенька, на нас за день рождения не сердиться, — тетя Лида вымученно улыбнулась. — Ты ведь уже взрослая девушка. Понимаешь... все не так, как прежде. И мы все не такие.

Пока Нянюра с тетей Лидой спешно и как-то небрежно собирали стол, слишком яростно спорили из-за каких-то галет и морковной запеканки, Даша возилась с чайником и пыталась вспомнить про «как прежде».

Вспоминался почему-то все больше Саша, отчего щипало в носу и влажнели глаза, но плакать было нельзя, а значит, щипало еще сильнее. Вспоминалась дача в Судакe. И высоченная калитка, ведущая прямо на пляж. Скрипучая-прескрипучая, с огромным амбарным замком, ключ от которого дядя Миша держал всегда при себе, чтобы дети не убежали к морю одни, без взрослых. Но взрослые — любители после поздних ночных посиделок долго поспать, поэтому всегда можно было вскочить на рассвете и еще до завтрака тайком сбегать к морю.

Перебираться через калитку — сплошное удовольствие. Сперва Саша подсаживал Митю-маленького. Тот ловко, будто обезьянка, карабкался до самого верха, там на минуточку боялся, а потом, не выдержав Дашиных насмешек, быстро скатывался вниз и уже из-за калитки начинал дразниться и швыряться галькой. Потом наступала Дашина очередь, и она представляла себя отважным юнгой, который лезет на самую высокую мачту, чтобы оттуда увидеть гавань и закричать: «Земля! Земля! Капитан, слева по фарватеру земля!» На самом деле слева по фарватеру находилось как раз море, но кричать с грот-мачты «море» было бы в корне неверно. «Дашута! Тихо! Родителей разбудишь! Застукают... и сиди потом из-за вас в четырех стенах», — ругался Саша. Если бы родители застали

его за потаканием младшим, влетело бы ему по самое первое число. Саша перемахивал через калитку, и они втроем мчались мимо откоса, мимо уродливой стены из серых шершавых камней и влетали в холодную прозрачную волну с таким визгом, что редкие утренние купальщики вздрагивали и озирались в поисках как минимум ватаги разбойников, отряда индейцев и пиратской абордажной команды одновременно. Трое детей ну никак не могли издавать такое количество ужасающих звуков.

Малость подсушив одежду, возвращались к завтраку. Осторожно, на цыпочках пробирались на второй этаж. Лестница визжала и жаловалась — предательница. Совсем другое дело — веревочный трап. Но трапа в доме не имелось, поэтому на третью, четвертую и шестую ступени полагалось не наступать. Вместо седьмой ступеньки была деревянная широкая площадка с медным звонким рукомошкой у стены. От площадки лестница раздваивалась. Налево вверх — детская мальчиков. Направо — спальная комната и Дашина уютнейшая мансарда со скошенной крышей, где после отбоя дети по секрету собирались, шепотом рассказывали друг другу страшилки и играли в отважных морских путешественников. Когда в мокрые дождливые ночи по крыше тарабанили капли, Даша воображала, что это морзянка, а она единственная, кто может принять важное сообщение и помчаться на спасение терпящего крушение судна. «Тихо! Слышите... Трансатлантический лайнер налетел кормой на айсберг. Срочно меняем курс. Право руля. Полный ход».

В последний раз Чадовы отдыхали в Крыму в 16-м. Снимали все ту же большую, купеческую дачу возле крепости. А Даша уже стеснялась перелезть через пляжную калитку — да к чему, если никто давно уже не прятал от нее ключ? И злилась, когда Кука Блинов, тощий и неприятно прыщавый мальчик, младше Даши на целых полгода и оттого еще больше

противный, таскался за ней следом и, думая, что никто не видит, пялился на Дашину шею в треугольном вырезе ситцевого платья.

Саша, приехавший прямо из лагерей в недельный отпуск, уже втихаря курил, бахвалился скорым переводом на фронт и вовсю ухлестывал за полькой из Вильны — кажется, ее звали Брониславой. Была она свежая, румяная, как матрешка, отлично играла в лаун-теннис и все время хохотала, как будто ее щекотало изнутри. Еще полька Бронислава перетягивала и без того тонюсенькую талию шелковым темно-синим поясом. Даша про себя называла ее шпулькой и всякий раз, когда Саша со своей полькой появлялись в саду, демонстративно фыркала и поднималась к себе. Из-за той польки-шпульки Даша старшего кузена почти не видела, невозможно скучала и от скуки ссорилась с Митей-маленьким, увлекшимся вдруг астрономией, отчего ни на кого, кроме своей Луны и Плеяд, внимания не обращавшим.

Назло кузенам, польке и Куке Блинову Даша решила хорошенько влюбиться. Но из-за войны Судак тем летом оказался почти безлюдным. Все прежние знакомцы либо были на войне, либо служили в госпиталях и тыловых частях, а до коктебельской Волошинской дачи, где оставалась еще кое-какая интересная публика, пешком не находишься.

Кажется, кроме Саши, скучали все.

Скучала тетя Лида, привыкшая к шумным крымским вечерам, где она царила за роялем и гостеприимно кормила «чадовской» сытной окрошкой вечно голодную литературную молодежь. Скучала Нянюра и от безделья целых два раза съездила к своей старшей сестре — келарше Топловского монастыря, что располагался здесь же поблизости. Привезла просвирок и корзину антоновки.

Скучал дядя Миша, с утра выбирался в горы, охотился там на тарантулов, скорпионов и сколопендр, приносил их в дом

и, несмотря на ор Нянюры, выпускал на обеденный стол, кажется, немало забавляясь нянькиным ужасом и отчетливым, брезгливым страхом жены.

Однажды дядя Миша вернулся с утренней прогулки не один. Посмеиваясь и вытирая потный лоб рукавом, он волок за собой странного человека неопределенного возраста в широких турецких штанах, украинской вышиванке и тюбетейке, подвязанной под подбородком бельевой тесьмой.

— Погляди, Лидуся, что за чудесного Тарзана я нашел в горах! Прошу любить и жаловать. Евгений Бессонов. Представляешь... Голыми руками ловил вот таких скорпионов в камнях... Как ты думаешь зачем? Не поверишь... Чтобы отлить точную копию в металле из особого им же составленного сплава... Левша, да и только. Голубчик, да зачем же вам настоящий скорпион! Купите себе энциклопедию, хоть того же Якобсона, и вперед! Творите! Дуся, считай, я его спас от верной смерти, и теперь, что твои китайцы, я его же вечный должник. Тарзан, он же Левша, отважен как барс, застенчив как газель и голоден как волк... Надо его, Дуся, накормить. Да вы не тушуйтесь, голубчик. У нас тут все запросто... Но все же умойтесь. Рукомойник наверху.

— Прошу к столу, — поморщившись, кивнула тетя Лида. Нежданных гостей она не жаловала.

— Наташут... Напрут всяких, ложек не напасешься, — бурчала Нянюра, выставляя на стол лишнюю тарелку, однако под укоризненным взглядом дяди Миши замолчала.

Бессонов, насупившись, черпал окрошку, выбирая гущу и оставляя забеленный сметаной квас, кусал желтыми крупными зубами хлеб и за весь обед не вымолвил ни слова. На безобидные подтрунивания дяди Миши еще ниже опускал голову и бледнел. Злые желваки ходили под его калмыцкими скулами, но, кажется, дядя Миша этого не замечал и все продолжал шутить.

Даша из-под ресниц разглядывала Бессонова и думала, что какие же бывают странные, удивительные люди и чем они в жизни только не занимаются.

После обеда дядя Миша затащил гостя в кабинет и там что-то ему громким профессорским голосом принялся вещать. Даша хотела было подслушать из-под двери — все равно заняться больше было нечем, но тут во дворе случилась какая-то суета. У калитки остановился тарантас, оттуда вышла монахиня — грузная и неприятная лицом, и Нянюра, всполошившись, побежала сперва целовать монашке руки, а потом лобызаться долго, медленно и важно... У матушки Февронии в Судаке случились какие-то срочные монастырские заботы, а по пути назад надумала она наведать сестрицу.

Пока сестра Феврония благословляла размашистым крестом Нянюру, потом Дашу и остальных домашних, пока отказывалась трижды от крошки, отговариваясь постом... Пока рассаживалась важно за столом, расспрашивая почему-то вдруг суетливую тетю Лиду о том, уродился ли у нее крыжовник и наварили ли они на зиму варенья, прошло около часа. Даша тихонько улизнула на веранду, раскрыла дневник и задумалась.

«Дашута, а Жужелица у тебя случайно не с собой?» Даша вся вспыхнула, когда на веранду вдруг вошел дядя в сопровождении Бессонова. Даша как раз писала, что «господин Бессонов из себя человек малопрятный, глупый и некрасивый». Она резко захлопнула тетрадь, вскочила, сделала нелепейший книксен и замямлила...

— Что? Да ты громче говори. С собой? Или в Москве осталась?

— С собой, — наконец сумела отчетливо выговорить Даша.

— Не принесешь ли...

Даша вскочила и помчалась к себе в мансарду. Там, спрятанная на самом дне бельевого ящика, хранилась у нее мамина Жужелка.

— Вот. Видите, голубчик! Я же говорил! Изумительная... Изумительная точность. Крымская жужелица, как она есть. — Дядя Миша с гордостью демонстрировал Бессонову Дашин кулон, а тот с каким-то странным, словно хищным, лицом смотрел не на кулон, а на девочку.

— Вы его носите часто? Простите, барышня, не расслышал имени вашего... — Голос у Бессонова оказался дребезжащим и неприятным.

— Даша... Дарья... Дарья Дмитриевна.

— А ведь и вправду? Ни разу не видел, чтобы ты его надевала, Дашута. Или ошибаюсь? — Дядя Миша близоруко заулыбался.

— Нет! Я вообще его не ношу!

Почему-то Даше эти расспросы показались неприятными, она выхватила кулон из рук дяди Миши и спрятала его в кармашек.

— Так вот... Сколопендра кольчатая, или *Scolopendra cingulata*, достигает десяти сантиметров в длину... Если вам любопытно, я вам покажу уникальный экземпляр... Отловил неделю назад...

Они уходили прочь, дядя Миша увлечено трещал, а Бессонов все оглядывался на Дашу. Глаза его, прозрачные и желтые, как у кошки, зловеще блестели.

Как всегда, когда становилось не по себе, Даша искала утешения у старой няньки. Почему-то именно грубая, вздорная Нянюра как никто другой умела восстановить Дашино душевное равновесие. Ляпнет какую-нибудь чепуху, раздражит, разозлит, доведет до белого каления, и тут надо хорошенько топнуть ногой, крикнуть «Няню-юра», и внутри отпускает. Няньку Даша нашла в беседке за самоваром. Там же были и матушка Феврония, и Лидия Николаевна. Они чинно отхлебывали чай из глиняных, в горох чашек и вполголоса беседовали. Говорила больше монахиня, Нянюра выглядела какой-то необычно услужливой, а тетя Лида, наоборот, волновалась так сильно,

что то снимала, то надевала соломенную с лиловым бантом шляпку — предмет тихой Дашиной зависти. «Вот. Заодно и тетечку Лидочку спасу. Она бедняжка, наверное, уже тысячу раз выслушала рецепт смородины, перетертой с сахаром, и хорошо, если к вечеру из противоречия не надумает все смородиновые кусты выдрать с корнем». Даша собиралась было уже выскочить на тропинку и появиться перед беседкой, как ветер донес сказанное тетей Лидой. «Я не знаю... В это человеку здравому даже поверить невозможно! Если бы не вы, матушка, я бы решила, что меня разыгрывают. Ну надо же... И Дашенькина Жужелица тоже, выходит».

«Так-так. Любопытно. То дела никому не было, то теперь все вокруг только и заняты тем, что говорят про Жужелицу», — насторожилась девочка и подобралась поближе. Подслушивать, разумеется, не годится, но если чуть-чуть — ничего страшного. Во всех книгах самые важные вещи происходят с героями лишь потому, что они вовремя наступили на горло правилам приличия.

— Даст бог, не понадобисься, Лидия... Дай бог, обойдется. Однако суета вокруг идет недобрая, и со дня на день всякое случиться может. Ты, милая, главное, не тревожься заранее. — Голос у старой монашки был такой гулкий и грубый, словно в ее горло вкрутили медную трубу. — Живи как живешь. Вон, Анюта говорила, ты гостей любишь у себя собирать...

— Ну... Да. Люблю, — тетя Лида как-то не очень ласково покосилась на Нянюру. Та сделала вид, что происходящее ее не касается, цапнула с тарелки черствую баранку и чересчур задумчиво принялась ее жевать — точь-в-точь нашкодившая коза.

— Это хорошо. По-христиански. Тут вот записочка у меня... — Феврония пошевелилась и, словно фокусник из цилиндра, вытащила из складок своего не по погоде жаркого одеяния тоненький молитвослов. Раскрыла его, полистала, нашла

сложенный вчетверо тетрадный листок. — Тут имена записаны. Так ты когда помочь мне согласишься, я передам, чтоб заходили к тебе на чай по-простому, без приглашения. А чтобы ты кого не перепутала, шепну тебе секретное слово. По этому слову ты их и узнаешь. Посмотри повнимательнее, кто да что, разузнай, готовы ли по первому сигналу тебе Предмет передать. Привечай почаще, чтобы у соседей на них глаз уже намозолен был и никаких подозрений они ни у кого вызывали. Слово же такое...

Келарша прошептала что-то так тихо, что Даша не выдержала, подкралась поближе и стала слушать еще внимательнее, поскольку приличиям к этому моменту должно было стать уже все равно.

— Предметы свои без острой нужды никто тебе на руки не даст, — посерьезнела Феврония и заговорила быстро, отчетливо: — Ты не Хранительница. И права у тебя такого нет, а главное — сил. Но если вдруг срочность или беда — возьми и спрячь хорошенько.

— А почему же вседержители эти ваши не могут сами вещи у себя собрать, я-то вам зачем? А вдруг все перепутаю?

— Хранители, — поправила монахиня. — Могут. И я могу. На случай, если не успеют до меня добраться, мало ли... в Москве надежные руки нужны. А там сейчас ни одного Хранителя не осталось. Или померли, или по норам разбежались. Время нынче такое... Трусливое нынче время. Вот так-то! Я бы Анюте наказала, тебя бы попусту не тревожила, но в записочке очень непростые люди есть. Ну и кто из них полудуре безграмотной доверится?

— Иш-шь ты, — обиженно зашипела Нянюра в баранку. — Я еще помудренее тебя буду.

— Ты, Лидия, главное запомни, — мать Феврония на шипенье сестрицы даже ухом не повела, — если получится так, что прибудет от меня курьер, устрой так, чтобы гости твои

собрались сей момент и были готовы ему свои вещи немедленно передать. Это понятно, милая?

— Да... Да, матушка. Конечно.

— Не «да, матушка-а-а, конечно». А обмозгуй хорошенько. С мужем посоветуйся. Он — хозяин. Знать должен, потому что дело это опасное. А если надумаешь — ко мне в монастырь заедешь и скажешь. И храни тебя Господь. — Монахиня поднялась, окинула сестру скептическим взглядом и добавила: — И тебя, Анюта, тоже храни.

Даша юркнула в кусты, обожглась сильно крапивой, но сцепила зубы и не пискнула. Подождала, пока мать Феврония в сопровождении няньки уйдет, и только потом объявилась перед тетей Лидой. Та задумчиво вертела шляпку в руках. Дашу распирало любопытство, но признаться в том, что она подслушивала, было невозможно. Поэтому Даша просто примостилась на скамеечку рядом и решила помолчать.

— Ты мамин кулон отчего не носишь? — Шляпка упала на дощатый пол. Тетя Лида, кажется, даже не заметила.

— Не хочу сейчас, — насупилась Даша. — Мама говорила, что подарит мне его на восемнадцать лет. Тогда и надену. Чтобы честно.

— Вот и отлично! — Тетя вдруг обрадовалась. Ласково провела ладонью по Дашиным волосам. — Правильно, Дашута. Так и надо.

Тем же вечером в столовой состоялся малый семейный совет. Совет продолжался до самого рассвета и сопровождался восклицаниями, мольбами и нудными лекциями. Выпито было два самовара чая и съедена вся ветчина. Дашу и Митю-маленького по малолетству на совет не пригласили, поэтому Даша так и не узнала, что большинством голосов (тетя Лида, Нянюра и Саша проголосовали «за», дядя Миша воздержался) было принято решение принять предложение матушки Февронии

и предоставить московскую квартиру для встреч людей весьма необычных и до этого Чадовым совершенно незнакомых.

Даша сидела в холодной детской, свесив с кровати обутые в валенки ноги, и разглядывала Жужелицу. И чего она этому шпиону понадобилась, хотелось бы знать. Все же правильно считается, что все англичане издевательски высокомерны. Вспомнив про нелепый кусок шпалеры и про дурацкую шутку англичанина, Даша сморщила носик. Будь ей десять лет, возможно, ей показалось бы это смешным, а сейчас... глупость. К чему, спрашивается, было над ней подтрунивать, как над маленькой? Даша погладила Жужелицу по спинке. Ей на долю секунды показалось, что жучок вздрогнул, но тут раздался шипящий голос Нянюры: «Быстрее, быстрее сюда давай, пока этот чертяка у себя там не очухался. Да ступай ты внутрь, чего в дверях застрял. И-ишь дылда, ножищи отрастил, а бегать не научился». Даша замерла, прислушиваясь. В столовой снова наступила тишина. Ну либо кто-то разговаривал таким неслышным шепотом, что звуки не проникали даже через тонкую дверь. Не удержавшись, девушка спрыгнула с кровати и, подбежав к двери, прильнула глазом к замочной скважине. Видно было немного: кусок стола, стул, и угол печки. Прошла Нянюра, бросила что-то в ведро для золы. Ушла. Мелькнула юбка тети Лиды... Снова Нянюра. Да кто же там уже пришел!

Вдруг над самым ее ухом забарабанили. Она начала выпрямляться, зацепилась шалью за дверную ручку, неловко вывернулась, чтобы освободиться... и получила прямо по лбу. Бам! Как в кино, честное слово! Только в кино после этого все начинают громко смеяться, а ей хотелось плакать от резкой боли. А когда она увидела, что прямо перед ней стоит этот отвратительный,

противный, глупый англичанин, захотелось еще и спрятаться под одеяло с головой от стыда. Но вот странность. Именно в таких особо тяжелых жизненных ситуациях Даша прекрасно брала себя в руки. Поэтому она даже не покраснела (разве что чуточку, но в полутьме все равно этого не заметно), красиво выровняла плечи и спину, царственно повела головой и спросила со всем возможным высокомерием:

— Чем обязана, сэр?

— Я... Я... Мисс Даша... — Артур с огромным, просто невероятным трудом пытался удержаться от смеха и даже улыбки. Давалось это ему кое-как, потому что растрепанная юная девица, только что заполучившая на лбу шишку (которая, кстати, набухла на глазах), выглядела так устрашающе, что сама Мария Стюарт с радостью уступила бы ей место на эшафоте и в истории. — Я хотел сделать вам небольшой подарок, мисс Даша. На день рождения.

— Да? Не стоило себя утруждать, сэр... Мы же оба великолепно понимаем, что вовсе не я явилась причиной вашего сегодняшнего визита, в связи с чем можете считать себя свободным от всяких нравственных обязательств по отношению ко мне, поскольку я, будучи всего лишь предлогом...

Артур все-таки не выдержал.

И согласитесь, хотя в жизни всякого человека подобных неловких ситуаций случается достаточно, и что в какой-то момент понимаешь, что издеваться над упавшим, запачкавшим спину белым или получившим дверь по лбу — пошлость, порой надо позволить себе минуту здорового смеха.

Даша, бледная, со сжатыми губами и яростно раздувающимися ноздрями, стояла и ждала, когда же наконец ЭТОТ поймет, как неприлично он выглядит, и перестанет хохотать.

— Простите. Простите ради бога, мадмуазель... Охаха-а... Умоляю... Я просто... Мне трудно вам будет пояснить. Я не над вами... Просто так давно не смеялся вот так, искренне и до слез.

Лет пять... или шесть. Не обижайтесь. Это сильнее меня. Наверное, я просто смертельно устал от всего произошедшего за последнее время... А тут что-то нормальное, настоящее. Дом, семья... Вы с этой шишкой... Огромная, просто гигантская у вас шишка. О господи! Ну что я несу! Ох-ха-а-а... Боже... Ухожу. Ухожу.

Лидия Николаевна смотрела на позабывшего про всякую конспирацию курьера и старалась не думать о том, что этот хохочущий чужой человек сегодня с утра принес ей весть о том, что старший ее сын погиб. Думать об этом теперь было нельзя, ни к чему. Лидия Николаевна взяла со стола сухую галету, отгрызла кусочек, жестом отправила Нянюру дежурить возле двери и замолчала. Кажется, англичанин догадался, что секунду назад позволил себе неуместность. Он молча устроился возле буржуйки и прикрыл глаза. Тикали ходики. Михаил Иванович запретил их продавать — как-никак подарок студентов на пятидесятилетие. И Лидия Ивановна рада была, что они остались и что благодаря им ее теперешняя тишина все же не так страшна, как могла бы быть. Ей хотелось лечь на спину и долго глядеть в потолок, без мыслей, без воспоминаний... Представить себя старенькой куклой, у которой внутри пустота и поэтому совершенно нечему болеть. Старенькая, изношенная кукла — как это замечательно! Лидия Ивановна усмехнулась, вспомнив, как недоверчиво глядел этот сегодняшний человек то на нее, то на фотографию... ту самую, которую всегда носил с собой ее Сашенька. Человек смотрел, сравнивал и не узнавал — так она постарела и износилась за эти четыре длинных года. Так ведь и не смог узнать... Нянюру узнал, а ее нет. Потому что она — это уже не она вовсе. Нет больше хохотушки и красавицы Лидочки Чадовой. Есть древняя, древняя, древняя, древняя старуха. У разбитого корыта.

— Вы простите меня, — шепнул майор. — Просто смертельно устал. Соображаю медленно, как Пиноккио. И плохо

контролирую реакцию. Я уже третью ночь без сна. К тому же неделю кочегарил за проезд. Простите.

— Да. Ничего страшного... Я прекрасно вас понимаю, сэр. Но где же все люди? Времени уже половина десятого. Няню-ра...

— Тс-с. Тихо, барыня. Чертяка этот, Бессонов, там чего-то зашерудил. А ну как зайдет! Тихо вы. Чего вам не терпится?

— Ты точно прошла по всем адресам, Нянюра? Что тебе сказали? Будут? — Лидия Николаевна понизила голос так, что догадаться о сказанном можно было лишь по движению губ.

— Ну... Всех. Всех обошла. Хотя кое-где и на порог не пустили. Есенин этот ваш, к примеру... Высунул голову через дверь. Мол, кто такие, не знаю ничего, не видел, не слыхал. А так... обещались подойти кое-кто из простых. Из тех, про кого в газетках не пишут и карточки чьи в зеркало понатыканные не висят.

— Нянюра!

— Что — Нянюра? Я ж не слепуха! Вижу. Два годика назад все тут гоголем бегали! А теперь что? Подштанники намочили?

— Достаточно! Не твое дело! Поди спустись-ка лучше вниз. Погляди там, что да как...

— В холодину-то такую? Конечно... Сами мы ж разве пойдем. Мы ж барыни. Ксплотаторши... Все Нянюра да Нянюра, — забурчала нянька, озираясь в поисках пухового платка.

— Няню-у-ура.

— Да ладно. Бегу уже. Бегу.

Даша лежала на животе, подтянувшись поближе к спинке и прижав шишку к холодным металлическим прутьям. Чтобы глупо не реветь от злости, пыталась про себя петь песню про «цыпленка жареного». Запой она ее вслух, вот бы удивился и рассердился дядя Миша. Стал бы кричать и выяснять, откуда она подцепила эту гадость. А песня между тем отличная.

«Цыпленок жа-а-ареный, цыпленок па-а-ареный...»

— Воронок там у парадного... Барыня! Воронок стоит и мотором фырчит. И у черного хода солдаты прячутся!

Даша услышала свистящий шепот няньки, больше похожий на крик, соскользнула с кровати и выбежала в столовую.

— Даша! Что еще такое! Ты зачем здесь... Нянюра... Ты уверена?

— В чем дело? Что-то случилось? — Англичанин, почувствовав образовавшееся в комнате густое напряжение, поднялся. Вопросительно уставился на Лидию Николаевну.

— Комиссары... Те, что у черного хода, — молчком. А эти... Другие. На всю улицу горлопанят. — Лицо няньки, обычно красное и здоровое, побелело и вытянулось. — Мож, таки не к нам, а, барыня?

— А если к нам? А если они всех наших, тех, кто все же пришел... Если всех наших арестовали уже. Оттого и нету никого. Нянюра... Что нам теперь делать-то? — Лидия Николаевна обернулась к терпеливо ждущему ответа гостю, быстро пояснила: — На улице у дома автомобиль с чекистами. Возможно, не просто так, но по нашу душу. И раз из обещавшихся никто не явился, боюсь, что «чрезвычайка» схватила их прямо на улице. Сейчас для Москвы это обычное дело. Да и донести мог кто угодно. А мог и не донести... просто так — облава. Возможно, что к соседям... Стыдно, но я молю бога, чтобы это к соседям.

И тут, словно в опровержение ее слов, раздался грохот, толпа громких людей ввалилась в квартиру, протопала по длинному коридору. Защелкали затворы, кто-то загоготал, потом выматерился грязно, тут же вылетела из петель стеклянная створка, кажется на кухню. Таз, висящий под потолком у ванной, упал на пол с грохотом и лязгом.

— Открывайте! Чека! — В дверь яро заколотили прикладами.

— Что делать-то, барыня? Барина будить? Или как... — Нянюра шлепала губами, стараясь говорить спокойно, но слова получались у нее все изжеванные и от этого непонятные.

— Ох. Про Мишу-то я позабыла. Да. Буди скорее, Нянюра. А вы... — Лидия Николаевна резко повернулась к англичанину, скользнула взглядом по Даше. — Вы пока в детскую. Живо! Прячьтесь... Надеюсь, что вы не собираетесь отстреливаться или что-нибудь в этом роде. Умоляю. Будьте благоразумны. Я попробую с ними договориться. Не в первый раз. Может быть, получится откупиться. Если же обыска избежать не выйдет, то тогда... О господи! Тогда я не знаю, что нам делать!

— Понял. Куда мне?.. Сюда? Мисс! — Англичанин скользнул в детскую и буквально втянул за собой туда Дашу. — Мы с вами не боимся и сидим тихо-тихо, как мышки. Договорились?

Даша облила англичанина презрительным высокомерным взглядом (которого он, впрочем, заметить в темноте никак не мог), вырвалась из его рук, подскочила к двери, которую англичанин умудрился за собой запереть на ключ, выдернула ключ из замка и притиснулась к замочной скважине. И если бы ЭТОТ позволил себе сейчас хоть один смешок, она бы, честное слово, развернулась бы и ударила его кулаком в лицо. Со всей силы. Опыта, слава богу, у нее за школьную жизнь накопилось предостаточно. Во дворе гимназии она дралась так, что с ней даже старшеклассницы боялись связываться и неоднократно приходили из соседних районов малыши просить покровительства и защиты. А еще она отменно наваляла (Даша обрадовалась, вспомнив подходящее к случаю слово) двум прыщавым кадетам, которые вздумали однажды засесть в кустах, чтобы оттуда быстро выскакивать и задирать проходящим мимо девчонкам юбки. Ну... Ну кто там собирался хихикать?

К счастью, англичанин оказался настолько догадлив, что не издал ни звука. Даша помедлила и опустилась на коленки, чтобы удобнее было смотреть. Замерла.

— Чадов Михаил Иванович? Вы будете? Вот мандат на ваш арест. Имеются подтвержденные сведения, что в вашей

квартире собирается регулярно контрреволюционное сообщество с целью заговора супротив народной власти рабочих и крестьян. — Комиссар, иссиня-сизый от многодневной щетины, с красными от бессонницы глазами, в задубевшей на морозе короткой кожанке, держал на вытянутой руке бумагу. — Собирайтесь. Разбираться поедem.

— Ах! — Нянюра закрыла рот обеими руками, чтобы не закричать.

— Да-да... Это я. Я профессор Чадов. К вашим услугам. — Сонный, с помятым лицом и лысиной, без очков, босой и какой-то по-цыплячьи беспомощный дядя Миша щурился, пытаясь разглядеть говорящего. — Что вы желаете? Чем обязан?

— Собирайтесь же, говорю...

— В чем дело? Объяснитесь? Какое сообщество? Какой заговор? Что за чушь вы несете? — Тетя Лида выдвинулась вперед, отстранила мужа плечом. Поправила волосы плавным жестом, как будто сейчас безупречность прически была самым важным делом ее жизни.

— Контрреволюционное сообщество. Заговор тоже... контрреволюционный, — зевнул комиссар. Кинул через плечо двум лениво опирающимся на винтовки солдатам: — Забираем. До машины и так дойдет, чай, не пристынет пятками к сугробам. А на Ходынке всем жарко.

— Ай-йу-у-у, — завывала Нянюра. — Что ж творите, супостаты?

— Заткнись! — рывкнул комиссар. Не зло, как-то безразлично. И уставился на Лидию Николаевну, которая, выставив перед собой тонкие руки, пыталась оттолкнуть чекистов. Те, видимо не ожидавшие сопротивления от этой маленькой глазастой барыньки, неловко переглядывались.

— А вы, выходит, Чадова Лидия Николаевна будете?

— Да! — вскинула подбородок тетя Лида. — Это я.

— И вы тоже собирайтесь, дамочка. Арестованы.

— За что? Объяснитесь! И покажите ваши документы! И ордер! Я хочу видеть ордер.

— Вот как с ними? А? — Комиссар пожал удивленно плечами. — Барыня-сударыня! Вы сами подумайте, ну зачем надо, чтобы мы вас хватали, тащили, может, и ударили ненароком? Ведь нехорошо это. И вам и нам — никакой радости и удобства. А так — потихонечку оделись, вышли во двор, сели в предоставленное авто... К утру, глядишь, разберемся — вернетесь себе домой. К завтраку поспеете.

— Товарищ комиссар, тут такое дело... — показался в проеме румяный солдатик. — Вас спрашивают.

— Кто? Звание? Должность? Какой отдел? Кто командир? — Бессонов стоял в дверях гостиной — осунувшийся, страшный, похожий на голодную рысь. Глаза его, цвета прозрачного янтаря, переливались опасно и яростно.

— А сам-то ты кто такой будешь?

— Следователь особого отдела Бессонов. Слыхал? — пропитанный жгучей ехидцей кусачий голос Бессопова показался вдруг всем спасительной соломинкой. Он звучал так уверенно, что даже Нянюре, Бессопова давно и глубоко презирающей, почудилось, что сейчас «знакомый комиссар» все одним махом решит. — В чем их подозревают? Кем подписан мандат?

— Сам подписал... Ошибся, полагаешь? Невинных овечек послал на убой? Ну-ну. В чем обвиняют? А я тебе скажу. В этом доме свила гнездо контрреволюционная шваль. Между прочим, прямо перед твоим носом сговаривались последыши колчаковские. Внизу семерых гадов буржуйских взяли. И тут двое. И еще надо бы по сусекам поскрести, глядишь, на какой-нибудь колобок наскребется...

Чекисты заржали. Бессонов скрипнул зубами. Скользнул взглядом по профессору, жене его... Отвернулся в сторону.

— Все понятно, товарищи. Продолжайте. Не буду больше мешать. Но прислушайтесь к совету опытного следака. Будете обыскивать квартиру — начинайте с кухни.

— Окрошку жрал профессорскую, аж за ушами трещало. А теперь, выходит, сам барином заделался? Мешать он не будет. Нет уж. Ты мешай! Мешай! — Нянюра резво цапнула с печки кочергу и замахнулась, чтобы опустить на голову ближайшему из супостатов. Но «супостаты» оказались ловчее, и Нянюра завопила, когда младший из чекистов больно вывернул ей руку назад. Кочерга с глухим стуком упала на пол.

— Все, выводите буржуев. Квартиру обыскать... И ведьму эту старую возьмите на пару деньков — пусть мозги проветрит. Хотя хорошо бы ее расстрелять на месте за оказанное сопротивление при исполнении. Все одно толку от нее никакого. А мишень выйдет знатная, большая, заметная такая мишень. Эх... Неужто во всем доме одни старухи, да и те контрреволюционные элементы? Сейчас бы какую барышню посвежее.

Раздался гогот.

Даша никак не могла увидеть происходящее целиком, зато слышала отлично. И когда дядя Миша, а потом и тетя Лида, подталкиваемые в спину прикладами, вышли из столовой, а потом выгнали из столовой упирающуюся Нянюру, она обернулась к застывшему с пистолетом в руке англичанину.

— Там всего четверо. Трое с винтовками. У одного — наган. И еще Бессонов, — прошептала губами. — Можно попробовать их всех убить.

— А ваши родные? Что с ними?

— Арестованы. Наверное, их теперь расстреляют. Так обычно и бывает. Тем более чекисты говорили о Ходынке. Всем в Москве давно известно: если на Ходынку, то — расстрел. — Спокойствие, с которым она произнесла эти страшные слова, напугало ее саму. Но почему-то она чувствовала, что это правильно. Как тетя Лида, которая отложила свою боль и свое горе

материнское на потом, так и Даша отсрочила панику на тогда, когда это не будет мешать ей думать и действовать.

— Вы не знаете, мисс Даша, случайно, где ваша тетя хранила Вещи... Предметы? Фигурки вроде Жужелицы? — Он шептал быстро, экономя секунды на паузах. — Может быть, сейф? Или секретный ящик, куда вы все прячете...

— Вы за этим приехали? Да? Из-за этого их взяли и убьют? Из-за этого погиб Саша?

— Дарья... Пожалуйста, ответьте.

— Нет! Я не знаю. — Даша сцепила зубы. — Я правда не знаю. Я сказала бы, хотя сейчас, в этот момент я вас ненавижу. За все.

— А Жужелица? — предпочел не услышать последнюю фразу майор.

Даша сунула руку в карман и открыла было рот, чтобы молвить «да вот же она», но тут ее словно кто-то одернул — молчи.

— У тети. Я ее тете отдала, чтобы она уже передала вам. — Даша непроизвольно дотронулась до маминого кулона пальцами. Как будто искра проскочила. На этот раз Даша ощутила ее абсолютно точно. Жужелица словно что-то хотела Даше сказать. Но что?

— Аа-ай... Аа-ай, родненькая моя, курносенькая сладурочка, — вой Нянюры донесся с улицы. — Ай, сладурочка в окошечко... К сестричке моей родненькой... Через совесть беги, гляди, где картошечка...

— Ваша няня всегда так? — Артур, встав сбоку от окна, выглядывал наружу. — Там кругом солдаты, патрули. Все отлично просматривается — перекресток, сквер, площадь. Не прорваться. Что в столовой?

— Пусто пока. Бессонов, сосед наш, их на кухню увел. Это в самом конце коридора... — Даша совершенно точно поняла, что Бессонов именно увел чекистов, чтобы дать ей возможность сбежать. Никакой благодарности она к нему не испытывала:

мог бы и не уводить. Тогда бы этот англичанин вынужден был стрелять и убил бы хотя бы одного. Или даже двух! — Ну?

— Ай, сладурочка в окошечко... к сестричке...

— Погодите. — Даша прислушалась. — Нянюра не просто так кричит. Стойте... Она мне сказать что-то хочет.

Хорошо, когда человек в ситуациях, когда надо сосредоточиться — сосредоточивается. Когда не стучит в висках кровь, не замирает где-то ближе к пяткам сердце. Когда мысли ясны и отчетливы, а руки и ноги слушаются беспрекословно. Хорошо, когда твой темперамент, характер и наследственность мобилизуют и заставляют думать и действовать. Жаль лишь, что такой дар — редкость.

— Погодите. Кажется, я догадалась. Она говорит, надо бежать через «угол совести»... через окошко в «углу совести». Там выход на крышу.

— Даша?

— Ах да! Откуда вам знать. Это чуланчик. Он тут, возле столовой. Маленькая каморка с окном на крышу. Его дядя Миша называл «угол совести». Мы там... Впрочем, какое вам дело!

— Так что же мы медлим?! Где эта ваша «совесть»? Ну?

— Ничуть мы не медлим. — Даша продемонстрировала ключ, который только что достала из кармана, быстро вставила его в замок, повернула дважды и распахнула дверь.

Столовая все еще была пуста, зато в соседних комнатах — в ванной и маленькой дальней спальне для прислуги — обыск шел полным ходом. Что-то дребезжало, громыхало, падало, валилось, билось, сыпалось... Распахнув маленькую одностворчатую дверку чулана, Даша, нагнувшись, ловко забралась внутрь. Артуру же пришлось скрючиться в три погибели. Зато окно в «углу совести» было не таким уж узким — если втянуть в себя все, что втягивается, то можно попробовать не застрять. Артур ткнул рукоятью пистолета в стекло. Стекло треснуло, осыпалось.

— Вы уверены? — Артур посмотрел на девушку. Ее отчаянность, решительность и спокойствие его ничуть не поражали, он повоевал достаточно, чтобы сразу распознать адреналиновый шок. У новобранцев такой шок — обычное дело. Две-три атаки — и обычно он проходит, люди вновь начинают бояться смерти. Но сейчас это было ему на руку — возиться с дрожащей от ужаса вялой девицей было бы весьма некстати.

— В чем? В том, что мне нельзя тут оставаться ни секунды? Или в том, что я пролезу? Я пролезу.

— Тогда, простите, я пойду первым.

Не джентльменский... совсем не джентльменский поступок. Но майору требовалось оглядеться, убедиться в том, что соседние крыши свободны, проверить, насколько далеко расположена другая крыша и как прыгать, если черепица покрыта толстой коркой льда.

— Руку? Что вы там копаетесь? Руку, Даша...

— Погодите еще секунду. Нянюра же не просто так про картошку пела... Я только что сообщила. Здесь у нас в ящике всегда хранилась картошка, и там еще дырка внизу — мыши прогрызли, так в дырку всегда заваливались картофелины — одна или две. Картошки гнили и ужасно воняли. Мы все думали, откуда вонь... Когда нашли, ужасно злились на мышей и всё собирались дыру заделать, но так и не собрались... А потом уже и картошки не стало.

— Даша, а что если вы попозже расскажете мне о вашем счастливом детстве?

— Погодите же. Вот... Ага! Стойте, у меня юбка за стекла цепляется.

Она выкарабкалась на крышу, под зарядивший вдруг мокрый снег, кое-как одетая, но хотя бы в шали, накинутой на плечи, и, к счастью, в валенках... «А дядя Миша-то босиком, и у тети Лиды даже шапочки нет», — промелькнуло в голове,

шелохнуло сердце, но вновь оказалось, что думать про это ей совершенно некогда и не нужно.

— Прыгать надо. Немедля. Вы справитесь? — Артур показал девушке на крышу соседнего дома. Совсем недалеко, метра два. Если прыгать по песку или по гальке где-нибудь в Судаке или в Куок-кале, то совсем не страшно. Рисуешь две черты «от» и «до» и прыгаешь... Представляешь, что ты отважный капитан пиратского корабля, что только что взял на abordаж испанскую каравеллу. Осталось только перескочить с борта на борт, не уронив шляпу с пером в синее-синее море.

— Да! — Она разбежалась и прыгнула.

— Отлично. Вы умница! — Он приземлился рядом. — А теперь бегом отсюда! Бегом, мисс Даша...

Они проторчали до утра на каком-то пыльном и большом чердаке. Артур распалил незаметный с улицы костерок, который почти не грел, но с ним хотя бы не было так стыло пальцам и глазам.

— Если вы пересядете поближе ко мне, то с большой долей вероятности нам обоим станет теплее. Хотя можете, разумеется, отказаться. Я пойму.

— Хорошо, — ответила она каким-то очень вялым тоном, бессильно привалилась спиной к его спине, и Артур догадался, что ее немного «отпустило» и теперь она непременно захочет спать. К счастью, тулуп, тот самый, почти месяц назад позаимствованный у крымских бандитов, он успел схватить, выскакивая из чадовской столовой. Без тулупчика (спасибо тебе, есаул) вряд ли они досидели бы здесь до утра. Артур осторожно накрыл девушку. Отличный большой тулуп — хватило на целую девушку и на половину левого плеча майора Уинсли.

Утром, едва рассвело, майор норфолкского полка армии его величества Артур Уинсли и Даша Чадова осторожно спустились с чердака вниз, выбрались через черную дверь соседнего с чадовским дома и остановились передохнуть.

— Что вы, мисс... Как теперь? Куда? Домой же вам, наверное, не стоит? У вас есть еще родные? Бабушки, тети, дяди?

— Нет. Все кончились. Вот брат есть, — загорелась вдруг Даша. И как-то внезапно сникла. — Митя. Впрочем... Нет. Наверное, и его тоже нет. Скажите, сэр шпион, а насколько важны вам ваши эти кулоны?

— Очень важны, но какое это имеет значение теперь?

— Тогда, — Даша дерзко уставилась серыми своими глазами в его серые глаза, — тогда я предлагаю вам сделку.

Был бы Артур собакой, он бы заскулил. Количество сделок, в которые он за последние несколько месяцев так или иначе ввязался, превышало все человеческие возможности.

— Та-ак. И какую же это сделку, мисс Даша?

— Я отдаю вам вот это, — она вытащила совершенно женским, не подходящим для такой молодой девушки и от этого не вульгарным, но трогательным жестом из глубокого ворота кисет. — Это и есть ваши драгоценные штуковины. Они в дырке мышинной лежали... А я их нашла! Так вот, я отдаю вам ваши кулоны, а вы за это довозите меня до села Топловское, что в Крыму. Там у Нянюры ведь сестра в монастыре. И хорошо там. Спокойно... И наши тоже там... Да. Давайте так и поступим. Точнее, сначала вы меня довозите, а потом... потом я вам отдаю этот мешочек.

— А если я его у вас просто отберу? — невесело рассмеялся Артур. Кажется, Топловское — заколдованное место: то оно его преследует, то от него убегает.

— Думаю, вам воспитание не позволит.

— А вам, выходит, ваше воспитание позволяет меня шантажировать. Да?

— Нет, — нахмурилась девушка. — Но у меня выбора нет. У меня вообще ничего нет. И никого... Теперь.

Девушка запихнула мешочек в карман юбки, туда, где лежала уже фигурка Жужелицы. Коснулась случайно указательным пальцем, погладила мамино жучка по спинке. Едва заметно кольнула руку хозяйки маленькая «жужелица-жужка». У Даши защекотало в носу. «Жужелка, жужелка, пошепчи на ушко», — Даша сглотнула слезы, так чтобы англичанин не подумал, что она раскисла.

— Хорошо. Договорились, мисс Даша. Только, чур, меня слушаться и делать то, что я буду говорить. Кстати, мое имя Артур. Я вас прилично постарше, поэтому можете звать меня... э-э-э... дядя Артур, например. Или господин Артур. Или сэр. Хотя нет, «сэр» — слишком по-солдафонски. Вот! Майор. Да! Зовите меня майором. Это меня хотя бы не пугает, потому что «дядя Артур» звучит, скажем прямо, странновато... Что-то еще? Что? Да что вы на меня так уставились? Даша... Даша! Эй... Дарья!

— Дядя Артур... Майор, — она жалобно уставилась на него с очевидным намерением вот-вот расплакаться. — Я совсем... совершенно не понимаю, что со мной происходит, но нам с вами необходимо немедленно пожениться.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...

ЛАРИСА БОРТНИКОВА

Родилась 10 октября 1970 года в городе Куйбышеве (сейчас Самара) в семье военного. Путешествовали много, часто; меняли гарнизоны, города, школы, знакомых. Отлично умеет паковать вещи, устраиваться на новом месте и заводить новых друзей. В 1991 году закончила Самарский государственный университет. В 1993 году случайно влюбилась, отчего не закончила Московскую юридическую академию. По образованию филолог, переводчик, недоюрист. Продолжила семейную традицию вечных путешествий: Москва, Рига, Берлин, Стамбул, Москва. Работала переводчиком, учителем, журналистом, опять переводчиком, торговала недвижимостью и промышленным

оборудованием. Пробовала на вкус бизнес чужой и собственный. Теперь топ-менеджер в небольшой московской компании. Замужем. Есть сын — совсем уже взрослый, 14 лет. Писательство рассматривает (по крайней мере, до сего времени рассматривала) как основное хобби. Среди прочих увлечений — фламенко, блогосфера и ковка.

Вот так, то с пером, то с молотом, то с кастаньетами в руках, автор проводит свое свободное время.

Писать начала в 2001 году, для себя и исключительно в свободное время. С 2005 года решила взяться за фантастику. Воодушевленная друзьями, стала играть в сетевых конкурсах. Получилось неплохо. Собственно, благодаря конкурсам и начала потихонечку публиковаться в сборниках фантастических рассказов, а также в журналах «Реальность фантастики», «Шалтай-Болтай», «Полдень» и других. С рассказом «Гарнизон «Алые паруса» в 2008 году Лариса стала лауреатом премии имени Юрия Казакова (за лучший рассказ года). Также стоит отметить и журнал «Космополитен», в котором автор успешно публиковала свои литературные произведения в течение двух с половиной лет.

АВТОР О СЕБЕ

По опроснику Марселя Пруста

1. Какие добродетели вы цените больше всего?

Чужие. Всегда приятно поглядеть на то, чего у тебя нет.

Ну а серьезно — сдержанность.

2. Качества, которые вы больше всего цените в мужчине?

Великодушие.

3. Качества, которые вы больше всего цените в женщине?

Женщин я ценю всех и всегда, целиком и полностью, вместе с их добродетелями, грехами, грешками и дурным характером. Женщины безупречны. А уж если женщина ненавязчива, то это прелесть что такое.

4. Ваше любимое занятие?

Отвечать умно или честно? Лучше честно. Я покушать люблю. Очень. Неимоверно. Не вредило бы здоровью и фигуре, начинала бы с утра омлетом с апельсиновым соком, заканчивала бы за полночь рябчиками в ананасах. А уж если к вкусной еде есть хорошая книга, то можно расписаться в том, что жизнь удалась.

5. Ваша главная черта?

Хотелось бы думать, что честность. Но это же не мне решать... В общем, я не знаю. Ах да. Еще нерешительность.

6. Ваша идея о счастье?

Много вкусной еды, много качественной литературы, температура за бортом плюс двадцать пять — двадцать шесть по Цельсию, солнечно, бесплатный высокоскоростной вайфай, сто сорок семь написанных мной романов в книжном шкафу, и чтобы тихо-тихо вокруг, мухи и кошки не в счет... И еще пусть из кузни, что во дворе, такие знакомые звуки «тюк-тюк БАБАХ, тюк-тюк БАБАХ» — муж у меня кузнец-любитель, поэтому всегда что-нибудь да кует.

А главное, чтобы и все остальные люди. Все. Без исключения... Были счастливы каждый по-своему. Ровно так, как им на этот момент кажется правильным.

7. Ваша идея о несчастье?

Несчастье всегда разное, неожиданное и плохое. У каждого оно свое, и вспоминать о нем лишний раз, честное слово, не стоит.

8. Ваш любимый цвет и цветок?

Сейчас люблю цвет «кофе с молоком». Полгода назад — белый. До этого был «горький шоколад». Но я, как Пикассо, живу периодами. Вот, наверное, радость для психоаналитиков со мной работать: посмотрел на цвет сумочки — и сразу понятно, как лечить.

9. Если не собой, то кем вам бы хотелось бы быть?

Хорошо бы всеми понемножку. Мне интересно. Например, интересно минут пять побыть тем, кто сейчас читает этот опросник. Вот сидит человек, крутит колесико мышки, может,

что-нибудь вкусное жует при этом. Думает: «Господи, какая же чушь! Зачем я это читаю?» Может, даже у него ухо чешется сейчас или нос. Чешется? Так надо почесать.

10. Где вам хотелось бы жить?

В общем, без разницы, если не дома. А дом мой здесь. В Москве.

11. Ваши любимые писатели?

Ну-у-у... Спросили! За что не люблю опросники и анкеты, так это за категоричность. Нет любимых. Есть подходящие под настроение и состояние в конкретный момент. Сейчас, пожалуй, классика. Паустовский, Чехов, Куприн, Толстой А., Набоков, Толстой Л., Вересаев, Бунин. Особенно Бунин. Кстати, ровно полгода назад я считала его скучным, занудным и желчным. А обожаемый мной тогда Уэльбек сегодня кажется мне выпрненным и немного нытиком. Из писателей-фантастов — Фрай. Из писателей «Этногенеза» — не скажу.

12. Ваши любимые поэты?

А вот тут без изменений. С детства и навсегда. Пушкин Александр Сергеевич. И Лорка... Да. Федерико Гарсиа Лорка.

13. Ваши любимые художники и композиторы?

С живописью у меня, если честно, так себе. Знаю ее плохо. Возможно, это результат детской психической травмы (тут смайлик). Родители любили каждый выходной водить меня по музеям и выставочным залам. Я же там смертельно скучала и мечтала поскорее бежать домой — к бутербродам и книжкам. Но вот знаете что, недавно была в Амстердаме в музее Ван Гога. Так вот. Я не люблю Ван Гога. А вот Милле (был такой художник), многие из полотен которого Ван Гог переписал по-своему (то есть они не копии, конечно, а действительно

другие картины, но на абсолютно тот же сюжет), мне почему-то нравится. С музыкой — еще хуже, чем с живописью. Я совсем не аудиал. Настолько не аудиал, что у меня на стене над компом висит стикер «звуки!!!». Это чтобы я не забывала, что текст должен не только выглядеть, пахнуть и ощущаться, но еще и звучать. Лучшая музыка для меня — тишина. Для галочки и чтобы показать, что я что-то про музыку знаю, пусть будет Щедрин с «Кармен-сюитой».

14. К каким порокам вы чувствуете наибольшее снисхождение?

Все пороки заслуживают снисхождения. А уж чревоугодие заслуживает оаций.

И гордыня, конечно.

15. Каковы ваши любимые литературные персонажи?

Смок Беллью

и еще маленький зверек (кажется, отак) из «Волшебника Земноморья» Ле Гуин.

16. Ваши любимые герои в реальной жизни?

А любой известный исторический персонаж меня восхищает и изумляет. Другое дело, что восхищение и/или изумление может быть как в плюс, так и в минус. Но сам факт, что вот человек жил черт знает сколько лет назад, а его знают и помнят, — это так удивительно... Ну, опять же, чтобы назвать имена и продемонстрировать начитанность и умение пользоваться «Гуглом» — князь Лев Голицын, например.

Или надо, чтобы здесь и сейчас?

Ага... Я скажу. Евгений Геннадьевич Новоселов.

17. Ваши любимые героини в реальной жизни?

М-м-м... Ну пусть будет Скарлетт Йохансон. Кто это?

18. Ваши любимые литературные женские персонажи?

Леди Винтер, Анна де Бейль, также известна как леди Кларик, Шарлотта Баксон, баронесса Шеффилд, графиня де Ла Фер, наиболее известная как просто Миледи.

19. Ваше любимое блюдо, напиток?

Всеядна совершенно. Впрочем, оладьи не очень люблю. И шпинат. Оладьи из шпината... М-м-м... Такие бывают?

20. Ваши любимые имена?

Сулейман-Феридун Акшемсеттинзадеоглу — но я так и не решилась его использовать в романе. А человек хороший.

21. К чему вы испытываете отвращение?

Ко всякому принуждению.

22. Какие исторические личности вызывают вашу наибольшую антипатию?

Предатели по «идейным соображениям». Этих во все времена было предостаточно. И всегда умело оправдывали подлость свою тем, что верили в то, что творят. Вон из истории!

23. Ваше состояние духа в настоящий момент?

Равномерное.

24. Ваше любимое изречение?

Ох. У меня справа на подоконнике стоит системный блок, на нем распечатка моего нынче любимого изречения. Но оно такое длинное, что наизусть я его никак не запомню, а переписывать лень. Это Мопассан. Начинается на «В сущности, публика состоит из множества групп...». Если будет интересно, то можно всегда «погуглить».

25. Ваше любимое слово?

Не знаю.

26. Ваше нелюбимое слово?

Я уверена (или это два слова?).

27. Если бы дьявол предложил вам бессмертие, вы бы согласились?

А только у дьявола есть эти дивные полномочия?

Точно?

Ну... Я бы поторговалась.

28. Что вы скажете, когда после смерти встретитесь с Богом?

Так вот ты какой, северн...

Надеюсь, что где-то здесь меня вышвырнут обратно.

АВТОР ОБ «ОХОТНИКАХ»

1. Начнем с истории. В вашей книге много героев — кто они? Это реальные люди или вымышленные?

Все настоящие. По крайней мере для меня. И хотя кое-кто из героев имеет конкретные исторические прототипы, кто-то выдуман и вне территории «Этногенеза» (пока что) не существует, а кто-то перешел на страницы моего романа из других книг — все они одинаково для меня ценны и настоящи.

2. А чем вообще обусловлен выбор времени действия? 20-е годы прошлого века, как мне кажется, одна из самых сложных исторических эпох.

О да! Это сложный и чрезвычайно насыщенный событиями исторический период. Поверьте, пока я писала книгу, я тысячу раз отругала себя за опрометчивость. Дело в том, что, прежде чем выбрать эпоху и поселить в ней своих героев, я задала себе прямой вопрос: «Так. А что из истории ты помнишь лучше всего?» И тут же честно себе ответила: «Да, в общем-то, ничего». Я не историк, школу закончила, скажем так, довольно давно, после этого все мои «исторические познания» опирались больше на литературные источники, которые не всегда отличаются достоверностью. Зато я неплохо знаю «турецкий» антураж, поскольку какое-то время мне довелось жить и работать в Турции. И мне всегда очень была интересна личность Мустафы-Кемаля Ататюрка — человека неординарного и яркого, умнейшего политика и тонкого дипломата. «А дай-ка я попробую написать про Мустафу-Кемаля», — подумала я. Ведь это не просто вызов мастерству писателя, не просто возможность наконец-то узнать

о том, о чем давно собиралась, но все откладывала на потом... это еще и возможность интерпретации новых знаний.

История же Мустафы-Кемаля Ататюрка оказалась так плотно связанной с историей Европы и России начала XX века, и особенно с Первой мировой войной, что мне неизбежно пришлось отработать все эти исторические события, чтобы понять, что же там могло происходить — в далекой и такой удивительной Турции начала XX века. А отработав их, я поняла: это невозможно не написать!

Но поверьте, было трудно. По счастью, я отлично пользуюсь «Гуглом» и быстро читаю.

3. Работа с материалом и быстрое чтение — это можно как-то оценить в цифрах? Чтобы написать одну книгу, сколько их надо прочесть в рамках подготовки?

Всем по-разному, наверное (тут смайлик). Ну, чтобы вы имели представление, а также чтобы я немного прихвастнула, отвечу. К примеру, для того чтобы написать четыре реплики одного из второстепенных героев, я просмотрела порядка трехсот страниц первоисточников. В результате количество реплик сократилось до двух, а потом герой оказался вовсе не нужен, и в тексте вы его не найдете. Но все равно это было познавательно и весело.

4. Интересно. Значит, в работе над книгой большое количество написанного идет в корзину?

Ну, не так чтобы большое. Но изрядное. Знаете, меня бабушка в детстве учила картошку чистить и все сокрушалась, что не выйдет из меня хорошей хозяйки: я же полкартошки вместе с кожурой в мусорку счищаю. Но год шел за годом, и теперь я любую картофелину могу обнажить тонкой стружкой за минуту. Впрочем, хозяйки из меня так и не вышло... Отвлеклась, простите. В общем, верю, что тут как с картошкой, и к следующей книжке количество шлака будет гораздо меньшим.

5. Голливудские традиции научили нас даже при чтении сразу вешать на героев ярлыки «хороший парень» — «плохой парень». Кто у вас хорошие, а кто — плохие?

А я не знаю. Вот честное слово. Дело в том, что все писатели, с которыми я знакома, делятся на тех, кто умеет управлять текстом и героями, и тех, кто позволяет тексту и героям управлять ими. Вот я явно из второй категории — «добренских» и бесхребетных авторов. Я позволяю героям жить своей жизнью, а сама как летописец — брожу за ними вслед и все заношу в молескин. Кто что сказал, кто куда пошел, кто повел себя хорошо, кто — плохо. И когда мне кажется, что вот, вот герой определился с характером и это явно «хороший парень», он раз — и совершает какую-нибудь неожиданную гадость. Ну и какой он после этого хороший парень... В общем, у меня в романе — как в жизни. Нет плохих и нет хороших. Все всякие. В зависимости от обстоятельств.

6. А у вас есть своя гипотеза, что случилось с Норфолкским полком?

Да. Я много читала про фантастическое исчезновение батальона один дробь пять в битве при Галлиполи. Читала не только российские, но и английские источники. И у меня родилась довольно-таки фантастическая версия. Но я ее приберегу для продолжения романа, поскольку она замечательно ляжет на предполагаемый сюжет. Впрочем, герои придут и вновь все переделают по-своему. Я их знаю.

7. Как вы лично относитесь к Турции? В книге эта страна описана у вас с явной симпатией, если не сказать больше.

Это замечательная страна с открытыми, доброжелательными людьми, с невероятно сложной культурой, с историей, насыщенной событиями удивительными и страшными. Турция — это колыбель нескольких цивилизаций, это страна с христианскими корнями, это Византия с ее роскошью

и ханжеством, с ее строгостью и непорочностью. Это Османская империя, которая несла в Европу в течение многих веков не только войны и разрушения (ну, без этого в те времена, сами понимаете, никак), но и просвещение. История Турции и история России связаны неразрывно. И если ты любишь одну, то оставаться равнодушным к другой невозможно.

В начале XX века произошло практически одновременное крушение двух великих империй — Российской и Османской... Нет! Ну, разве можно пройти мимо этого! Два колосса, перенесшие войны и нашествия, мор и голод, — вдруг обрушиваются под тяжестью междоусобных неурядиц и гражданских войн. Всё! Бэнг-бэнг! И горы праха по обе стороны Черного моря. Но ничего, оправились. Кстати, Россия и Турция поднялись из руин не без помощи друг друга. Ведь если бы не военная и финансовая помощь, которую Ленин в 20-е годы оказал Ататюрку, разумеется, небезвозмездно, как знать, как бы выглядела современная карта мира.

8. А Крым выбран местом действия, потому что он «по дороге» между Турцией и Россией?

И поэтому тоже. А также потому, что я люблю эти места, и с каждым годом все сильнее. Описывать Гражданскую войну в России и не писать при этом про «белый» Крым — это как рассказывать о полете в космос, ни разу не упомянув звездолет.

9. А что произойдет с героями дальше? Артур действительно женится на Даше? Что случилось со Стиви Баркером? Куда пропала Мата Хари?

Вот я прямо все так и рассказала! Вы еще спросите, сколько у них всех будет внуков и на какую из планет их прапрапрапрапраправнуки переберутся. Никаких спойлеров! К тому же я сама еще не знаю. И очень хотела бы узнать.

Пангея

Имя	Отсутствует
Прозвище	Белка
Время действия	18 тыс. лет до н.э.
Возраст	14 лет
Локация	Белая Река
Предмет	Медведь
Дар	Управление животными
Сайт	www.etnogenez.ru

ЭТНОГЕНЕЗ

РИМ

Имя	Гай
Фамилия	Деметрий
Прозвище	Целест
Время действия	9 год н.э.
Возраст	28 лет
Адрес	Ализон, летний лагерь XVII легиона
Локация	Римская империя, провинция Германия
Предмет	Воробей
Дар	Возвращение мертвых
Сайт	www.etnogenez.ru

ЭТНОГЕНЕЗ

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог	3
--------------	---

Глава первая

О выборе. И о той самой минуте, которая, как это ни банально, определяет всю твою жизнь.....	8
---	---

Глава вторая

О чересчур тесных семейных связях. Или о том, к каким последствиям может привести умного человека излишняя сентиментальность	33
--	----

Глава третья

Немного об индивидуальных способностях, немного о долге, совсем чуть-чуть о любви. В основном же о том, к чему приводят любопытство, шампанское и бессонница	68
---	----

Глава четвертая

О дружбе, о странных стечениях странных обстоятельств, о непростых решениях, идущих вразрез с принципами и долгом, а также о том, что женщинам доверять следует с оговорками	99
---	----

Глава пятая

О мужских непростых играх, а также о том,
что девушкам в эти игры ввязываться следует с оглядкой 121

Глава шестая

О городах и людях. О лошадях и медведях. О войне 149

Глава седьмая

О проблемах взросления в условиях военного
времени. О печке, стихах и кошке Манон 182

Глава восьмая

О том, как трудно бывает принимать решения.
Даже если у тебя есть для этого абсолютно все 211

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА

ПРИБОРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **буква**

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр.1, т. (495) 323-19-05
- м. «Алексеевская», пр-т Мира, д. 114, стр. 2 (Му-Му), т. (495) 687-57-56
- м. «Алтуфьево», ТРЦ «РИО», Дмитровское ш., вл. 163, 3 этаж, т. (495) 988-51-28
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, стр. 1, т. (499) 267-72-15
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, д. 22, ТЦ «Александр», 0 этаж, т. (499) 206-92-65
- м. «ВДНХ», ТЦ «Золотой Вавилон - Ростокино», пр-т Мира, д. 211, т. (495) 665-13-64
- м. «ВДНХ», г. Мытиши, ул. Коммунистическая, д. 1, ТРК «XL-2», 3 этаж, т. (495) 641-22-89
- м. «Домодедовская», Ореховый б-р, вл. 14, стр. 3, ТЦ «Домодедовский», 3 этаж, т. (495) 983-03-54
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18а, т. (499) 619-90-89
- м. «Коломенская», ул.Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (499) 616-20-48
- м. «Коньково», ул. Профсоюзная, д. 109, к. 2, т. (495) 429-72-55
- м. «Крылатское», Рублевское ш., д. 62, ТРК «Евро Парк», 2 этаж, т. (495) 258-36-14
- м. «Марксистская/Таганская», Большой Факельный пер., д. 3, стр. 2, т. (495) 911-21-07
- м. «Новые Черемушки», ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4 этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, т. (499) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, к. 2, т. (499) 306-18-98
- м. «Петровско-Разумовская», ТРК «XL», Дмитровское ш., д. 89, 2 этаж, т. (495) 783-97-08
- м. «Пражская», ул. Красного Маяка, д. 26, ТЦ «Пражский Пассаж», 2 этаж, т. (495) 721-82-34
- м. «Преображенская площадь», ул. Большая Черкизовская, д. 2, к. 1, т.(499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д.76, к.1, 3 этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Теплый Стан», Новоясеневский пр-т, вл.1, ТРЦ «Принц Плаза», 4 этаж, т. (495) 987-14-73
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15/1, т. (499) 977-74-44
- м. «Третьяковская», ул. Большая Ордынка, вл.23, пав. 17, т. (495) 959-40-00
- м. «Тульская», ул. Большая Тульская, д.13, ТЦ «Ереван Плаза», 3 этаж, т. (495) 542-55-38
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к.1, т. (495) 322-28-22
- м. «Шукинская», ТЦ «Шука», ул. Шукинская, вл. 42, 3 этаж, т. (495) 229-97-40
- м. «Юго-Западная», Солнцевский пр-т, д. 21, ТЦ «Столица», 3 этаж, т.(495) 787-04-25
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д.5, к.1, т.(495) 423-27-00
- М.О., г. Железнодорожный, ул. Советская, д.9, ТЦ «Эдельвейс», 1 этаж, т. (498) 664-46-35
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Зеленоград», Крюковская пл., д. 1, стр. 1, 3 этаж, т. (499) 940-02-90
- М.О., г. Клин, ул. Карла Маркса, д. 4, ТЦ «Дарья», 2 этаж, т. (496) (24) 6-55-57
- М.О., г. Коломна, Советская пл., д. 3, ТД «Дом торговли», 1 этаж, т. (496) (61) 50-3-22
- М.О., г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 151/9, т. (495) 554-61-10
- М.О., г. Сергиев Посад, ул. Вознесенская, д. 32а, ТРЦ «Счастливая семья», 2 этаж
- М.О., г. Лобня, Краснополянский пр-д, д. 2, ТРЦ «Поворот»

Регионы:

- г. Архангельск, ул. Садовая, д. 18, т. (8182) 64-00-95
- г. Астрахань, ул. Чернышевского, д. 5а, т. (8512) 44-04-08
- г. Белгород, Народный б-р, д. 82, ТЦ «Пассаж», 1 этаж, т.(4722) 32-53-26
- г. Владимир, ул. Дворянская, д. 10, т. (4922) 42-06-59
- г. Волгоград, ул. Мира, д. 11, т. (8442) 33-13-19
- г. Воронеж, пр-т Революции, д. 58, ТЦ «Утюжок», т. (4732) 51-28-94
- г. Иваново, ул. 8 Марта, д. 32, ТРЦ «Серебряный город», 3 этаж, т. (4932) 93-11-11 доб. 20-03
- г. Ижевск, ул. Автозаводская, д. 3а, ТРЦ «Столица», 2 этаж, т. (3412) 90-38-31
- г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 46, ТРЦ «ГРИНВИЧ», 3 этаж, т. (343) 253-64-10
- г. Калининград, ул. Карла Маркса, д.18, т. (4012) 66-24-64
- г. Краснодар, ул. Головатого, д. 313, ТЦ «Галерея», 2 этаж, т. (861) 278-80-62
- г. Красноярск, пр-т Мира, д. 91, ТЦ «Атлас», 1, 2 этаж, т. (391) 211-39-37
- г. Курск, ул. Ленина, д. 31, ТРЦ «Пушкинский», 4 этаж, т. (4712) 73-45-30
- г. Курск, ул. Ленина, д.11, т. (4712) 70-18-42
- г. Липецк, угол Коммунальная пл., д. 3 и ул. Первомайская, д. 57, т. (4742) 22-27-16
- г. Орел, ул. Ленина, д. 37, т. (4862) 76-47-20
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 31, т. (3532) 31-48-06
- г. Пенза, ул. Московская, д. 83, ТЦ «Пассаж», 2 этаж, т. (8412) 20-80-35
- г. Пермь, ул. Революции, д. 13, 3 этаж, ТЦ «Семья», т. (342) 238-69-72
- г. Ростов-на-Дону, г. Аксай, Новочеркасское ш., д. 33, ТЦ «Мега», 1 этаж, т. (863) 265-83-34
- г. Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, к. 1, ТЦ «Виктория Плаза», 4 этаж, т. (4912) 95-72-11
- г. С.-Петербург, ул. 1-я Красноармейская, д. 15, ТК «Измайловский», 1 этаж, т. (812) 325-09-30
- г. Ставрополь, пр-т Карла Маркса, д. 98, т. (8652) 26-16-87
- г. Тверь, ул. Советская, д. 7, т. (4822) 34-37-48
- г. Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- г. Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- г. Тула, пр-т Ленина, д. 18, т. (4872) 36-29-22
- г. Тюмень, ул. М. Горького, д. 44, ТРЦ «Гудвин», 2 этаж, т. (3452) 79-05-13
- г. Уфа, пр-т Октября, д. 34, ТРК «Семья», 2 этаж, т. (347) 293-62-88
- г. Чебоксары, ул. Калинина, д.105а, ТЦ «Мега Молл», 0 этаж, т. (8352) 28-12-59
- г. Челябинск, пр-т Ленина, д. 68, т. (351) 263-22-55
- г. Череповец, Советский пр-т, д. 88, т. (8202) 20-21-22
- г. Ярославль, ул. Первомайская, д. 29/18, т. (4852) 30-47-51
- г. Ярославль, ул. Свободы, д. 12, т. (4852) 72-86-61

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой»
или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковию:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, 232-17-06
факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

www.etnogenez.ru

Литературно-художественное произведение

Лариса Бортникова

ОХОТНИКИ

Книга первая

Погоня за жужелицей

Автор идеи Константин Рыков
Главный редактор Кирилл Бенедиктов
Редактор Вадим Нестеров
Корректоры: Наталья Витько, Майяна Аркадова
Выпускающий редактор Дмитрий Гусев
Арт-концепт Алексей Маслов
Арт-директор Алексей Гонтов
Аудиоверсия: Андрей Градобоев, Роман Галушкин
Хранители идеи: Елена Кондратьева, Александр Шмелев,
Сергей Пименов
Правовое сопровождение Алексей Наказной-Хоменко

ООО Издательско-торговый дом «Этногенез»
Россия, 107031, г. Москва, Звонарский пер., д. 4, стр. 1,
тел./факс: +7 (495) 668-37-40 (41)
www.etnogenez.ru

Подписано в печать 21.07.11 г. Формат 164x215
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура CharterC 12,5 pt
Условных печатных листов — 16

Заказывайте книги почтой в любом уголке России:
123022, Москва, а/я 71 «Книги-почтой»
или на сайте www.shop.avanta.ru
Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосквовью:
тел./факс: +7 (495) 259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в интернете на сайте www.ozon.ru

Издательская группа АСТ
www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: +7 (495) 615-01-01, факс: +7 (495) 615-51-10
zakaz@ast.ru

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980 Россия, г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 14
тел: (8422) 41-11-07
факс: (8422) 41-11-32